

Numa Denis Fustel de Coulanges
LE COLONAT ROMAIN

Н. Д. Фюстель де Куланж

РИМСКИЙ КОЛОНАТ

**Происхождение
крепостного права**

Перевод с французского
под редакцией и с предисловием
профессора И. М. Гревса

Издание второе

**URSS
МОСКВА**

Фюстель де Куланж Ньюа Дени

Римский колонат: Происхождение крепостного права. Пер. с фр. /
Под ред. и с предисл. И. М. Гревса. Изд. 2-е. — М.: КРАСАНД, 2011. — 224 с.
(Академия фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается один из главных трудов выдающегося французского историка Н. Д. Фюстель де Куланжа (1830–1889), посвященный исследованию римского института колоната и происхождению феодализма. Автор называет колонат одним из главных звеньев, объединяющих римский общественный строй с теми порядками, которые определяли жизнь трудящейся массы в земледельческом Средневековье. В книге описывается история происхождения колоната, показано его отличие от рабства и средневекового серважа; рассматривается положение колоннов с точки зрения права и их обязательства по отношению к собственнику.

Книга предназначена для историков, правоведов и социологов, а также всех, кого интересует история происхождения феодальной зависимости.

1-е издание вышло под заглавием «Римский колонат»

Издательство «КРАСАНД», 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 14. Зак. № 4072.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–396–00295–1

© КРАСАНД, оформление, 2010

ПРЕДИСЛОВІЕ

(Отъ редактора русскаго перевода).

Предлагаемое нынѣ въ отдѣльномъ изданіи на русскомъ языкѣ «разысканіе» Фюстель де-Куланжа «о римскомъ колонатѣ» должно быть причислено къ самымъ выдающимся трудамъ знаменитаго историка. Оно долго «замалчивалось», какъ и другія работы автора, нѣмецкою наукою: представители ея не сумѣли найти лучшаго способа борьбы противъ раздражавшихъ ихъ остро антигерманистскихъ идей крупнаго противника. Но тѣмъ не менѣе данная работа составила, можно сказать, эпоху въ исторіи изученіи темной и трудной проблемы, являющейся вопросомъ первостепенной важности какъ для соціальной исторіи римской древности, такъ и для исторіи развитія общественнаго строя средне-вѣковой Европы. Даже научные и идейные враги Фюстель де-Куланжа, часто не называя его, не признавая открыто значительности результатовъ его изслѣдованія, — не могли, однако, не основываться на нихъ: при освѣщеніи и построеніи вопроса о римскомъ колонатѣ и средне-вѣковомъ крестьянствѣ они по неволѣ опирались на его крѣпкія плечи.

Представляя вниманію той части русскаго общества, которая живо и серьезно интересуется исторіею, — работу, появившуюся слишкомъ 20 лѣтъ назадъ, инициаторъ рус-

скаго ея перевода, несмотря на это, убѣжденъ, что онъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствуетъ приобщенію къ нашей научной литературѣ первокласснаго произведенія великаго ученаго мастера, которое не утеряло и теперь своей свѣжести. Оно навсегда останется маленькою, но чистою жемчужиною историческаго искусства; а блестящими, солидными и оригинальными достоинствами содержанія, оно очень долго еще будетъ побѣдоносно отстаивать себя отъ забвенія и устарѣлости, каковы бы ни были осуществившіеся послѣ ея появленія успѣхи историческаго знанія. — Стремясь помочь русскому читателю войти въ сознательное изученіе и критическій анализъ предлагаемаго сочиненія Фюстель де-Куланжа, пытаюсь облегчить ему правильную и всестороннюю его оцѣнку, редакторъ долженъ въ нѣсколькихъ словахъ освѣтить мѣсто книги 1) въ ряду другихъ трудовъ ея автора и 2) въ историографіи вопроса о колонатѣ.

Нашего замѣчательнаго историка, проф. П. Г. Виноградова, одинъ изъ близкихъ его соратниковъ по наукѣ назвалъ недавно «человѣкомъ одной книги». Такимъ парадоксальнымъ выраженіемъ подчеркивалось то, что вся ученая жизнь его посвящена созиданію единаго громаднаго и сильнаго сравнительнаго изслѣдованія соціальной структуры Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ. Оно развертывается во много томовъ, но всѣ они составляютъ нераздѣльное органическое цѣлое, — одну книгу, одинъ, неуклонно строящійся внушительный памятникъ. — Фюстель де-Куланжа въ такомъ же смыслѣ можно назвать — «человѣкомъ двухъ книгъ» — книги объ античномъ общежитіи и родовой религіи (*La cité antique*) и книги о древне-французскомъ, общественномъ строѣ (*Les institutions politiques de l'ancienne France*). Древняя *civitas*, πόλις — городъ-государство — ея эволюція и идеализація, съ одной стороны; съ другой — средневѣковой

феодализмъ — помѣстье-государство — и его генезисъ: таковы два основные центра, около которыхъ поочередно вращалась вся его непримѣрно трудовая, исключительно плодотворная научная жизнь. Въ первой половинѣ всѣ помыслы его направлялись на подготовку изумительнаго по гармонической стройности созданія—«гражданской общины античнаго міра». Вторая половина отдана была всецѣло на исчерпывающее собираніе и глубокое изученіе матеріала, установку плана, разработку его частей и постепенное возведеніе нижнихъ ярусовъ гораздо болѣе сложнаго сравнительно съ первымъ сооруженія, — именно реконструкціи роста общественнаго организма древней Франціи¹.—*La cité antique* поражаетъ сжатою насыщенностью необычайно прозрачнаго синтетическаго построенія, покоряющаго умъ тонкою простотою--не элементарнымъ симплизмомъ, а дивинирующею интуиціею основнаго одухотворяющаго мотива.—*Les institutions politiques de l'ancienne France* заставляютъ преклониться передъ колоссальною эрудиціею, богатырскою легкостью распоряженія ею и небывалою силою проникновенія въ ткань прошлаго, путемъ неутомимаго мельчайшаго анализа оставшихся отъ него слѣдовъ. — Послѣднее зданіе выросло болѣе запутаннымъ; оно осталось неоконченнымъ; но твердая путеводная нить неразрывной послѣдовательности общей мысли, всегда блистающей передъ взоромъ читателя или ученика, не даетъ заблудиться въ лабиринтъ его помѣщений; и въ домѣ, оставленномъ безъ кровли, духовный житель его чувствуетъ надежный пріютъ. Сравненіе обоихъ

¹ Оба указанные центра не оставались у Фюстель де-Куланжа разъединенными: связующимъ звеномъ между ними являлась въ его ученыхъ интересахъ также по новому имъ истолкованная, принадлежащая, по его мнѣнію, и къ первому центру, и ко второму — міровая монархія, римская имперія: въ нее превратилась первая (гражданская община древности); она сама разложилась во второй (феодализмъ).

продуктовъ великаго научнаго усилія, вполнѣ адекватныхъ каждый своей темѣ, свидѣтельствуетъ о разностороннемъ богатствѣ дарованія создателя, убѣждаетъ отдать ему честь какъ одному изъ «героевъ» научнаго познанія человѣческой культуры.

Фюстель де-Куланжъ запальчиво полемизировалъ съ противниками его идей и выводовъ; онъ можетъ казаться самоувѣреннымъ, по внѣшности, и даже высококомѣрнымъ въ отстаиваніи своихъ мнѣній противъ установившихся взглядовъ; но на самомъ дѣлѣ онъ былъ проникнутъ глубокою, благоговѣйною скромностью передъ высокою задачею отысканія исторической правды. Онъ постоянно сомнѣвался въ своей способности ее открыть; онъ вѣчно видѣлъ, достигая результата, представлявшагося ему важнымъ шагомъ впередъ, расширяшіяся впереди дали, остававшіяся непорѣшеннымъ вопросомъ. Отлично понимая и глубоко чувствуя величайшія трудности истолкованія далекаго прошлаго, Фюстель де-Куланжъ дѣйствовалъ всегда съ чрезвычайною осторожностью. Онъ не жалѣлъ труда на отысканіе новаго, раньше незамѣченнаго обломка традиціи, не щадилъ крайняго напряженія мысли и вниманія въ примѣненіи всѣхъ доступныхъ мельчайшихъ приѣмовъ методической обработки матеріала. Онъ шествовалъ медленно, чтобы двигаться твердою поступью, направляя шаги по строго и точно разслѣдованной почвѣ. Всегда оставался онъ вѣренъ выстрадавшимся въ трудѣ заповѣдямъ: на годы анализа допуская лишь часы синтеза; иди впередъ лишь во всеоружіи опыта и знанія; поднимай голосъ, лишь когда убѣжденъ, что онъ благовѣствуетъ истину; всегда умѣй отказаться отъ собственнаго заблужденія, но остерегайся и общераспространенныхъ предразсудковъ другихъ. Научная работа была для Фюстель де-Куланжа не только любимымъ призваніемъ, но и какъ бы религіознымъ подвигомъ.

Однимъ изъ признаковъ (или послѣдствій) такой прямо

«благочестивой» совѣстливости при исполненіи принятой на себя научной задачи, которую авторъ всегда переживалъ какъ «великое радѣніе» (*une grande tâche*), — являлись въ работѣ Фюстель де-Куланжа многочисленныя частичныя, предварительныя изслѣдованія (*travaux préliminaires, Vorstudien*). Они должны были какъ бы расчищать путь и готовить данныя и идеи для главнаго вывода и общаго построенія, а вмѣстѣ служили провѣрочными опытами правильности намѣчавшагося направленія, формулировавшейся основной истины. Подобнаго рода «*recherches préparatoires*» выросли у Фюстель де-Куланжа, который не любилъ оставлять ничего недодѣланнымъ, въ законченные этюды, иногда обширные по размѣрамъ, охватывающіе большой и серьезный вопросъ, освѣщающіе его съ разныхъ сторонъ, ставящіе его въ связь съ цѣлыми комплексами историческихъ проблемъ. Такія «разысканія», собранныя вмѣстѣ, образовали три внушительныхъ тома, и среди нихъ находится немало лучшихъ перловъ историческаго таланта автора.

Къ числу подготовительныхъ работъ для общаго труда о феодализмѣ принадлежитъ и изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа «о римскомъ колонатѣ». Оно открываетъ собою первый изъ сборниковъ отдѣльныхъ разысканій автора — «*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*», вышедшій еще при жизни историка въ 1885 г. (Paris, Hachette)¹. Лучше всего воспользоваться его собственными словами, взятыми изъ авторскаго предисловія къ означенному тому-сборнику, чтобы показать характеръ предлагаемаго труда въ ряду разновидностей историческихъ сочиненій, чтобы опредѣлить его мѣсто среди другихъ работъ Фюстель де Куланжа.

«Меня спрашивали, говоритъ авторъ, почему я еще не обнарудовалъ книги о феодальномъ порядкѣ. Въ самомъ

¹ Остальные два тома называются «*Nouvelles Recherches*» и «*Questions Historiques*». Въ нихъ содержатся спеціальныя этюды по исторіи Греціи, Рима, варварскаго строя, феодальныхъ институтовъ.

дѣлѣ, вотъ ужъ девятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я предпринялъ выяснитъ путь, по какому этотъ порядокъ слагался. Я работаю все это время надъ даннымъ вопросомъ, слѣдуя той же методѣ, которая руководила мною, когда я въ двѣнадцать предшествующихъ лѣтъ моей жизни разслѣдовалъ основныя начала строя греческаго и римскаго общества, то-есть, прямо изучаю документы и углубляюсь въ наблюденіе деталей. Въ исторіи, по крайней мѣрѣ столько же, сколько во всякой другой наукѣ, можно надѣяться достигнуть нѣкотораго синтеза только на почвѣ упорнаго анализа. Но для такого изученія феодализма требуется болѣе долгая работа, чѣмъ для античныхъ общинъ. Послѣднія являлись организмами, относительно простыми, у которыхъ въ извѣстную эпоху всѣ элементы находились въ согласномъ равновѣсіи между собою. Можно было съ успѣхомъ усмотрѣть ихъ природу при соблюденіи единственнаго условія — не переносить въ тѣ стародавніе вѣка нашихъ современныхъ понятій. Когда мнѣ удалось изучить тамъ, въ отдѣльности, положимъ, тридцать какихъ-нибудь учреждений, оказалось, что эти тридцать аналитическихъ изслѣдованій, доведенныя до конца и сближенныя между собою, обнаружили очевидную взаимную связь. Оставалось привести каждое къ простѣйшему виду, и книга была готова. Того ужъ нельзя было достигнуть по отношенію къ римской имперіи, которая при наружномъ единствѣ, вызвавшемъ иллюзію въ умахъ нѣкоторыхъ историковъ, являлась однимъ изъ самыхъ сложныхъ и противорѣчивыхъ общественныхъ образованій, какія когда-либо существовали. — Что касается такъ называемаго германскаго вторженія, я, надѣюсь, показалъ, что его можно уразумѣть, лишь разлагая на отдѣльныя теченія, изъ сліянія которыхъ оно создавалось. — Хорошо схватить и познать средневѣковой феодализмъ еще безконечно труднѣе. Это тѣло—чрезвычайно обширное, снабженное многочислен-

ными органами, съ многообразною жизнью, съ постоянно мѣняющеюся физиономіею. Простота изображенія, которая могла соединять въ себѣ и точность его примѣнительно къ древнимъ обществамъ, превратилась бы здѣсь въ грубѣйшую изъ ошибокъ».

Фюстель де-Куланжъ переходитъ затѣмъ къ вопросу о происхожденіи феодализма. — Одинъ онъ, этотъ вопросъ представляетъ собою проблему великой трудности. «Двѣ школы, германисты и романисты, пытались упростить задачу, выводя феодальный строй изъ единого источника. Но феодализмъ не былъ ни германскимъ, ни романскимъ. Онъ сложился очень медленно. Онъ явился равнодѣйствующею многихъ силъ, длиннаго ряда фактовъ, социальныхъ навыковъ, бытовыхъ особенностей, незамѣтнымъ образомъ установившихся. Поэтому историкъ, который пытается понять феодальный порядокъ, обязанъ произвести безконечную серію изслѣдованій на протяженіи восьми вѣковъ. Онъ не имѣетъ права пренебрегать рѣшительно ничѣмъ, ибо заранѣе не можетъ знать, содѣйствовали или нѣтъ такое-то событіе, такое-то учрежденіе, такой-то принципъ публичнаго права или такая-то практика права частнаго зарожденію этого порядка. При всякомъ фактѣ, съ которымъ онъ встрѣчается, при всякомъ законѣ или обычаѣ, которые онъ усматриваетъ, ему необходимо спрашивать себя, не стоялъ ли этотъ фактъ, законъ или обычай въ той или иной связи съ феодализмомъ. — Здѣсь указывается лишь меньшая часть задачи и ея трудностей. Чтобы изучить феодальные институты, историку необходимо также хорошо знать и умѣть отличать отъ нихъ не феодальные, которые смѣшались и переплелись съ первыми. Приходится, стало быть, наблюдать рѣшительно все и притомъ не только на поверхности: именно въ корняхъ и на низахъ вещей и явленій отыскиваются обыкновенно внутреннія связи между ними или самыя сокровенныя и существенныя отличительныя черты».

Отсюда и вытекает, что необходимость «предварительных», «подготовительных», развѣдочныхъ работъ особенно велика, когда вступаешь въ истолкованіе феодализма и прежде всего его возникновенія.—«Раньше чѣмъ идти здѣсь впередъ по главной линіи, надобно разслѣдовать множество второстепенныхъ пунктовъ». — Колонатъ, вопросъ о происхожденіи крѣпостничества сельскаго населенія, въ ряду такихъ *«recherches préliminaires»* для феодализма, въ умѣ Фюстель де-Куланжа долженъ былъ естественно рисоваться одною изъ самыхъ важныхъ задачъ. Колонатъ раскрывается передъ очами Фюстель де-Куланжа какъ одно изъ самыхъ сильныхъ и цѣпкихъ звеньевъ (*traits d'union*), объединяющихъ римскій общественный строй съ тѣми порядками, какіе опредѣляли жизнь трудящейся массы въ земледѣльческомъ средневѣковъѣ. Разработка вопроса о рожденіи и ростѣ колоната въ планѣ научнаго дѣла жизни Фюстель де-Куланжа, — это *«contribution»* и для уразумѣнія соціального организма поздней римской имперіи (*La fin de l'empire*), и для познанія аграрнаго строя и положенія сельскихъ классовъ въ ранней исторіи Франціи (*L'alleu et le domaine rural*), и для выясненія главныхъ институтовъ, изъ которыхъ выросъ феодализмъ (*Les origines du système féodal*)¹. — Въ экономіи же или систематикѣ отдѣльныхъ частей главнаго научнаго произведенія Фюстель де-Куланжа—*«L'histoire des institutions politiques de l'ancienne France»* — колонатъ (*Le colonat romain*) является крѣпкимъ узломъ, однимъ изъ узловъ, наглядно и убѣдительно опредѣляющихъ филиацію отъ римской имперіи къ древней Франціи. Мы бы сказали: римскій колонатъ и средневѣковой серважъ въ ихъ генетической связи знаменуютъ собою одинъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу «всемирно-исторической» точки

¹ Особенно близко соприкасается работа о колонатѣ съ трудомъ объ «аллодѣ». Первая часть послѣдняго, вышедшаго позже первой, интересно дополняетъ ее.

зрѣнія при выясненіи преемства между античною и ново-европейскою культурою. А эта идея — «всемирной исторіи», то-есть, непрерывнаго развитія культурнаго человѣчества въ рамкахъ европейской (даже и внѣ-европейской) исторіи, — очень дорога для «эволюціоннаго (не догматическаго, не доктринерскаго, а подвижнаго и гибко-историческаго) романизма», которымъ вдохновлялся Фюстель де-Куланжъ. Оттого тема о римскомъ колонатѣ разработана авторомъ съ такою тщательностью и полнотою и разработка эта проникнута такою любовью.

Вотъ каково мѣсто предлагаемаго здѣсь «разысканія» въ концепціи задачъ ученой дѣятельности Фюстель де-Куланжа, который сумѣлъ вдохнуть въ работу своей жизни душу, пылающую страстью, но и подчинить ея одушевленіе твердой логикѣ разума, воплотить мысль и энтузіазмъ въ развивавшееся съ необычайною послѣдовательностью неустанное дѣло. Переходя къ формулировкѣ самаго положенія, какое заняло изслѣдованіе знаменитаго историка въ обширной литературѣ о римскомъ колонатѣ, пишущему эти строки не приходится распространяться по данному вопросу: онъ имѣлъ уже случай высказаться систематически и полно о книгѣ Фюстель де-Куланжа печатно въ пространномъ критическомъ разборѣ ея, напечатанномъ вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ «*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1886-й годъ ¹. Къ этой рецензій

¹ См. книжки за ноябрь и декабрь.—За вычетомъ нѣкоторыхъ преувеличеній и прямолинейностей этой почти юношеской работы, авторъ до сихъ поръ согласенъ съ высказанными въ ней общими точками зрѣнія и даже еще больше, чѣмъ тогда, видитъ правды въ построеніи Фюстель де-Куланжа, хотя бы и въ наиболѣе слабой второй части его труда.

онъ и проситъ читателя обратиться при желаніи его предварительно ориентироваться въ отношеніи Фюстель де-Куланжа къ взглядамъ и теоріямъ другихъ историковъ и юристовъ, писавшихъ о колонатѣ, и заранѣе представить себѣ выдающіяся черты его изслѣдованія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Разсчитывая на такое ознакомленіе читателя съ указанною статьею, авторъ настоящаго краткаго предисловія ограничится лишь нѣсколькими словами въ качествѣ характеристики главныхъ особенностей воззрѣнія Фюстель де-Куланжа на колонатъ.

Построеніе труда Фюстель де-Куланжа тѣмъ, прежде всего, замѣчательно, что широко и цѣльно разившимся планомъ охватываетъ весь предметъ, освѣщая изслѣдуемый институтъ (колонатъ) въ его происхожденіи и ростѣ внутри римскаго міра, а также разсматривая его переживаніе и воздѣйствіе на жизнь общества въ послѣдующую эпоху. Въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ вопросъ расчлененъ съ безукоризненною отчетливостью. Элементы, изъ которыхъ слгагается тема, классифицированы въ превосходной системѣ и приведены въ удивительную гармонію другъ съ другомъ. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ сосредоточивается на первой задачѣ: съ большою глубиною и проницательностью раскрываетъ онъ «origines» колоната. Изъ точнаго анализа текстуальнаго преданія, часто отрывочнаго, онъ мастерски умѣетъ возстановить фазы роста изучаемаго явленія, нарисовать одно надъ другимъ наслоенія, символизирующія возрасты его жизни. — Историкъ тѣмъ здѣсь оригиналенъ, что ищетъ основныхъ двигателей, создавшихъ институтъ, въ широкой практикѣ повседневнаго существованія общества, а не въ идеѣ законодателя (какъ думали многіе). Онъ находитъ первыя формулы, которыя составили его кристаллизацию, не въ сферѣ положеній публичнаго права или актовъ законодательной власти, а въ области частно-правовыхъ

отношеній между личностями и группами. Первое слово о колонатѣ, по его мнѣнію, сказалъ не законъ, а обычай ¹.

Выясняя источники пополненія класса колоновъ (*sources de recrutement*), Фюстель де-Куланжъ съ большою силою доказалъ — и послѣ его изображенія вопросъ становится яснымъ какъ день и разъ навсегда, что образованіе колоната въ общемъ правилѣ (основнымъ стволемъ) было пониженіемъ свободы граждански независимыхъ категорій, а не фазою соціального прогресса отъ рабства къ свободѣ. Самыя ступени такого пониженія людей отъ крестьянскаго землевладѣнія черезъ вольную денежную аренду на срокъ и потомъ долгосрочное фермерство изъ части, черезъ задолжаніе и кабалу къ легальному крѣпостному праву — представлены авторомъ съ рѣдкою яркостью и убѣдительною документальностью. — Только рядомъ съ такимъ центральнымъ и опредѣляющимъ потокомъ, приводившимъ къ созданію колоната какъ всеобъемлющей формы быта трудящихся сельскихъ массъ въ римской имперіи послѣдней эпохи, — Фюстель де-Куланжъ чертитъ кривыя боковыхъ теченій. Онъ отмѣчаетъ дѣйствительно появленіе «рабскаго держанья», какъ дополнительнаго источника увеличенія класса колоновъ, и распространенія колоната и какъ пути для перерожденія чистаго, классическаго рабства въ средневѣковой серважъ. — Авторъ показываетъ также широкую струю добровольныхъ и принудительныхъ варварскихъ переселеній или пополненія рѣдѣвшаго числа сельскихъ жителей римскаго государства черезъ испомѣщеніе на казенныхъ и частныхъ

¹ Ту же точку зрѣнія авторъ проводитъ съ большимъ блескомъ, изслѣдуя вопросъ о «происхожденіи феодальнаго порядка». Онъ находитъ его подпочву сложившеюся на низахъ общества, въ фактическихъ комбинаціяхъ междуклассовыхъ взаимодѣйствій, а не въ верхахъ его и въ столкновеніяхъ между обществомъ и государствомъ. Малый, повседневный феодализмъ предшествовалъ большому, торжественному.

земляхъ имперіи многочисленныхъ группъ германцевъ на условіяхъ постепенно слагавшагося колонатнаго права.— Отъ такихъ ограничительныхъ дополненій теорія Фюстель де-Куланжа никоимъ образомъ не расплывается въ безцвѣтный эклектизмъ. Она остается окрашеною монистическимъ принципомъ: колонатъ былъ паденіемъ римскихъ крестьянъ-съемщиковъ отъ свободы къ крѣпостничеству. Яркая и сильная, единая руководящая идея даетъ жизнь всему построению; она только осложняется добавочными тезисами, которые совершенно правильно знаменуютъ собою сложность самого изображаемаго явленія, обнаруживаютъ всегда происходящее въ исторической жизни обществъ притяженіе къ основному процессу цѣлаго ряда побочныхъ.

Затѣмъ еще какъ одно изъ типичныхъ своеобразій теоріи Фюстель де-Куланжа о происхожденіи колоната, необходимо указать на стремленіе его довести до минимума оцѣнку роли государственной власти и ея сознательной инициативы въ ряду силъ, творившихъ этотъ институтъ. Волѣ законодателя, утверждаетъ онъ, принадлежала тутъ лишь констатирующая функція; творческой работы правительство римскихъ императоровъ въ созданіи колоната не обнаружило. Оно лишь воспользовалось для чисто и узко фискальныхъ цѣлей практикой, сложившейся въ жизни. Авторъ съ выдающимся остроуміемъ показываетъ въ особой (пятой) главѣ, какъ первымъ актомъ правительства по отношенію къ колонатамъ, фактически уже кабальнымъ и пригвожденнымъ къ мѣсту долгами, была фиксація такой выработанной жизнью реальной закрѣпощенности сельскаго люда на барскихъ помѣстьяхъ при помощи государственной санкціи. Правительственный сборщикъ подати заносилъ постоянныхъ (уже наслѣдственныхъ) съемщиковъ въ писцовыя книги данныхъ помѣстій, на которыхъ ихъ засталъ земельный кадастръ. Тѣмъ самымъ они становились какъ бы частью земли, неразрывными ея членами.—Фюстель де-Куланжъ съ

рѣдкимъ мастерствомъ рисуетъ ходъ этой фискальной операціи (занесенія колонновъ на списки ценза); онъ превосходно выводитъ ея конечный результатъ—иммобилизацію (на вѣчныя времена и безъ выхода) всего крестьянства на воздѣлываемыхъ имъ чужихъ поляхъ. Замѣчательною убѣдительностью и объективностью изображенія онъ при этомъ даетъ оружіе противъ самого себя: онъ самъ невольнo открываетъ, какъ констатирующая роль законодателя становилась конституирующею, даже если она только превращала въ стойкое право колеблющійся фактъ.

Глава о легализаціи колоната императорскимъ законодательствомъ (шестая) IV-го и V-го вѣковъ именно потому является самою слабою частью всего труда, что авторъ упорствуетъ въ ней на своей формально-односторонней точкѣ зрѣнія, будто законодательство не внесло въ развитіе колоната и не могло внести ничего новаго, будто оно шло только за жизнь и приспособлялось къ ней. — Нѣтъ! Оно и ее приспособляло къ властно стоявшему передъ правительствомъ «raison d'état», которому придавало зловѣщую императивность трагически трудное для имперіи послѣднихъ вѣковъ сочетаніе обстоятельствъ. Законодательство о колонатѣ было не только пассивнымъ закрѣпленіемъ результатовъ соціальной эволюціи, но и крупнымъ отзвукомъ активно налагавшейся государствомъ на общество системы опеки, принудительной службы, подневольной разверстки тяготъ для поддержанія силы и единства государства, съ интересами котораго общество фатально разошлось. Здѣсь мы имѣемъ яркій примѣръ вліянія права и государства на хозяйство и общество, которое Фюстель де-Куланжъ слишкомъ упрощенно отрицаетъ. Эту сторону великаго процесса разложенія имперіи онъ просмотрѣлъ или, вѣрнѣе, предвзято не захотѣлъ признать съ высоты своей оптимистической оцѣнки имперіи и ея политики. Его, въ данномъ случаѣ ошибочный взглядъ полезно исправить

чрезвычайно искусною попыткою возстановить исторію императорскаго законодательства о колонатѣ, создавшаго истинное крѣпостное право, которую даетъ нашъ замѣчательный историкъ, проф. П. Г. Виноградовъ въ первой главѣ своей книги «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи» (Спб. 1880) ¹.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, въ послѣдней обширной главѣ изслѣдованія Фюстель де-Куланжа его попытку не только, такъ сказать, «проецировать» римскій колонатъ въ средневѣковую Европу, но и производить при помощи памятниковъ, оставшихся отъ послѣдней тонкія и плодотворныя «обратныя заключенія» для истолкованія перваго. Сдѣланный имъ, на примѣръ, опытъ, на основаніи данныхъ, извлекаемыхъ изъ помѣстныхъ писцовыхъ книгъ VIII-го и IX-го вѣковъ (*polyptycha*), связывая ихъ съ прототипами, исчезнувшими описями римскихъ помѣстій, — воспроизвести *consuetudines praediorum* (уставы помѣстій), которыя являлись закономъ жизни для поздняго римскаго крестьянства, — даетъ очень много: этотъ опытъ, по справедливости, слѣдуетъ назвать превосходнымъ методическимъ замысломъ, и онъ привелъ къ чрезвычайно удачному и важному результату. Двѣ длинныя, существенныя эпохи изъ жизни трудящагося большинства въ различныхъ европейскихъ обществахъ — тѣмъ самымъ оказываются сомкнутыми могучею приемственной связью.

При сочувственномъ, живомъ и заинтересованномъ изученіи данной работы Фюстель де-Куланжа, какъ и другихъ его сочиненій, бодрящимъ образомъ дѣйствуетъ на читателя энергія автора, вѣра его въ науку и трудъ. Кромѣ того умственная сила изучающаго растеть подъ вліяніемъ ори-

¹ Тотъ же авторъ (*P. Vinogradoff*) касается колоната въ главѣ второй своего англійскаго труда «*The growth of the manor*» (London, 1905).

гинальной, глубокой и острой, увлекательной методы перво-класснаго изслѣдователя.—Но надобно сохранять критическую самостоятельность, усматривать и у блестящаго автора слабыя стороны. Онъ неподражаемо великъ въ твердомъ анализѣ, сознательно смѣлой борьбѣ мощнымъ оружіемъ расчленяющей мысли съ трудною и сложною проблемою: здѣсь онъ крупный учитель, чудный образецъ. Онъ отлично вскрываетъ и располагаетъ въ строгомъ порядкѣ слои, одинъ за другимъ нарастающіе по мѣрѣ образованія института колоната и знаменующіе этапы въ развитіи явленія. Онъ правильно устанавливаетъ чередованіе фактическихъ моментовъ, но черезчуръ сухо воздерживается отъ эволюціоннаго синтеза, какъ бы уклоняется съ предубѣжденіемъ, доходящимъ до педантическаго формализма отъ объединенія установленныхъ послѣдовательныхъ состояній института въ различные вѣка динамическою силою основныхъ факторовъ, обусловившихъ генезисъ, создавшихъ движеніе «между фазами». Онъ какъ бы устраняется отъ открытія этихъ творческихъ силъ исторіи, признавая такую задачу фантастическою, недостижимою. Особенно жестко погружается онъ въ такую ложно-позитивную «abstention», когда обрушивается на плохо обоснованныя гипотезы противниковъ. Опровергая заблужденія другихъ, онъ, незамѣтно для себя, отказывается отъ разысканія вѣроятной истины въ формѣ обобщенія утвержденныхъ анализомъ фактовъ, стѣсняетъ полетъ собственнаго зиждительнаго разума придирчивымъ требованіемъ подчиненія свободной мысли буквѣ часто фрагментарнаго текста. Въ этомъ чувствуется искаженіе авторомъ своей личной интеллектуальной природы, и отъ вліянія такого серьезнаго недостатка долженъ остерегаться сознательный читатель.

Въ связи съ указаннымъ дефектомъ методы находилось и опасеніе, которое всегда тревожило и стѣсняло Фюстель де-Куланжа, ставить изучаемое частное явленіе въ соче-

сочетаніє съ широкими теченіями, охватывающими народную жизнь и играющими для нихъ роль среды, а для изслѣдователя роль освѣщающаго фона. Такъ и здѣсь, онъ рѣшительно останавливается передъ задачею постоянного сопоставленія развитія колоната со всею аграрною эволюціею римскаго міра, съ исторіею классовъ и соціальною политикою государства. Тѣмъ самымъ основное изучаемое явленіе рисуется отвлеченнымъ отъ творившей его исторической обстановки, уединеннымъ отъ живого комплекса другихъ. Только отдѣльные, иногда вырывающіеся изъ-подъ коры суроваго воздержанія великолѣпные домыслы показываютъ намъ, какой громаднѣйшій даръ синтеза авторъ держалъ въ плѣну внутри себя, подчиняясь иногда почти суевѣрной боязни «соціологическаго построенія», «сравнительнаго толкованія», «гипотезы объ общихъ причинахъ». Подобные приемы носятъ характеръ фразъ лишь въ устахъ и въ умѣ поверхностнаго диллетанта; но ему, великому и глубокому ученому, все это послужило бы для удесятеренія работы той силы познанія, которою онъ гениально былъ одаренъ. — Такія оговорки о пробѣлахъ методическаго темперамента Фюстель де-Куланжа обязанъ сдѣлать, по долгу совѣсти передъ читателями, представляя имъ выдающійся плодъ его научной музы, не ослѣпленный почитатель его таланта.

Въ названной выше статьѣ автора настоящихъ строкъ¹ указана довольно обширная библіографія работъ, посвященныхъ колонату или затрогивающихъ его, которыя появлялись въ свѣтъ до выхода изслѣдованія Фюстель де-Куланжа. Для содѣйствія активному читателю и начинающему научному работнику при выполненіи задачи опознаться въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса трудомъ позднѣйшихъ ученыхъ,

¹ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1886, ноябрь, декабрь.

здѣсь будутъ даны свѣдѣнія о новѣйшей литературѣ по римскому колонату ¹.

Очень важный критическій сводъ исторіи изученія вопроса о колонатѣ далъ итальянскій ученый *Gino Segrè* въ обширныхъ статьяxъ «Studio sull' origine e sullo sviluppo storico del colonato romano» въ журналѣ «Archivio Giuridico», vol. 42, 43, 44, 46 (1889—1891). Тамъ оцѣнивается въ частности значеніе работы самого Фюстель де-Куланжа, и авторъ даетъ попытку своего построенія. Богатая библіографія, можно сказать, исчерпываетъ соотвѣтствующую литературу до 1890 г.—Въ послѣднее десятилѣтіе XIX-го в. научное изслѣдованіе сосредоточилось преимущественно на выясненіи связи колоната съ развитіемъ крупной земельной собственности въ римскомъ мірѣ. Впрочемъ, путь этотъ намѣчался и Фюстель де-Куланжемъ. Изслѣдованіе направлялось тутъ руководящимъ вліяніемъ, какое оказали на постановку вопроса и истолкованіе института превосходныя надписи императорской эпохи, открытыя по преимуществу въ римской Африкѣ. Эпиграфическіе памятники оказались «новымъ свѣтомъ» для познанія римскаго земельного строя вообще и въ частности для опредѣленія истинныхъ «origines» колоната. Ими вскрыта была цѣлая предшествовавшая крѣпостному колонату фаза: рано развившаяся (во II-мъ, даже въ I-мъ вѣкѣ по Р. Хр.) долгосрочная (даже наслѣдственная) аренда вольныхъ людей на крупныхъ помѣстьяхъ казенныхъ и частныхъ ². Тѣмъ самымъ изслѣдованіе колоната введено было въ широкое русло изученія эволюціи всего хозяйственнаго процесса великой эпохи, предопредѣлившей многое

¹ На страницахъ краткаго предисловія нельзя дать полную историографію. Здѣсь будутъ поименованы либо двигавшія вопросъ работы, либо обзоры съ значительнымъ библіографическимъ матеріаломъ, отъ которыхъ удобно исходить для дальнѣйшихъ поисковъ.

² У Фюстель де-Куланжа уже есть глава, посвященная характеристикѣ эпиграфическихъ данныхъ (вторая).

въ «древней исторіи» «народовъ новой Европы», то-есть въ исторіи ранняго средневѣковья, какъ обыкновенно говорятъ. Добытые на данной дорогѣ результаты обобщены въ книгахъ *Ad. Schulten*, *Die römischen Grundherrschaften* (Weimar, 1896) и *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain* (Paris, 1899) ¹. Обстоятельная глава, связанная съ тѣмъ же предметомъ, содержится въ книгѣ проф. М. И. Ростовцева, *Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи* (С.-Пб. 1899) ². Къ надписямъ римской Африки, которая изъ года въ годъ даритъ изслѣдователямъ новые драгоценные источники свѣдѣній объ аграрной старинѣ, присоединялись и азіатскія. Много дало для выясненія вопроса о колонатѣ изученіе греко-римскаго Египта и организаціи собственности на помѣстьяхъ римскихъ императоровъ ³. Причемъ давніе прецеденты колонатныхъ отношеній найдены въ системѣ эксплуатаціи казенной собственности въ эллинистическихъ монархіяхъ Сиріи и Египта ⁴.—Крат-

¹ Первая раньше печаталась статьями въ «*Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*» (1895—1896), вторая—въ «*Nouvelle revue historique de droit français et étranger*», 1897—1898.

² Она же въ переработанномъ видѣ вышла на нѣмецкомъ языкѣ—«*Geschichte der Staatspacht* (Leipzig, 1903). См. еще статью *G. Cicogna*, *Dei possedimenti denominati saltus* («*Archivio giuridico*», vol. 74, 75; 1905 г.) и статьи *Carcopino* въ «*Mélanges de l'école française de Rome*» за 1907 г.) и *Schulten* (въ журн. «*Klio*», за 1907 г.) о вновь найденномъ въ той же Африкѣ очень важномъ эпиграфическомъ текстѣ изъ той же категоріи.

³ Соотвѣтствующая литература указана въ сейчасъ выше названной книгѣ *E. Beaudouin*. Ср. еще *O. Hirschfeld*, *Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten* (въ журн. «*Klio. Beiträge zur alten Geschichte*, II Band, 1902).—*R. Pelham*, *The imperial domains and the colonate* (London, 1890). Впрочемъ, опять уже Фюстель де-Куланжъ выдвигалъ эту сторону дѣла.

⁴ *Ulrich Wilcken*, *Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte* (I Band, Berlin, 1899); см. также главу въ названной книгѣ М. И. Ростовцева и его статью

кое обозрѣніе результатовъ послѣднихъ лѣтъ въ изслѣдованіи интересующаго насъ здѣсь предмета русской читатель можетъ найти въ небольшой книжкѣ М. Бѣлоруссова, «Колонатъ, очеркъ возникновенія римскаго крѣпостного права» (Варшава, 1903).

Чѣмъ дальше двигалось дѣло, тѣмъ больше обнаруживалась необходимость выясненія вопроса въ связи и въ свѣтѣ познанія развитія греко-римскаго хозяйства. Объединяющаго огромный вопросъ научнаго построения до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще не дала европейская историческая наука. Но необходимо пользоваться, по мѣрѣ возможности, ставящимися общими теоріями. Каждому изучающему данную область важно отдать себѣ отчетъ въ сущности контроверзы объ особенностяхъ экономическаго развитія античности, происходившей въ 90-хъ годахъ между Карломъ Бюхеромъ ¹ и Эдуардомъ Мейеромъ ². Критическое разсмотрѣніе вопроса съ поддержкою взгляда Бюхера въ переработанномъ видѣ авторъ настоящаго предисловія предлагаетъ въ своей книгѣ, посвященной ряду проблемъ изъ римской аграрной исторіи ³. Интересную попытку провести черезъ развитіе римскаго хозяйства исторически индивидуализированную теорію Бюхера даетъ еще *G. Salvioli, Le capitalisme dans le monde antique* (Paris, 1906).—Большой

«Der Ursprung des Colonats» (журн. «Klio», т. I) Имъ же обѣщано обобщающее построение, которое будетъ прочитано на международномъ историческомъ конгрессѣ въ Берлинѣ лѣтомъ 1908 г.

¹ *K. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft* (1 изд. Tübingen, 1895, 5-е 1906). Русск. переводъ подъ ред. пр. доц. Кулишера съ посл. изд. Спб. 1907).

² *E. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums* (Jena, 1895); есть два русскихъ перевода.

³ И. М. Гревсъ, Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (т. I, Спб. 1899).—Здѣсь—большая библіографія. Ср. еще дополнительный очеркъ съ защитой той же точки зрѣнія въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905, январь.

материалъ и оригинальныя идеи содержитъ извѣстный трудъ *Max Weber, Römische Agrargeschichte* (Stuttgart, 1891).— Последнею общеою работою по колонату является латинская диссертация *H. Bolkestein, De colonatu romano eiusque origine* (Amstelodami, 1906) ¹. Если бросить взглядъ впередъ, по стопамъ Фюстель де-Куланжа, на судьбы колоната «послѣ римской имперіи», то для этого хорошимъ пособіемъ будетъ трудъ *Henri Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge* (Paris, 1901), написанный подѣ влиянемъ идей и методы знаменитаго историка ².

Въ содержаніи указанной литературы историческій работникъ, вдохновленный чтеніемъ труда Фюстель де-Куланжа «о римскомъ колонатѣ» получить разнообразный фактической материалъ и руководящее теоретическое, идейное направление для расширеннаго и углубленнаго изученія какъ колоната, такъ и связанныхъ съ нимъ вопросовъ экономической и соціальной исторіи римской древности и европейскаго средневѣковья. Приглашая русскаго читателя къ ознакомленію съ «разысканіемъ» Фюстель де-Куланжа, редакторъ его перевода не находитъ лучшаго средства для возбужденія въ немъ соотвѣтственнаго дѣлу серьезнаго вниманія и строгаго, достойнаго настроенія ума, чѣмъ закончить собственными заключительными словами предисловія Фюстель де-Куланжа:

«Читатель, къ которому обращается настоящая книга, это тотъ, который привязанъ къ труднымъ проблемамъ

¹ См. еще новыя интересныя работы *H. Gummerus, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella* (Leipzig, 1906) и «Die Fronden der Kolonen» (1907).— Для справокъ очень цѣнны статьи различныхъ авторовъ подѣ словами *colonus, colonatus, conductor* въ спеціальныхъ энциклопедіяхъ по древностямъ *Pauly-Wissowa, Daremberg et Saglio, De-Ruggiero* и т. д.

² Ср. еще *L. M. Hartmann Geschichte Italiens im Mittelalter* (Leipzig, 1897 ff.), и *A. H. Blumenstock, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums* (Innsbruck, 1894).

исторіи, и который въ области этой науки особенно любить суровые вопросы. Я поставлю передъ его глазами документы; я проведу его черезъ мои изслѣдованія, мои колебанія, мои сомнѣнія. Я направлю его на ту же дорогу, по которой слѣдовалъ самъ. Я укажу ему также мнѣнія моихъ противниковъ и объясню, почему я къ нимъ не присоединяюсь. Словомъ, я представлю ему свой трудъ такимъ, какимъ онъ создавался почти изо дня въ день, и вмѣстѣ съ тѣмъ снабжу его орудіями, чтобы онъ могъ оспаривать мои сужденія и чувства. Можетъ быть это принесетъ пользу кому-нибудь. Вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ преподаю я науку и былъ счастливъ каждый годъ находить нѣсколько учениковъ. Я особенно настойчиво училъ ихъ искать и искать. Особенно важнымъ считалъ я внушить имъ, чтобы они не предполагали всѣ цѣли легко достижимыми, чтобы они научились никогда не упускать изъ вниманія нерѣшенной задачи, которая становится на ихъ пути. Главная истина, въ которой я стремился убѣдить ихъ,—это, что исторія—труднѣйшая изъ наукъ...» ¹.

С.-Петербургъ,
май 1908 г.

Ив. Гревсъ.

¹ Для знакомства съ Фюстель де-Куланжемъ напоминаетъ статья И. М. Гревса подъ этимъ именемъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза-Ефрона, его же предисловія къ вышедшимъ подъ его редакцію томамъ перевода большого сочиненія Фюстель де-Куланжа, «Исторія общественнаго строя древней Франціи, и особенно книга *P. Guiraud, Fustel de-Coulanges* (Paris, 1896); есть русскій переводъ изд. «Русской Мысли».

ВВЕДЕНИЕ.

Колонатъ [то-есть, крѣпостное право сельскаго населенія] представляетъ собою одинъ изъ самыхъ темныхъ институтовъ въ римской имперіи. Не легка задача опредѣлить, какъ онъ сложился, и каковы были управлявшія имъ начала. Рабство истолковывается проще: оно являлось фактомъ исконнаго порядка, присущимъ строю первобытнаго общества; корни его кроются въ такой фазѣ жизни человѣческаго рода, когда неравенства всякаго вида возникали естественнымъ путемъ. Но колонатъ—не рабство; мы скоро увидимъ, что онъ на него совсѣмъ не похожъ. Онъ не совпадаетъ также съ средневѣковымъ серважемъ. Колонъ, по сравненію съ рабомъ или средневѣковымъ крестьяниномъ (сервомъ), — свободный человѣкъ. Мы не видимъ ни изъ одного текста, чтобы онъ былъ рабомъ въ настоящемъ или прошломъ. Онъ всегда рожденъ вольнымъ человѣкомъ, и законы продолжаютъ признавать его таковымъ во всю его жизнь.

Колонатъ не былъ, съ другой стороны, также особенностью первоначальныхъ учрежденій римскаго государства; онъ появляется на свѣтъ въ готовомъ видѣ среди общества, уже стараго, почти дряхлаго. Первая трудность заключается здѣсь въ необходимости уразумѣть, какъ могло произойти, что миллионы человѣческихъ существъ, свободныхъ по рожденію, въ эпоху, сравнительно спокойную, и въ нѣдрахъ правильно устроеннаго государства, оказались приговоренными вѣчно обрабатывать землю, къ которой они были прикрѣплены?—Безконечно затруднительно выяснить, какъ могло законодательство, которое во всѣ эпохи исторіи чело-вѣчества считалось писаннымъ разумомъ, провозгласить,

что у земледѣльцевъ отнимается право сходить съ даннаго клочка почвы, и что въ силу одного факта обработки его они будутъ принуждены къ продолженію этого труда «на вѣчныя времена». Подобные законы рисуются намъ съ перваго взгляда разрушеніемъ естественнаго порядка вещей и противоположною справедливости. Правда, что почти всѣ учрежденія античнаго общества, если мы близко приглядываемся къ нимъ, вступаютъ въ столкновение съ современными нашими понятіями; но данное противорѣчитъ имъ особенно рѣзко. Поэтому то мы приобрѣтемъ нѣкоторое вѣроятіе уяснить себѣ его и выработать на него правильный взглядъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если отрѣшимся отъ умственныхъ привычекъ, которыя царствуютъ надъ нашимъ сознаниемъ, и отъ общихъ началъ, которыя управляютъ жизнью въ наши дни.

Другая трудность при изслѣдованіи вопроса вытекаетъ изъ того обстоятельства, что колонаты неожиданно открываются передъ нашими глазами въ законахъ IV вѣка какъ бы безъ всякаго подготовленія. Всмотритесь въ законодательство болѣе ранней эпохи, главнымъ памятникомъ котораго являются Дигесты,—вы не только не увидите въ немъ колоната, но наоборотъ найдете воплощенную въ совершенно отчетливыхъ чертахъ вольную аренду земли по срочнымъ контрактамъ: а послѣдняя составляетъ противоположность колоната. Потомъ, внезапно, въ одномъ постановленіи Константина отъ 332 г. предстаетъ передъ нами начало или правило, прикрѣпляющее колона къ землѣ.

Нѣкоторые ученые слишкомъ поспѣшно заключили отсюда, что колонаты былъ установленъ именно въ ту эпоху¹. Вслѣдствіе этого многіе стали разсматривать его,

¹ См. превосходный комментарий Годфруа (*Gothofredus*) къ главѣ Феодосіева кодекса—*De fugitivis colonis* (томъ I, стр. 492—496 изд. Риттера). Авторъ нигдѣ ясно не высказываетъ мысли, что колонаты не возникъ раньше IV вѣка. Но такъ какъ онъ ограничился изученіемъ текстовъ лишь начиная съ эпохи Константина, то изъ труда его выносятся общее впечатлѣніе, будто именно отъ нея то и слѣдуетъ исходить при занятіяхъ этимъ институтомъ. За немногими оговорками и отступленіями такъ и поступаетъ Савиньи, въ своемъ этюдѣ — «Ueber den römischen Colonat» (вышедшемъ въ 1828 г.). Бенжаменъ Гераръ (*Quérard*) въ своихъ объясненіяхъ (*Prolégomènes*) къ писцовой книгѣ Сенъ-Жерменскаго аббатства (*Polyptyque de l'abbé Irminon*, въ 1844 г.) также констатируетъ суще-

какъ специальное мѣропріятіе, придуманное законодателемъ и введенное въ жизнь сразу. Когда составилось такое мнѣніе о колонатѣ, возникъ вопросъ о томъ, какъ объяснить нововведеніе, такое необычайное, и въ отвѣтъ предложены были двѣ гипотезы: одни приписывали учрежденіе колоната изобрѣтательности римскихъ императоровъ¹; другіе называли его заимствованіемъ отъ германцевъ.

Оба предположенія не опираются ни на какомъ доказательствѣ. Съ одной стороны нельзя сослаться на императорскій законъ, который учреждалъ бы колонатъ. Вы не найдете въ кодексахъ декрета о его введеніи. Законъ 332 г., о которомъ мы только что упоминали, не создаетъ колоната; онъ говоритъ о немъ, какъ о порядкѣ, уже существующемъ. Къ тому же ни одинъ писатель того времени не относитъ установленіе этого института къ инициативѣ котораго-нибудь изъ императоровъ, а какъ бы ни были недостаточны документы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, мы должны принимать за достовѣрное лишь то, о чемъ они свидѣтельствуютъ. Существуютъ такія предвзятія мысли, которыя какъ бы заставляютъ придумывать историческіе факты. Нѣкоторые вѣрятъ, напримѣръ, что правительство римскихъ императоровъ обладало безграничнымъ политическимъ могуществомъ; отсюда они и выводятъ, что воля императоровъ создала колонатъ. Утверждаютъ, что въ программѣ имперскаго правительства входила политика прикрѣпленія всего сельскаго населенія къ землѣ въ интересахъ обезпеченія общественнаго порядка. Однако, такое предположеніе безусловно произвольно. Нельзя привести ни одного древняго текста въ подтвержденіе того, будто совѣтники императоровъ задавались подобною цѣлью, ни даже

ствование колоната лишь со временъ Константина; но онъ какъ бы предчувствуетъ его большую древность.—Валлонъ въ своей ученой «Histoire de l'esclavage» (t. III, p. 281, 2 ed.) считаетъ его учрежденіемъ, современнымъ великимъ юрисконсультамъ Дигестъ. Шарль Жиро (*Ciraud*) высказалъ также мнѣніе, что колонатъ относится къ числу обычаевъ древнихъ временъ (*Hist. du droit français*, 1845, p. 149—150). Ср. статью *Révillout* въ «Revue de l'hist. du droit» (1856); *Laboulaye*, *Hist. du droit de propriété*, p. 115—119; *Joseph Lefort*, *Hist. des contrats de location perpétuelle* (1875), p. 49—60.

¹ *Huschke*, Ueber den Censur und die Steuerverfassung (1847).—*Heisterbergk*, Die Entstehung des Colonats (1876), S. 73—78.—Ср. *Terral*, Le colonat romain (1872), p. 10.

того, что она имъ приписывалась современниками. Въ самомъ дѣлѣ было бы изумительно, если бы явленіе или институтъ съ такою природою, какъ колонатъ, былъ бы созданъ какимъ-нибудь государемъ. Соціальныя учрежденія никогда не слагаются такимъ путемъ. Надобно еще помнить, что римское императорское правительство никогда не отличалось реформаторскою предприимчивостью. Такіе глубокіе перевороты не были въ его духѣ. Замѣтимъ, наконецъ, что законодатель IV вѣка говоритъ «объ очень древнихъ колонатахъ»¹; онъ сообщаетъ также, что основы колоната «установлены предками»². Ему, стало быть, было извѣстно, что возникновеніе института относится къ отдаленнымъ временамъ, и ему не приходило въ голову выводить колонатъ изъ распоряженія какого-нибудь императора.

Съ другой стороны, тѣ, кто толкуетъ, что колонатъ утвердился въ имперіи подъ вліяніемъ земельныхъ порядковъ, которые практиковались у древнихъ германцевъ³, должны бы были прежде всего хорошенько доказать, что онъ дѣйствительно существовалъ въ первобытной Германіи. Они цитируютъ, правда, одну строчку изъ Тацита, въ которой мы видимъ германскаго земледѣльца, «владѣющаго постояннымъ жилищемъ и обрабатывающаго кусокъ чужой земли за оброкъ, уплачиваемый зерномъ или скотомъ ея собственнику». — На основаніи однихъ этихъ простыхъ словъ они сейчасъ же заключаютъ о наличности у германцевъ колоната позднѣйшаго римскаго типа. Но они не замѣчаютъ, что этотъ германскій крестьянинъ былъ рабомъ. Слово *servus* два раза повторено въ выписанной фразѣ Тацита⁴. Онъ, слѣдовательно,

¹ «Antiquissimos colonos» (законъ 383 г. *Cod. Iust.* XI, 63, 3).

² «Cum *lex a maioribus constituta* colonos quodam aeternitatis iure detineat» (законъ Θεодосія, *Cod. Iust.* XI, 51).

³ A. W. Zumpt, Ueber die Entstehung und Entwicklung des Colonats (1843), помѣщено въ «Rheinisches Museum für Philologie». Ср. Huschke, Ueber den Census (стр. 147). См. еще *Mommsen und Marquardt*, Handbuch der röm. Alterthümer, т. V, стр. 233 (изд. 1876 г.).

⁴ *Tacit.* Germ. 25: «Ceteris *servis*... Suam quisque domum, suos penates regit. Frumenti modum *dominus* aut pecoris aut vestis ut colono iniungit, et *servus* hactenus paret». — Слова *ut colono* значать — «какъ съемщику», но они относятся лишь къ тому предложенію, для котораго сказуемымъ служитъ глаголь *iniungit*. Тацитъ не говоритъ, что этотъ германскій рабъ походилъ на арендатора во всѣхъ отношеніяхъ; авторъ только поясняетъ, что хозяинъ требуетъ съ него простой оброкъ какъ бы со съемщика.

существенно отличается от колона, и смѣшать одного съ другимъ можно было только при невнимательномъ чтеніи словъ римскаго историка. Аграрный порядокъ, описываемый Тацитомъ, это—рабское держанье, а не колонатъ. Я не предполагаю, непременно, что послѣдній былъ совсѣмъ неизвѣстенъ у германцевъ; я даже склоненъ думать, что онъ у нихъ былъ въ ходу; но такъ какъ Тацитъ о немъ не упоминаетъ, и никакой другой документъ его не обнаруживаетъ, мы не имѣемъ права утверждать, что колонатъ былъ обычаемъ, принесеннымъ изъ Германіи.

Высказывались еще другія гипотезы. Нѣкоторые историки, обращая специально вниманіе на то, что колонатъ появляется лишь во время христіанскихъ императоровъ, пожелали поэтому усмотрѣть въ немъ не угнетеніе, а напротивъ благодѣтельное новшество. Они объясняли, что то было смягченное рабство¹. Господинъ будто превратилъ своего раба въ колона (крѣпостнаго крестьянина) при помощи какъ бы полуосвобожденія. Мы не думаемъ, чтобы такая теорія болѣе оправдывалась фактами, чѣмъ предшествовавшая. Колонатъ не происходитъ отъ рабства, ибо однимъ изъ существенныхъ и постоянныхъ признаковъ колона является свободнорожденность. Въ немъ нѣтъ также ничего аналогичнаго съ отпускомъ на волю; легко убѣдиться, что законы, относящіеся къ вольноотпущенникамъ, составляютъ какъ разъ противоположность законамъ, которые опредѣляютъ положеніе колоновъ. Вольноотпущенникъ можетъ выбирать себѣ мѣстопробываніе, гдѣ ему понравится, между тѣмъ какъ колону запрещено навсегда покидать

¹ Мы не отрицаемъ возможности того, что многіе изъ хозяевъ могли превращать своихъ рабовъ въ колоновъ; но то были акты индивидуальныя, число и значительность которыхъ невозможно установить. Документы не показываютъ намъ также, чтобы христіанская церковь внушала общую соціальную реформу въ такомъ направленіи.

Фюстель де-Куланжъ не называетъ главнаго представителя теоріи, выводившей колонатъ изъ рабства. Первымъ, кто ее выставилъ, исходя, впрочемъ, изъ чисто хозяйственнаго толкованія, былъ нѣмецкій экономистъ Родбертусъ-Ягетцовъ. См. его для своего времени замѣчательныя — *Untersuchungen auf dem Gebiete der politischen Oekonomie des classischen Alterthums* (въ журналѣ «Jahrbücher für Nationaloek. u. Statistik» за 1864 г.).

Прим. редактора русск. пер.

занятой участокъ. Положеніе колона наслѣдственно, положеніе вольноотпущенника по закону никогда не являлось таковымъ. Патрону принадлежали опредѣленныя права наслѣдованія имуществомъ вольноотпущенника, и они совсѣмъ не похожи на правила, регулирующія передачу наслѣдства колона. Стало быть, колонатъ не былъ ни ослабленнымъ рабствомъ, ни полуосвобожденіемъ. Поэтому то, мы увидимъ, что въ текстахъ никогда не смѣшиваются колоны съ рабами и вольноотпущенниками¹. Колонатъ не можетъ пониматься, какъ переходная ступень—между рабствомъ и свободой: источникъ его происхожденія коренится не въ рабствѣ, и самъ онъ не ведетъ къ свободѣ.

Итакъ, необходимо вытѣснить изъ нашего ума всѣ эти общія мѣста и предвзятая мнѣнія. Историкъ долженъ исключительно опираться на тексты, внимательно наблюденные, и онъ можетъ прійти къ какому-нибудь твердому обобщенію только въ силу тщательнаго изученія всѣхъ фактовъ въ ихъ подробностяхъ. Мы будемъ изслѣдовать при помощи анализа документовъ, вышелъ ли колонатъ изъ одного источника или явился результатомъ нѣсколькихъ теченій; былъ ли онъ учрежденъ сразу или образовался постепенно; осуществился ли онъ какъ актъ законодательной воли или представлялъ собою естественное послѣдствіе извѣстной совокупности обычаевъ, комбинацію соотвѣтствующихъ интересовъ. Для этой цѣли, мы разсмотримъ вопросъ, изучая его изъ вѣка въ вѣкъ, и расположимъ наши документы въ порядкѣ хронологическомъ.

¹ См. напримѣръ, одинъ законъ 371 г., въ которомъ всѣ три класса — колоны, рабы и вольноотпущенники отчетливо различены другъ отъ друга (*Cod. Iust.* XI, 53, 1).

ГЛАВА I.

Памятники отъ двухъ первыхъ вѣковъ имперіи. Съемщики по контракту, мало-по-малу превращавшіеся въ колоновъ.

Поставимъ себя въ первую половину исторіи имперіи, между тѣмъ временемъ, когда Варронъ и Колумелла писали свои сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ, и тѣмъ, когда Гай и Ульпіанъ составляли свои правовые трактаты. Мы встрѣчаемъ, въ продолженіе всего этого періода, земледѣльца, котораго языкъ естественно обозначаетъ словомъ *colonus*¹. Положеніе его не похоже на положеніе тѣхъ, кого позже будутъ называть этимъ именемъ. Почти всегда онъ является фермеромъ или съемщикомъ по контракту. Намъ слѣдуетъ, впрочемъ, изучить его поближе, чтобы удостовѣриться, не существуетъ ли извѣстной связи между этимъ колономъ и колонами послѣдующихъ эпохъ². Вотъ прежде всего черты, которыя ему присущи и отличаютъ его отъ этихъ послѣднихъ.

¹ Слово *colonus*, собственно, не было терминомъ для обозначенія соціальной категоріи. Оно значило просто — «земледѣлецъ» и употреблялось синонимично съ *agricola* или *cultor*, которыми иногда замѣнялось. Оно могло поэтому прилагаться и къ самому владѣльцу; Ка то нъ именно пользуется имъ въ такомъ смыслѣ (*De re rust. praef.*). Но во времена имперіи собственники земли уже не даютъ себѣ такого имени, оставляя его тѣмъ, кто воздѣлываетъ чужую землю, какъ съемщики. Еще позже, въ IV вѣкѣ, оно уже примѣняется только къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

² Ревиллю (Révillout), въ очень хорошей статьѣ въ «Revue historique du droit» за 1856 годъ, первый показалъ нити, связующія поздній колонатъ съ раннимъ фермерствомъ.

Въ римскомъ правѣ отдача въ наемъ или взятіе въ наймы представляли собою особый видъ договора. Правовой языкъ, отличавшійся въ Римѣ такою точностью, обозначалъ подобнаго рода сдѣлки двойнымъ словомъ—*locatio-conductio*. Произошло это, какъ кажется, потому, что мысль юрисконсульта видѣла здѣсь два акта, двѣ роли, два лица одинаковой важности. Дѣйствительно, тутъ дѣйствуютъ вмѣстѣ отдающій (*locator*) и берущій (*conductor*). Соединеніе обоихъ дѣйствій и образуетъ обязательство, которымъ связываются обѣ стороны. Въ случаѣ нарушенія договора, законъ представлялъ обѣимъ особое право иска, которое называлось одно—*actio locati*, другое—*actio conducti* ¹.

Этотъ контрактъ, который именовался *lex locationis*, могъ заключать въ себѣ всякаго рода условія (*clausulae*) по доброй волѣ обѣихъ сторонъ; но два изъ нихъ всегда являлись существенными и необходимыми. Первое выражало обѣщаніе собственника предоставить пользованіе; второе констатировало обязательство съемщика вносить плату. Языкъ того времени именуется такую плату—*merces*, а каждый актъ ея внесенія—*pensio* ².

Подобные контракты всегда были временные, и срокъ обыкновенно утверждался заранѣе. Полезно отмѣтить, что преобладали сроки короткіе. Примѣры, приводимые юрисконсультами, всѣ говорятъ о съемкахъ на пять лѣтъ ³.

¹ *Gai. Instit.* III, 135: «Consensu fiunt obligationes in locationibus conductionibus».—См. въ Дигестахъ главу—*Locati conducti* (XIX, 2) и въ Кодексѣ Юстиніана главу—*De locatione et conductione*. (III, 24).

² Общій доходъ или совокупность различныхъ доходовъ, составлявшихся даннымъ помѣстьемъ, назывались *meritum* (*Cic. In Verr.* III, 50). Доходъ денежный, то-есть, цѣна найма земли или дома, именовался—*merces* (*Cic. In Verr.* III, 50; *Ad Attic.* XV, 17; *Dig.* XIX, 2, 2; XXXIX, 5, 6; XXXIII, 7, 20). Слово *pensio* значитъ буквально—уплата. См. *Cic. Ad Attic.* XI, 23: «Tertia pensio».—*Dig.* XXXIII, 1, 3: «Aequis pensionibus». — *Ibid.* XL, 7, 3; LX, 14, 50 in fine: «Dies pensionis». — Поэтому оно иногда употреблялось въ смыслѣ найма за деньги. *Paul. Dig.* XIX, 2, 24: «Si fundus in quinquennium pensionibus locatus sit». — *Dig.* VII, 1, 59: «Pensiones locatorum agrorum».

³ «Locare in quinquennium» (*Dig.* XIX, 2, 9; XIX, 2, 24). — «Locare in lustrum. Si lustrum fuerit conductionis praestitum» (*Dig.* XIX, 2, 13, 11).—«Lustrum conductionis» (*Dig.* XLVII, 2, 63, 5).—Ср. *Plin. Epist.* IX, 37: «Priore lustrum».

Съемщикъ былъ привязанъ къ землѣ лишь до конца ея найма, обозначеннаго въ условіи. «Ни для кого не составляетъ сомнѣнія, поясняетъ юрисконсультъ, что онъ сохраняетъ возможность затѣмъ прекратить съемку»¹. Законодатель третьяго вѣка произноситъ также, что собственникъ не имѣетъ права удерживать противъ воли своего съемщика, ни тѣмъ болѣе его сыновей².

Впрочемъ, молчаливое возобновленіе контракта допускалось. Если по истеченіи срока съемщикъ оставался на снятомъ участкѣ и это дѣлалось съ согласія господина, первоначальный договоръ считался возобновленнымъ, хотя, правда, лишь на годъ; но по соглашенію обѣихъ сторонъ, можно было повторять изъ года въ годъ такое возобновленіе³.

Такая съемка земли по правильному контракту и точно установленной цѣнѣ была явленіемъ, очень обычнымъ въ римскомъ обществѣ издавна. Если вѣрить старому писателю, Цинцію, девятый мѣсяць года назывался—*mercedonius* потому, что въ этомъ мѣсяцѣ арендаторы уплачивали *merces* собственникамъ. Этимологія эта сомнительна; но я упоминаю только, что въ то время, какъ писалъ Цинцій, арендная плата вносилась въ девятомъ мѣсяцѣ года, и что такому обычаю приписывалось древнее происхожденіе⁴.

Варронъ мало говоритъ объ арендныхъ договорахъ, но тѣмъ не менѣе упоминаетъ о нихъ⁵. Гораций также ссылается на ихъ практикованіе, описывая свое маленькое имѣніе, которое такъ удовлетворяло его вкусамъ. Поста-

¹ *Gal. Dig. XIX, 2, 25*; «*Quin liceat colono vel inquilino relinquere conductionem, nulla dubitatio est*». — *Paul. Dig. XIX, 2, 24*. — *Dig. XLIX, 14, 3, 6*.

² *Cod. Iust. IV, 65, 11* (зак. 244 г.): «*Invitos conductores seu heredes eorum post tempora locationis non esse retinendos saepe rescriptum est*».

³ *Dig. XIX, 2, 13—14*; «*Qui ad certum tempus conduxit, functo quoque tempore colonus est; intelligitur enim dominus, cum patitur colonum in fundo esse, ex integro locare, et huiusmodi contractus neque verba neque scripturam desiderant, sed nudo consensu convalescunt*». Ср. *Cod. Iust. IV, 65, 16*.

⁴ *Cinc. ap. Lyd. De mensib. IV, 92*. См. *Huschke, Iurisprudentia anteiustiniana* (изд. 3-е) стр. 85.—Цинцій жилъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе римской республики.

⁵ Варронъ (*De re rust. I, 2*) сообщаетъ о *leges colonicae*, которые являются контрактами найма земли.

раемся однако избѣжать невѣрнаго пониманія словъ поэта: нельзя принимать за съемщика-арендатора то лицо, которое онъ называетъ — *vilicus*. Виликъ во всѣхъ документахъ является работою, безличнымъ блюстителемъ интересовъ хозяина. Но рядомъ съ нимъ въ помѣсть Горация находятся пять отцовъ семейства, *quinque patres*, которые оказываются людьми свободными и какъ будто гражданами сосѣдняго мѣстечка. Они то и были арендаторами поэта ¹.

Колумелла изображаетъ довольно отчетливыми чертами положеніе съемщика земли. Авторъ указываетъ, что онъ вноситъ плату деньгами, и прибавляетъ характерную подробность, что существуютъ установленные дни для внесения такихъ платежей, *dies pecuniarum* ². Плиніи Младшій рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ обыкновенно сдаетъ свою землю въ аренду на пятилѣтніе сроки ³. Наконецъ юрисконсульты, трактаты которыхъ сохраняются отрывками въ Дигестахъ, много разъ представляютъ намъ человѣка, котораго именуютъ попеременно то *colonus*, то *conductor*, и который всегда является съемщикомъ по контракту ⁴.

Такъ, передъ нами ясно встаетъ свободный земледѣлецъ, и римское право гарантируетъ его свободу. Этотъ человѣкъ вовсе не былъ пригвожденъ къ почвѣ, на которой работалъ; его связывало съ нею лишь добровольно принятое и краткосрочное условіе. Контрактъ ни коимъ образомъ не ставилъ его въ зависимость отъ собственника. Онъ договаривался съ нимъ на равной ногѣ. Онъ не становился ни въ положеніе слуги, ни на мѣсто подданнаго его. «Нашъ арендаторъ, поясняетъ одинъ юрисконсультъ, не находится подъ нашею властью» ⁵. Вступивъ свободнымъ на землю даннаго помѣстья, свободнымъ онъ и сойдетъ съ нея. Тѣмъ самымъ

¹ *Horat.* Epist. I, 14, 2—3:

... habitatum quinque focis et
Quinque bonos solitum Variam dimittere patres.

² *Colum.* De re rust. I, 7.

³ *Plin.* Epist. X, 8 (ed. Keil; alias X, 24). Cfr. IX, 37.

⁴ О синонимичности терминовъ *colonus* и *conductor* въ эпоху великихъ юрисконсультовъ см. *Ulpian.* Dig. XIX, 2, 14; 19. — *Paul.* Ibid. XIX, 2, 24. — *Gai.* Ibid. XIX, 2, 25. — *Iulian.* Ibid. XIX, 2, 32. — Ср. съ этими текстами одинъ законъ — 295 г. въ кодексѣ Юстиніана, IV, 65, 27.

⁵ *Gai.* Instit. IV, 153: «Colonus nostro iuri subiectus non est».

онъ оказывается прямою противоположностью тому, чѣмъ станетъ колонъ IV-го вѣка.

Вглядимся однако съ большимъ вниманіемъ въ приведенныя распоряженія римскаго права; мы подмѣтимъ въ нихъ темный пунктъ, нѣчто вродѣ пробѣла, черезъ который, — нѣтъ ничего невѣроятнаго, — проникла практика колоната позднѣйшаго типа. Однимъ изъ правилъ, которыя законъ обязательно соединялъ съ понятіемъ о контрактѣ найма земли, является требованіе обозначать извѣстную цѣну. Если послѣдняя не названа и не установлена заранѣе, то найма нѣтъ: юрисконсульты утверждаютъ это совершенно прямо ¹. Можно даже прибавить, что они въ многочисленныхъ приводимыхъ примѣрахъ говорятъ всегда о цѣнѣ, выраженной въ деньгахъ ². Можно было бы ожидать, что допускалось также съемщику отдавать хозяину долю урожая; но такихъ случаевъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ въ указанныхъ памятникахъ. Юрисконсульты постоянно упоминаютъ о «недоимкахъ арендаторовъ»; а это дѣлается понятнымъ только при предположеніи уплаты аренды именно деньгами. Только одинъ юристъ, и то одинъ только разъ вскользь, упоминаетъ о фермерѣ-дольщикѣ (*colonus partiaris*); но онъ дѣлаетъ это лишь для того, чтобы ясно отличить его отъ съемщика за деньги. Онъ хочетъ сказать, что

¹ *Gai.* *Ibid.* III, 142: «Locatio et conductio, nisi merces certa statuta sit, non videtur contrahi». — *Gai.* *Dig.* XIX, 2, 25: «Si merces promissa sit generaliter, alieno arbitrio, locatio et conductio contrahi non videtur... Si non potuerit mercedem definire, tunc pro nihilo esse conductionem, quasi nulla mercede statuta». — *Ibid.* 2, 2: «Locatio conductio contrahitur si de mercede convenerit». — *Ibid.* XXXIX, 5, 6: «Qui mercede conduxerat». — *Ibid.* XIX, 5, 2: «Si mercede data aut constituta (dederim), locationis conductionis negotium geritur». — *Gai.* *Instit.* IV, 162: «Si mercedem statuissem, locatio et conductio contraheretur». — Два послѣдніе примѣра показываютъ, что какъ не можетъ быть контракта безъ назначенія цѣны, такъ одно установленіе цѣны само по себѣ уже образуетъ контрактъ.

² *Paul.* *Dig.* XVII, 1, 1: «Interveniente pecunia, res ad locationem et conductionem respicit». — *Dig.* XIX, 2, 21: «Soluta pecunia, merces accepta fieri debeat». — *Ibid.* XX, 4, 9: «Donec mercedes solverentur». — *Ibid.* XIX, 2, 51: «Si ampliore pecunia fundus esset locatus». — *Ibid.* 52: «Si decem tibi locem». — *Ibid.* 54: «Usurae non illatarum pensionum». — *Ibid.* 61: «Amplius denis aureis ager locari coeperat». — *Paul.* *Dig.* XLVII, 2, 26: «Colonom, qui nummis colat». — *Gai.* *Dig.* XIX, 2, 25, 6: «Colono, qui ad pecuniam numeratam conduxit». — Колумелла называетъ дни плателей — «dies pecuniarum» (*De re rust.* I, 7).

такой дольщикъ не настоящій арендаторъ, и поэтому законы, относящіеся къ послѣднему не касаются перваго ¹. Итакъ, въ римскомъ правѣ, единственнымъ правильнымъ видомъ съемки земли была аренда за установленную цѣну, уплачиваемую деньгами ².

Значить ли это, что аренда изъ части была совершенно неизвѣстна въ римскомъ мірѣ? Было бы большою ошибкою такъ думать. Мы скоро покажемъ примѣры, которые подтверждаютъ, что она практиковалась. Есть даже основанія полагать, что она была очень обычнымъ явленіемъ.

Но если такая форма аренды существовала на дѣлѣ, то правомъ она не признавалась. Она не укрѣплялась легальнымъ контрактомъ ³. Всѣ гарантіи, которыя право предоставляло фермеру, снимавшему землю по нормальному контракту, не прилагались къ съемщику изъ части. Мы знаемъ, на примѣръ, что арендаторъ по денежному контракту имѣлъ право иска въ судѣ, но не изъ чего не видно, чтобы то же право принадлежало съемщику изъ части. Повидимому, въ глазахъ юрисконсультовъ съемка изъ части продукта являлась внѣзаконною практикою, терпимою, но не признанною, которую имъ незначѣмъ было заниматься. Эта особенность не лишена значенія. Она, быть можетъ, дастъ объяс-

¹ *Gai. Dig. XIX, 2, 25, 6*: «Alioquin partarius colonus quasi societatis iure et damnus et lucrum cum domino fundi partitur»

² Дѣло станетъ ясно, если мы припомнимъ, что арендный контрактъ первоначально отождествлялся съ актомъ продажи. Это подчеркиваетъ Гай въ Дигестахъ (*XIX, 2, 2*), и то же подтверждается терминами древняго языка; *locatio* называлось сперва *venditio*. (*Fest. ed. Egger, p. 290*); чтобы выразить понятіе—«арендовать», говорили *emere* (*Hygin. Gromat. veter. ed. Lachmann, p. 116*); съемщикъ именовался *emptor* (*Cato, De re rust. 150*), или *redemptor*. См. *Alfen. Dig. XIX, 2, 29*: «In lege locationis scriptum erat: redemptor silvam ne caedito».—Если договоръ объ арендѣ первоначально представлялся римскому правовому разуму подъ видомъ временной продажи или отчужденія права пользования, нельзя удивляться тому, что установилось правило требовать опредѣленную цѣну скорѣе, чѣмъ часть плодовъ, постоянно измѣнчивую. Подобныя воззрѣнія, какъ они ни темны, имѣютъ важное значеніе въ исторіи.

³ Гай, въ цитированномъ выше отрывкѣ, сравниваетъ фермера-дольщика съ товарищемъ по предпріятію. Но отмѣтите себѣ, что онъ не утверждаетъ, будто между нимъ и собственникомъ заключался постоянный договоръ о товариществѣ. Авторъ говоритъ только — «quasi societatis iure».

неніе нѣсколькимъ фактамъ, съ которыми мы встрѣтимся при продолженіи настоящаго изслѣдованія ¹.

Фермеръ по контракту первыхъ временъ имперіи именовался *colonus*. Тѣмъ же словомъ *colonus* обозначался на языкѣ IV-го вѣка крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ.— Два ли это совсѣмъ особые человѣка, изъ которыхъ второй быстро и рѣзко занялъ мѣсто перваго? Или это—тотъ же человѣкъ въ двухъ послѣдовательно развившихся другъ изъ друга состояніяхъ? Надобно разслѣдовать вопросъ: нельзя ли предположить, что *colonus*, бывший сначала вольнымъ арендаторомъ по контракту за денежную плату, сталъ въ послѣдствіи фермеромъ-дольщикомъ безъ контракта, а въ концѣ концовъ превратился въ крѣпостного крестьянина. Исторія человѣческихъ обществъ полна такихъ незамѣтныхъ и темныхъ переворотовъ.

Въ одномъ изъ писемъ Плинія Младшаго мы читаемъ: «Меня удерживаетъ необходимость сдать мои земли въ аренду такъ, чтобы привести ихъ нѣсколько въ порядокъ. Я долженъ заключить новыя условія. Моимъ съемщикамъ, сроки контрактовъ которыхъ только что истекли, я принужденъ былъ дать значительныя льготы. Несмотря на это, они все же

¹ Гюставъ Эмберъ (*Humbert*) въ изданіи *Darembert et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités* подъ словомъ *colonat* находитъ указаніе на съемщика изъ части въ Дигестахъ: «*Si dominus exceperit in locatione, ut frumenti certum modum certo pretio acciperet, et dominus nolit frumentum accipere neque pecuniam ex mercede deducere, potest quidem totam summam ex locato petere, sed ... officio iudicis convenit haberi rationem quanto conductoris intererat in frumento potius quam in pecunia solvere pensionis exceptam portionem*» (*Ulpian. Dig. XIX, 2, 19, 2*).— Не могу присоединиться къ этому мнѣнію ученаго знатока римскаго права. Человѣкъ, о которомъ здѣсь говорится,—не съемщикъ изъ части. Въ его контрактѣ обозначена *merces certa*, цѣна въ деньгахъ, *pecunia*. Это безусловно вѣрно, потому что при первомъ же разбирательствѣ судья принуждаетъ его заплатить — *totam summam*.— Доля урожая является здѣсь условіемъ дополнительнымъ; притомъ ее вводятъ, замаскировавъ подъ видомъ покупки. Землевладѣлецъ обѣщаетъ купить у своего арендатора опредѣленное количество хлѣба (*certum modum frumenti*) по цѣнѣ, заранее условленной (*certo pretio*). Но эта добавочная клаузула ничего не мѣняетъ въ природѣ контракта, и аренда остается здѣсь въ существѣ дѣла денежною.—Что касается свидѣтельства Катона (*De re rust. 16; 137*), когда онъ говоритъ о *partiaris*, то авторъ имѣетъ въ виду батрака (*mercenarius*), которому платятъ натурою, а не съемщика земли.

оказались не въ состояніи расплатиться по обязательству, и недоимки ихъ выросли очень высоко»¹. — По первымъ же строкамъ мы убѣждаемся, что *coloni* Плинія были арендаторы по срочнымъ контрактамъ и за деньги. Мы видимъ изъ того же текста, что эти фермеры находились въ стѣсненномъ положеніи и терпѣли нужду. — Дигесты съ своей стороны упоминаютъ о «сложеніи недоимокъ», которую приходится дѣлать съемщикамъ при мало-мальски плохомъ урожаѣ². Очень часто говорится въ этомъ памятникѣ о недоимкахъ, которыя рисуются вещью, очень обыкновенною. Установилась даже формула для наслѣдственной передачи помѣстій съ такимъ прибавленіемъ: «завѣщаю съ недоимками съемщика» (*cum reliquis colonorum*)³.

Возвратимся къ письму Плинія. — На его арендаторахъ накопилась недоимка столь значительная, что «они, отчаявшись раздѣлаться когда-нибудь съ долгомъ, даже не стараются уменьшить его»⁴: это значитъ, что они ничего не платятъ. Отмѣтимъ это слово — «долгъ», которое Плиній произноситъ, какъ бы мимоходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, его арендаторы превратились въ должниковъ, даже въ должниковъ несостоятельныхъ, и это отражается большимъ вредомъ на самихъ земляхъ. «Они растериваютъ и портятъ все, что помѣстье производитъ, потому что не чувствуютъ никакого интереса беречь что бы то ни было»⁵. — Плиній ищетъ средства помочь бѣдѣ. Меня поражаетъ, что и ему не приходится на умъ смѣнить арендаторовъ. Можетъ быть, онъ не надѣется найти другихъ; можетъ быть не разсчитываетъ, что у новыхъ хозяйство пойдетъ лучше. Въмѣсто того, чтобы мѣнять фермеровъ, онъ измѣняетъ видъ аренды: «Я не буду

¹ *Plin. Epist. IX, 37*: «Cum me necessitas locandorum praediorum plures annos ordinatura detineat; in qua mihi nova consilia sumenda sunt; nam priore lustro, quanquam post magnas remissiones, reliqua creverunt».

² См. особенно длинную главу Ульпіана *Dig. XIX, 2, 15*. — Плиній сообщаетъ о подобныхъ уступкахъ арендаторамъ еще въ другомъ письмѣ (*X, 8*, ed. Keil): «Continuae sterilitates cogunt me de remissionibus cogitare».

³ См. весь отдѣлъ — *De instructo legato, XXXIII, 7*.

⁴ *Plin. Ibidem*: «Inde plerisque nulla iam cura minuendi aeris alieni, quod desperant posse persolvi».

⁵ *Plin. Ibidem*: «Rapiunt consumuntque quod natum est, ut qui iam putent se non sibi parcere».

больше отдавать за деньги, говорит онъ; буду отдавать изъ части продукта»¹.

Прочтемъ еще одно письмо Плинія, въ которомъ онъ пишетъ, что собирается купить новое имѣнье. Онъ его осматрѣлъ. Все тамъ ему нравится — мѣстоположеніе, качество земель, цѣна. Безпокоитъ его только одно обстоятельство: угодья розданы мелкимъ арендаторамъ, которые не платятъ. Не только они отягчены недоимками, но случилось уже такъ, что прежній владѣлецъ налагалъ нѣсколько разъ руку на залоги»². Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить, что римскій законъ, довольно строго слѣдующій за исполненіемъ условій аренды, постановлялъ, что всякій предметъ, который съемщикъ привезетъ съ собою на снятый участокъ, будетъ служить собственнику гарантіей за его добросовѣстность³. Землевладѣлецъ, о которомъ здѣсь говоритъ Плиній, уже забралъ и продалъ у своихъ неаккуратныхъ арендаторовъ ихъ движимости, скотъ, можетъ быть, орудія. Но это не помогло: «Арендаторы потеряли послѣднее имущество и всѣ средства обработки; отсюда произошло, что недоимка, ненадолго уменьшившаяся отъ такой продажи залоговъ, потомъ вновь возросла». — Самое имѣнье страдаетъ отъ разоренія фермеровъ: *fatigatur ab imbecillis cultoribus*.

Мы хотѣли бы полагать, что факты, о которыхъ съ огорченіемъ сообщаетъ Плиній, были единичными; но авторъ даетъ понять, наоборотъ, что таково было обычное, часто повторявшееся положеніе вещей въ землевладѣльческомъ хозяйствѣ; «Бѣдность арендаторовъ и затруднительность эксплуатаціи помѣстій привели повсюду къ пониженію цѣнъ

¹ *Plin. Epist. X, 8.* «Medendi una ratio, si non nummo sed partibus locem».

² *Plin. Epist. III, 19:* «Sed haec felicitas terrae ab imbecillis cultoribus fatigatur; nam possessor prior saepius vendidit pignora».

³ *Gai. Instit. IV, 147:* «Interdictum, quod appellatur Salvianum, apiscendae possessionis causa comparatum est, eoque utitur dominus fundi de rebus coloni, quas is pro mercedibus fundi pignori futuras pepigisset». — *Ulpian. Dig. XIX, 2, 13, 11:* «Obligata pignora». — *Cod. Iust. IV, 65, 5:* «Certi iuris est ea, quae voluntate dominorum coloni in fundum conductum induxerint, pignoris iure dominis praediorum teneri». — *Institut. IV, 6, 7:* «Actione Serviana... de rebus coloni, quae pignoris iure pro mercedibus fundi ei tenentur».

на земли. Имѣнье, о которомъ идетъ рѣчь, которое раньше стоило 500,000 сестерціевъ, теперь предлагается за 300,000»¹.

Такое разореніе мелкихъ арендаторовъ въ эпоху, которая можетъ быть названа одною изъ самыхъ благоденственныхъ въ исторіи человѣчества, кажется удивительнымъ. Важно было бы опредѣлить социальныя и экономическія причины этого явления; но разслѣдованіе этого предмета не входитъ въ нашу задачу². Мы хотимъ лишь выяснитъ, что происходило съ такими несостоятельными арендаторами: выдворялъ-ли ихъ землевладѣлецъ, или, наоборотъ, задерживалъ ихъ силою?

Отвѣтъ на вопросъ заключается въ одной статьѣ изъ Дигестъ. Юрисконсульта Цервидія Сцеволу спрашивали по слѣдующему пункту: «Нѣкто завѣщаль землю вмѣстѣ съ недоимками арендаторовъ; слѣдуетъ ли разумѣть подъ этими словами и долги тѣхъ изъ нихъ, которые, по окончаніи срока найма, найдя поручителя за недоимку, покинули имѣнье»? Сцевола отвѣчалъ: «Нѣтъ; недоимки такихъ фермеровъ не подводятся подъ распоряженіе завѣщателя»³. Вглядимся въ этотъ текстъ. Если завѣщатель не имѣлъ въ виду говорить о задолжалыхъ фермерахъ, которые ушли, то, очевидно, что онъ разумѣлъ другихъ, также недоимоч-

¹ *Plin.* Epist. III, 19: «Superest, ut scias, quanti videantur posse emi: sestertio tricies, non quia non aliquando quinquagies fuerint; verum et hac penuria colonorum et communi temporis iniquitate, ut reditus agrorum, sic etiam pretium retro abiit».

² Уклоненіе отъ разысканія такого общаго вопроса, который, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ бы входить въ задачу автора, составляетъ главный пробѣлъ превосходной работы Фюстель де-Куланжа. Ему по силамъ было его разрѣшить, но умъ его, всегда стремившійся къ точности, иногда черезчуръ чуждался гипотетическихъ построеній, безъ которыхъ здѣсь невозможно было обойтись. Нужно, впрочемъ, сказать, что отвѣтъ на него не вполне данъ и тѣми, кто послѣ него писалъ объ эволюціи аграрныхъ отношеній въ римскомъ мірѣ. Это — одна изъ важнѣйшихъ проблемъ исторіи римскаго землевладѣнія, которая въ свою очередь является нынѣ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ научнаго изученія социальной исторіи древности и связей, соединяющихъ ее съ новою Европою.
(Прим. редактора перевода).

³ *Scaevol.* Dig. XXXIII, 7, 20, 3: «Praedia ut instructa sunt cum reliquis colonorum legavit; quaesitum est, an reliqua colonorum qui, finita conductione, interposita cautione, de colonia discesserant, ex verbis suprascriptis legato cedant. Respondit non videri de his reliquis esse cogitatum».

ныхъ, но которые не покинули земли. — Были, стало быть такіе задолжалые фермеры, которые оставляли имѣнье, и такіе, которые оставались въ немъ. Именно, уходили тѣ, которые «нашли поручителя», то-есть, человѣка, достаточно богатаго и въ то же время довѣрчиваго, который взялся бы отвѣчать за ихъ долгъ. Тѣ же, кто не находилъ поручителей, не уходили. Мы легко можемъ себѣ представить, что маленькій земледѣлецъ, у котораго ничего нѣтъ, и у котораго «отобрали залого», рѣдко могъ отыскать себѣ отвѣтника за свои долги. Потому то этотъ земледѣлецъ волею-неволею оставался на землѣ. Владѣлецъ не только не прогонялъ его, но наоборотъ задерживалъ.

Это же самое вытекаетъ изъ письма Плинія. Землевладѣлецъ, о которомъ онъ говоритъ, часто (*saepius*) забиралъ залого своихъ арендаторовъ. Очевидно, стало быть, что прошелъ уже длинный рядъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они сѣли на помѣстье, и мы легко можемъ предположить, что срокъ первоначальнаго контракта давно истекъ. Но онъ не согналъ ихъ. Плиній ясно показываетъ, что землю обрабатываютъ тамъ все тѣ же люди, у которыхъ нѣсколько разъ отнимали оставленные подъ залогъ цѣнности. Они пребываютъ на томъ же мѣстѣ, бѣднѣя изъ года въ годъ. Не знаю, хотѣлось ли имъ уйти, но ясно что они не смогли этого сдѣлать. Чтобы покинуть землю имъ нужно было заплатить недоимку или представить поручителя.

Мы прикасаемся здѣсь, если не ошибаюсь, къ одному изъ источниковъ колоната. У насъ передъ глазами люди, которые, юридически, свободные съемщики, съемщики по срочному контракту; но на дѣлѣ они лишены возможности покинуть имѣнье своего землевладѣльца. Ихъ первоначальный контрактъ допускалъ такой выходъ; но недоимки мѣшаютъ этому. Они еще не привязаны къ почвѣ закономъ; но ихъ прикрѣпляютъ къ ней долги. Земля ихъ удерживаетъ, но еще не въ качествѣ крѣпостныхъ людей, а въ качествѣ несостоятельныхъ должниковъ.

Такое положеніе земледѣльческаго населенія было фактомъ уже не новымъ въ римскомъ мірѣ. Плиній его описываетъ; но наблюдалось оно и до него. Я нахожу его засвидѣтельствованнымъ у Варрона: «Земли обрабатываются либо рабами, либо свободными людьми; эти свободные люди — тѣ, которыхъ, на языкѣ сельскихъ хозяевъ, на-

зываютъ, обыкновенно, задолжалыми (*obaerati*)»¹. Удивительно, что Варронъ забываетъ упомянуть объ арендаторахъ по контракту, хотя они, навѣрно, существовали въ его время. Значить ли это, что они уже стали рѣдки? Можетъ быть, они уже такою большою массою впади въ долги, что Варронъ представляетъ себѣ ихъ только въ подобномъ видѣ?— Колумелла также говоритъ о «должникахъ», которые обрабатываютъ почву. «Посмотрите, восклицаетъ онъ, на этихъ крупныхъ собственниковъ. Они владѣютъ громадными территориями, которыя не могутъ объѣхать даже верхомъ. Но они не находятъ достаточно рукъ, чтобы эксплуатировать ихъ; часть земель остается невоздѣланною, подъ пастбищной пустошью или зарослями. Остальное же обрабатывается рабами или задолжалыми гражданами»².— Латинскія подлинныя слова звучатъ сильнѣе, чѣмъ мой переводъ.— *Nexu civium* вызываетъ образъ тѣхъ должниковъ, котрые нѣкогда тѣломъ отвѣчали за обязательство, и личность которыхъ даже закабалалась въ пользу заимодавца. Допустимъ, что Колумелла преувеличилъ силу своихъ выраженій. Все таки останется вѣрнымъ, что на большихъ помѣстьяхъ онъ видѣлъ людей, которые пребывали на нихъ противъ воли (таковъ именно смыслъ его словъ), и которые привязаны къ собственнику тѣми же узами, что должникъ къ заимодавцу.

Очень, впрочемъ, вѣроятно, что эти «задолжалые» впади въ такое положеніе не потому, что получили отъ владѣльца денежныя ссуды. Онъ скорѣе ссудилъ имъ свою землю, и они оказались не въ силахъ внести за нее плату. Возможно также, что онъ ссудилъ имъ послѣ того, какъ продалъ ихъ залогомъ, другія движимости, другой скотъ, другія орудія.

¹ *Varr.* De re rust. I, 17: «Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis; liberi ii, quos obaeratos nostri vocitarunt». — Варронъ; впрочемъ, среди такихъ свободныхъ людей, перечисляетъ и тѣхъ, которые сидятъ на своихъ земляхъ, а также наемныхъ батраковъ, которые отдають руки поденно владѣльцамъ для большихъ работъ, уборки хлѣба или сбора винограда.

² *Columell.* De re rust. I, 3: «More praepotentum, qui possident fines gentium, quos ne circumire equis quidem valent; sed proculcandos pecudibus et vastandos ac populandos feris derelinquunt, aut occupatos nexu civium et ergastulis tenent». — *Ergastulis* — обозначаетъ рабовъ; слова *nexu civium* могутъ относиться только къ свободнымъ людямъ.

Можетъ быть, они ужъ вступили на землю безъ всякихъ средствъ, и онъ далъ имъ авансомъ зерна, скота, орудій. Во всякомъ случаѣ они оказались несостоятельными при рѣдѣчѣ. Они—должники и останутся таковыми навсегда.

Прибавимъ, что такое положеніе вещей не составляло исключительную особенность Италіи. Варронъ сообщаетъ, что оно повторяется во многихъ провинціяхъ. Онъ указываетъ Иллирію, Азію, Египетъ ¹. Мы можемъ присоединить еще Галлію, гдѣ подобнаго рода отношенія сложились уже до римскаго завоеванія, а римскія вліянія, повидимому, не измѣнили дѣла ².

Передъ нами открываются, стало быть, люди которые вошли свободными въ данное помѣстье, но оказываются задержанными въ немъ какъ должники. Мы не можемъ предположить, что они остаются тамъ на тѣхъ же условіяхъ, которыя были выговорены въ первоначальномъ договорѣ. Здѣсь нѣтъ рѣчи о молчаливомъ возобновленіи аренды (*tacita reconductio*), такъ какъ не сохранены пункты прежняго контракта. Что же такое произошло? Очевидно, на большей части земель совершилась перемѣна, которая осуществлена была Плиніемъ въ его имѣньяхъ. Когда съемщики стали обнаруживать несостоятельность въ платежахъ, онъ измѣнилъ условія эксплуатаціи, началъ сдавать земли не за деньги, а изъ части продукта. Вѣроятно, то же самое повторилось въ аналогичныхъ случаяхъ повсюду и на другихъ помѣстьяхъ. Въ результатѣ, множество арендаторовъ по денежнымъ контрактамъ превратилось въ фермеров-дольщиковъ.

Мы уже видѣли, что легальное положеніе послѣднихъ было гораздо хуже, чѣмъ условія работы первыхъ. Право не покровительствуетъ имъ. Если существуетъ между ними и владѣльцемъ устное соглашеніе, оно не принадлежитъ къ обязательствамъ, признаваемымъ закономъ, и не сопряжено ни съ какимъ правомъ иска. Ясно, кромѣ того, что землевладѣлецъ ставитъ такія условія, какія захочетъ, такъ какъ съемщикъ уже закабаленъ ему долгомъ. За нимъ не сохра-

¹ *Varr. De re rust. I, 17: «Etiam nunc sunt in Asia atque Aegypto in Illyrico complures».*

² *Caes. Bell. Gall. I, 4: «Orgetorix omnes clientes obaeratosque, rum magnum numerum habebat, eodem conduxit».*

няется никакихъ гарантій, кромѣ, развѣ, той, которою законъ ограждаетъ личность свободнорожденныхъ. Онъ навсегда сохраняетъ свое званіе свободнаго человѣка, котораго не можетъ лишиться ни подѣ какимъ видомъ, и которое неотчуждаемо по закону. Собственникъ имѣнья, стало быть, не можетъ превратить его въ раба; но за исключеніемъ этого онъ все можетъ съ нимъ сдѣлать.

Возвращаемся къ тому мѣсту Плинія, гдѣ авторъ объявляетъ, что онъ переводитъ своихъ фермеровъ изъ денежной аренды на съемку изъ части: онъ сообщаетъ тутъ же черту, которая заслуживаетъ вниманія. «Когда это будетъ осуществлено, говорить Плиній, надобно будетъ поставить въ имѣнь нѣсколькихъ изъ моихъ людей (*ex meis* — значитъ изъ его рабовъ), чтобы заставлятъ съемщиковъ хорошо работать, а также вести счетъ продуктамъ земли и хранить ихъ. Придется выбрать для этого людей вѣрныхъ, съ бдительнымъ взоромъ и въ достаточномъ числѣ»¹.— Слѣдовательно, на той же землѣ, которую будутъ пахать и убирать фермеры-дольщики, Плиній будетъ держать управителей—*vilici, actores, procuratores*, словомъ персоналъ надсмотрщиковъ изъ рабовъ. Надо помнить, что должности эти всегда пополнялись изъ состава рабовъ², и вотъ здѣсь рабы будутъ наблюдать за свободными земледѣльцами. Очевидны послѣдствія такого измѣннаго порядка вещей. Прежній арендаторъ по денежному контракту, превратившись въ фермера-дольщика, увидитъ около себя, надъ собою начальниковъ, которые будутъ назначаться изъ рабовъ. Ясно, что онъ падаетъ въ низшее общественное состояніе, въ положеніе подвластнаго человѣка, слуги. Хоть онъ и

¹ *Plin. Epist. IX, 37*: «Non nummo sed partibus locem, ac deinde ex meis aliquos operis exactores, custodes fructibus ponam... At hoc magnam fidem, acres oculos, numerosas manus poscit».

² О такихъ *servi actores* см. определенное указаніе у *Scaevol. Dig. XL, 7, 40, 3—5*.— *Vilicus* и *actor*, будучи рабами, лучше замѣняли господина, чѣмъ свободные люди именно потому, что не обладали ни личностью, ни правами. Такъ какъ они пріобрѣтали только для господина, то не было опасности, что они пріобрѣтутъ къ его невыгодѣ, и господинъ безгранично распоряжался ихъ пекуліемъ. Этимъ и объясняется, что надъ мелкими арендаторами, которые впоследствии стануть колонами, хоть они и были свободными людьми, оказались поставлены виликъ и прокураторъ, которые были рабами.

сохраняетъ свое званіе свободнаго человѣка и римскаго гражданина, но съ этихъ поръ находится въ зависимости. Онъ подчиненъ не только хозяину земли, но и хозяйскимъ рабамъ.

Такимъ то путемъ, человѣкъ, сѣвшій на землю въ качествѣ вольнаго съемщика по временному контракту, со ступеньки на ступеньку, долгъ за долгомъ спустился до состоянія почти вѣчной зависимости. Ему, въ большинствѣ случаевъ невозможно изъ нея выйти, такъ какъ у него нѣтъ и не будетъ средствъ отъ нея освободиться. Онъ останется на томъ же мѣстѣ всю свою жизнь; тамъ же останутся послѣ него, его дѣти получая въ наслѣдство его общественное положеніе такъ же какъ и его долги.

Юрисконсульты показываютъ, что становилось обычнымъ вносить въ завѣщанія при передачѣ земли статью—«съ недоимками арендаторовъ»¹. Можетъ быть, та же *clausula* употреблялась и въ купчихъ грамотахъ. Что же это значитъ, завѣщать недоимку съемщика, который чаще всего является несостоятельнымъ, если не передавать приобрѣтенное надъ нимъ право? Это, косвеннымъ образомъ равносильно передачѣ по завѣщанію его самаго. Позже даже не будутъ стѣсняться открытыми выраженіями, что отдають наслѣдникамъ земли съ тѣми, кто ихъ обрабатываетъ. Сначала лишь говорили: завѣщаемъ землю съ недоимками съемщичковъ. Но все равно, какую бы формулу тутъ ни употребляли, земледѣлецъ передавался вмѣстѣ съ землею.

Теперь мы можемъ себѣ объяснить, почему и какъ слово *colonus* перемѣнило смыслъ. Оно обозначало сперва свободнаго арендатора, потомъ пришло къ обозначенію крѣпостнаго крестьянина. Произошло это потому, что и на дѣлѣ человѣкъ, садясь на помѣстье, былъ свободенъ, а мало-помалу пересталъ имъ быть. Но, перерождаясь, онъ сохранилъ свое наименованіе *colonus*: то же имя приложилось къ измѣненному состоянію. Именно потому слово перемѣнило смыслъ, что измѣнилось соціальное положеніе человѣка.

Не надо думать, впрочемъ, что переходъ свободной аренды въ колонатъ совершился въ какую-нибудь опредѣленную эпоху. Было бы большою ошибкою приурочивать его къ какому-нибудь вѣку, приписывать какому-нибудь

¹ *Digest.* XXXIII, 7.

правительству. Колоны, подобные тѣмъ, о которыхъ мы сейчасъ говоримъ, существовали съ самаго начала имперіи. Они встрѣчались даже до имперіи. Варронъ говоритъ о такой формѣ колоната, какъ о давнишемъ социальномъ положеніи («quos obaeratos nostri vocitarunt»). Цезарь и Саллюстій подтверждаютъ то же самое ¹. Когда разразилась гражданская война, мы видимъ, какъ одинъ изъ вождей помпеевой партіи, Домицій, снарядилъ на свои средства цѣлую флотилію и наполнилъ ее «своими рабами, вольноотпущенниками и колонатами» ². Переводить здѣсь послѣднее слово—«свободный съемщикъ» невозможно. Люди, вполнѣ свободные, несли бы воинскую службу какъ легіонеры въ войскѣ республики, а не были бы матросами на частномъ флотѣ. Эти люди, очевидно, находятся въ зависимости отъ господина, разъ онъ можетъ ихъ вооружить для своей личной службы. Они не рабы въ точномъ смыслѣ понятія. Они также не вольноотпущенники. Тѣмъ не менѣе онъ ведетъ ихъ вмѣстѣ съ рабами и вольноотпущенниками. Онъ мѣшаетъ ихъ съ послѣдними на скамьяхъ своихъ судовъ. Стало быть, уже во времена республики слагался классъ земледѣльцевъ, которые, не будучи ни рабами, ни вольноотпущенниками, оказывались однако подъ властью землевладѣльца.

Какъ могло случиться, что юрисконсульты нигдѣ не упоминаютъ объ этихъ людяхъ? Произошло это по той простой причинѣ, что положеніе ихъ было внѣ-легальное, и никакое установленное закономъ правило къ нимъ не примѣнялось. Они не находили никакого матеріала для освѣщенія даннаго пункта ни въ гражданскомъ правѣ, ни въ преторскомъ эдиктѣ. Но мы отлично знаемъ, что далеко не все заключается въ римскомъ правѣ. Въ римскомъ обществѣ много институтовъ образовалось совѣмъ помимо закона, и они жили безъ того, чтобы законъ о нихъ упоминалъ.

¹ *Sallust.* Cat. 59: «Cum libertis et colonis propter aquilam adsistit».

² *Caes.* De bello civ. I, 34: «Naves a privatis coactas servis, libertis colonis suis compleverat Domitius». *Ibid.* I, 56: «Naves colonis pastoriisque quos secum adduxerat complet». — Позже Сенека (*Epist.* 123) называетъ *colonus* послѣ *villcus* и *atriensis*; а оба послѣдніе—рабы. Трудно думать, чтобы такой *colonus* былъ фермеромъ по контракту.

Въ теченіе всей имперіи одновременно существовали свободные сѣмщики и колонны. Какъ сохранились фермеры съ срочными контрактами до конца императорской эпохи¹ и даже перешли за ея предѣлы, точно такъ же появлялись колонны съ самаго ея начала. Никакой законъ не уничтожилъ, въ концѣ, вольной аренды; никакой законъ равнымъ образомъ, въ началѣ, не учредилъ колоната.

Свободное фермерство и колонатъ были двумя сосѣдними, хоть и очень различными, соціальными состояніями. Переходъ изъ одного въ другое совершался очень легко и факты подобнаго рода повторялись постоянно. Потому не потребовалось общаго переворота, который осуществилъ бы смѣну одного другимъ. Измѣненіе произошло скорѣе черезъ длинную серію частичныхъ превращеній, находившихъ мѣсто въ индивидуальныхъ помѣстьяхъ, захватывавшихъ такую то семью, осуществлявшихся въ продолженіе пяти вѣковъ. Колонатъ не сталъ сразу на мѣстѣ аренды, но изо дня въ день то здѣсь, то тамъ отдѣльные арендаторы превращались въ колоновъ. Срочная аренда и колонатъ долго жили бокъ о бокъ. Сначала преобладала первая, или, по крайней мѣрѣ, она была виднѣе, замѣтнѣе. Но мало-по-малу, такъ сказать, неощутительнымъ движеніемъ количество колоновъ переросло число арендаторовъ, тогда то и совершилось появленіе колоната на глазахъ у всѣхъ и въ законодательствѣ².

¹ Нужно лишь отмѣтить, что въ концѣ имперіи вольные сѣмщики называются не *coloni*, а *conductores*. См. *Cod. Th.* II, 30, 2; здѣсь *conductor* противоплагается *colonus*. *Ibid.* X, 4, 3; XI, 16, 5; XVI, 6, 4. — *Cod. Iust.* IV, 65; VII, 39, 2; XI, 54, 1. — Можно видѣть изъ этихъ законовъ, относящихся къ 365, 405, 422, 439, 458, 468, 530 гг., что свободное фермерство никогда не исчезало. Ср. *Symmach. Epist.* IV, 68; IX, 52: «*Conductorem rei mei Siciliensis*». Его находимъ также позже въ письмахъ папы Григорія Великаго и въ равенскихъ документахъ.

² Въ свое время, при первомъ появленіи настоящаго этюда Фюстель де-Куланжа (въ 1885 г.) указаніе на значеніе «аренды изъ части», какъ фазы въ ростѣ колоната было совсѣмъ новымъ и очень плодотворнымъ наблюденіемъ въ исторіи изслѣдованія вопроса. Оно наводило на рядъ чрезвычайно важныхъ мыслей въ области построения генезиса тогда еще далеко не выясненнаго явленія. Но слѣдуетъ замѣтить, что авторъ слишкомъ преувеличилъ значеніе своего открытія и неправильно расширилъ рамки его исто-

ГЛАВА II.

Памятники времени Антониновъ.— „Saltus“.— Колоны въ „Saltus Burunitanus“.

Колонаты развились преимущественно на большихъ помѣстьяхъ. Поэтому ростъ его шелъ пропорціонально торжеству крупной собственности. Развитие его находилось также въ зависимости отъ расширенія земледѣльческой культуры путемъ расчистки подъ хлѣбопашество огромныхъ пустырей въ провинціяхъ, которое совершалось въ первые два вѣка имперіи.

Старая латынь подразумѣвала подъ словомъ *saltus* мѣстность, гористую и покрытую лѣсомъ, къ тому же необработанную или трудно обрабатываемую¹. Рѣдко являлись такіе *saltus* частною собственностью, и ихъ эксплуатировали лишь какъ пастбищные выгоны. Таково было первоначальное значеніе слова. Во времена Траяна мы видимъ, что оно приобрѣло новый смыслъ. Оно стало пониматься, какъ организованное помѣстье, нерѣдко и частное, какъ комплексъ земель, въ числѣ которыхъ многія уже находились подъ пашнею. Такъ, на примѣръ, велейская алиментарная надпись, въ которой перечисляется около сорока недвижимостей, называетъ нѣкоторыя изъ нихъ именемъ *saltus*. Мы находимъ здѣсь *saltus Marianus*, *saltus Drusianus* и десять еще другихъ. Это уже не пустующія земли; каждая изъ нихъ носитъ собственное имя и имѣетъ владѣльца. Онѣ не остаются безъ обработки: въ надписи удостоверяется, что

рическаго вліянія. Кромѣ того онъ выдвинулъ невѣрное утверждение о томъ, что римское право не знало и не признавало сѣмки земли подъ условіемъ уплаты долею продукта. Позднѣйшіе изслѣдователи хорошо показали обратное. См. обобщающія указанія у *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain* (P. 1899).

(Прим. ред. перевода).

¹ *Varr. De lingua lat.* V, 36: «Quos agros non colebant propter silvas aut id genus, ubi pecus posset pasci, et possidebant, saltus nominarunt».—*Fest.* (ed. Mueller), p. 302: «Saltus est ubi silvae et pastiones sunt».

каждая приносить доходъ, и что цѣнность ихъ иногда очень высока. Эти *saltus*—такія же помѣстья, какъ и другія; они похожи на тѣ, которыя именуются *fundi* въ томъ же памятникѣ. Нѣсколько разъ въ надписи даже читается: *saltus sive fundi*. Оба термина синонимичны ¹.

Не слово *saltus* само по себѣ перемѣнило смыслъ, но земли перемѣнили свой видъ. Такая то земля долго оставалась впустѣ; теперь она воздѣлывается и эксплуатируется; но сила привычки сохранила за нею прежнее наименование *saltus*. Ульпіанъ говоритъ о подобныхъ расчисткахъ новинъ, какъ о явленіи нерѣдкомъ въ его эпоху. «Можетъ случиться, что обширный *saltus* отдается въ залогъ кредитору; собственникъ оказывается не въ состояніи поднять его плугомъ; заимодавецъ же пускаетъ его подъ обработку и даетъ землѣ большую цѣнность» ². Римское завоеваніе, уничтожая земледѣльческое населеніе, превратило много обработанныхъ земель въ *saltus*. Въ два первые вѣка имперіи, наоборотъ, земледѣльческое населеніе возстановилось, и многіе *saltus* вновь превратились въ воздѣланныя имѣнья ³.

То, что тогда называлось *saltus*, могло быть безразлично и крупнымъ, и мелкимъ владѣніемъ. Мелкимъ оно является въ велейской надписи; крупное вскрывается изъ словъ Фронтинна: «Мы часто встрѣчаемъ *saltus*, принадлежащіе частнымъ лицамъ, которые настолько же обширны, какъ территоріи городскихъ общинъ» ⁴. Онъ описываетъ физіономію такого имѣнья: «Въ центрѣ находится усадьба (*villa*) помѣщика; дальше—цѣлая цѣпь деревенскихъ поселковъ

¹ *Corp. inscr. lat.* III, 536. Cfr. IV, 5503.

² *Ulpian. Dig.* XIII, 7, 25: «Puta saltum grandem pignori datum ab homine, qui vix luere potest, nedum excolere. Tu acceptum pignori excoluisti sic, ut magni pretii faceres».

³ Цумптъ сказалъ (въ вышеназванномъ сочиненіи, стр. 3), что «цѣлью учрежденія колоната было оживить сельское хозяйство, которое все падало и угрожало совсѣмъ исчезнуть въ имперіи». Слова эти часто повторялись, но я не думаю, чтобы такое мнѣніе было вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Если оно справедливо для IV вѣка, то нельзя сказать того же о второмъ. Высказывалось много риторическихъ возгласовъ о паденіи земледѣлія. Историкъ долженъ остерегаться такихъ преувеличеній.

⁴ *Frontin. De controu. «agrorum».* (*Gromat. vet.* ed. Lachmann, p. 53): «Frequenter in provinciis, praecipue in Africa, saltus non minores habent privati quam respublicae territoria; quin imo multis saltus longe maiores sunt territoriis».

(*vici*) окружаетъ, ее, какъ поясомъ»¹. Подъ *villa* авторъ, несомнѣнно, разумѣетъ господское жилище со всѣми его принадлежностями и многочисленными службами; подъ *vici*— группы хижинъ крестьянъ, которые обрабатывали различныя части огромнаго владѣнія. Такъ, обширныя площади, раньше пустовавшія, обратились въ крупныя хозяйства, въ предѣлахъ которыхъ нѣсколько селеній столпилось около единаго собственника.

Легко представить себѣ, что подобныя расчистки не могли быть осуществлены безъ усилія многочисленныхъ рукъ. Но чрезвычайно было бы важно опредѣлить, были ли то руки рабовъ или свободныхъ людей. Если мы рассмотримъ дальше въ слова Фронтинъ, то склонимся ко второму предположенію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ, что описываемыя имъ помѣстья населены тѣми, кого онъ называетъ *populus plebeius*, то-есть, племенемъ мелкаго люда. Онъ не употребилъ бы такого выраженія, если бы имѣлъ въ виду рабовъ. Никогда несвободныхъ не обозначали на латинскомъ языкѣ ни *populus*, ни *plebs*. Они составляли только *familia*. Выраженіе Фронтинъ могло прилагаться лишь къ населенію свободному. Впрочемъ, дальнѣйшій текстъ уже прямо показываетъ, что дѣло идетъ здѣсь не о рабахъ. Мы видимъ изъ него, что сосѣднія муниципальныя общины требовали отъ этихъ людей причитающагося участія въ исполненіи мѣстныхъ повинностей и даже стремились привлечь ихъ къ рекрутскимъ наборамъ; а это такія функціи, къ которымъ никакъ не могли быть причастны рабы².

Съ другой стороны, можемъ ли мы думать, что эти

¹ *Ibidem*: «Vicos circa villam in modo munitionum». Моммзенъ (въ журн. «Hermes», XV, 1880, S. 392) предлагаетъ читать здѣсь *municipiorum* вмѣсто *munitionum*. Такое исправленіе кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ и къ тому же излишнимъ: *munitio* или *munitum* говорилось, особенно на сельскохозяйственномъ языкѣ, обо всемъ, что окружало, составляя ограду. См. *Colum. De re rust.* XI, 3.—*Pallad. De re rust.* I, 34.—Прибавлю, что терминъ *municipium* плохо примѣнимъ къ *vici*. Думаю, стало быть, что слѣдуетъ сохранить текстъ въ неприкосновенности.

² *Frontin. Ibid.* p. 53: «Habent privati in saltibus non exiguum populum plebeium... Tum republicae controversias de iure territorii solent movere, quod aut indicere munera dicant oportere in ea parte soli, aut legere tironem ex vico, aut vecturas aut copias devehendas indicere eis locis, quae loca republicae adserere conantur».

свободные люди были вольными арендаторами по срочнымъ контрактамъ? Это мало вѣроятно. Чтобы поднять новину, требуется громадный трудъ, и послѣдній вознаграждается лишь очень нескоро. Срочные договоры, какіе практиковались у Римлянъ, мало подходили къ такому труду, а эмфитевзисъ (вѣчная аренда) былъ типомъ контракта, тогда еще не признававшимся закономъ. Обратимъ къ тому же болѣе пристальное вниманіе на слова Фронтинна: «Землевладѣльцы держатъ на своихъ *saltus* многочисленное племя маленькихъ людей». Онъ прибѣгаетъ къ слову *habent*, которое значитъ—владѣть. Притомъ терминъ этотъ одновременно относится и къ *populum*, и къ *vicos*, какъ будто бы они владѣли людьми и жилищами на одинаковыхъ правахъ. Эти люди—свободны, и тѣмъ не менѣ помѣщикъ ими владѣетъ, какъ онъ владѣлъ бы рабами. Стало быть, это, по меньшей мѣрѣ, зависимое населеніе. Я еще не знаю, находится ли оно уже въ томъ положеніи, въ какомъ мы найдемъ колонновъ IV-го вѣка; но оно, повидимому, къ нему приближается. Изъ того же текста обнаруживается, что оно опирается на такое свое зависимое положеніе, чтобы избавиться отъ муниципальныхъ обязанностей и воинской службы.

Государство во многихъ случаяхъ дѣлало тоже, что частные люди. Императорскій фискъ владѣлъ многочисленными *saltus*¹. Это были первоначально обширныя пространства необработанной земли, которыя сенаторское правительство довольствовалось сдавать стадовладѣльцамъ за легкое вознагражденіе. Когда же народныя владѣнія (*ager publicus*) стали владѣніями императоровъ (*ager Caesaris*)², то осуществилось нѣчто большее, чѣмъ простая перемѣна словъ: произошло измѣненіе въ управленіи и эксплуатаціи земель. Учреждено было въ центральной администраціи (*palatium*) особое вѣдомство, которому специально было поручено завѣдываніе такою недвижимою собственностью и забота объ увеличеніи ея производительности. Въ каждой провинціи назначалось особое должностное лицо, которое именовалось *procurator* или *rationalis*; оно являлось не маги-

¹ *Frontin*. De contr. agr. p. 53: «Eius modi lites non tantum cum privatis hominibus republicae habent, sed et plerumque cum Caesare, qui in provincia non exiguum possidet».

² *Gai*. Instit. II, 7: «Dominium Caesaris». — *Callistr*. Dig. I, 19, 3: «Praedia Caesariana». — *Ibid.* L, 6, 6, 11: «Praedia fiscalia».

стратомъ, но простымъ управителемъ, вѣдавшимъ хозяйство и доходы государя ¹. Въ центральной канцеляріи по императорскимъ имуществамъ или въ ея провинціальныхъ отдѣленіяхъ велось точное счетоводство; тамъ же установились постоянныя правила по управленію и выработалась въ силу традиціи опредѣленная система.

Въ ту же самую эпоху *saltus* или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ перемѣнили свой видъ. Они были пущены подъ обработку и покрылись полями и виноградниками. Въмѣсто пастуховъ мы видимъ на нихъ теперь земледѣльцевъ. Одна надпись временъ Марка Аврелія показываетъ намъ, что *saltus Massipianus* (въ Африкѣ) занимаютъ не *pastores*, а *coloni*, то-есть, крестьяне-пахари ².

Изслѣдуемъ, каково было социальное положеніе этихъ людей, которые, поднявъ *saltus*, продолжали его обрабатывать. Сомнѣваюсь, чтобы они были рабами, такъ какъ мы видимъ изъ той же надписи, что они воздвигаютъ памятникъ «на свой счетъ». Сомнѣваюсь, съ другой стороны, чтобы они являлись свободными фермерами, такъ какъ они стоятъ «въ распоряженіи прокуратора» ³.

Правда, что въ императорскомъ хозяйствѣ сохранилась система сдачи земель въ аренду, но только по отношенію къ цѣлымъ имѣніямъ. Провинціальный прокураторъ объ-

¹ *Corp. Inscr. Lat.* III, 536: «Procurator ad praedia Galliana».—*Ibidem*, 1456: «Procurator rationis privatae per Belgicam».—*Ibid.* VIII, 5351: «Procurator Augusti praediarum saltuum Hipponensis et Thevestini».—*Ibid.* IX, 784: «Procurator saltuum Apularum».

² *Henzen*, 5313: «Coloni saltus Massipiani».—Очевидно, что слово *coloni* рядомъ съ *saltus* можетъ обозначать только земледѣльцевъ. Мы не можемъ того же сказать о многихъ надписяхъ, въ которыхъ *coloni* говорится о жителяхъ особаго типа городовъ—*colonia*. Не могу поэтому согласиться съ Жиро (*Ch. Giraud*, *Hist. du droit français*, p. 164), что въ террацинской алиментарной надписи *pueri coloni* и *puellae colonae*, которымъ жертвовальница назначаетъ ежемѣсячную пенсію, были дѣти колоновъ-земледѣльцевъ. Чтобы фраза получила такой смыслъ, должно было бы стоять въ текстѣ—*pueri, puellae colonorum*. Здѣсь же говорится, что пенсія представляется дѣтямъ, родившимся въ городѣ-колоніи, то-есть, въ Террацинѣ. Ср. еще другую надпись у *Henzen*, 6669 и *Corp. Inscr. Lat.* VIII, 587.

³ *Henzen. Ibidem*: «Pro salute imp. Caes. M. Aureli Antonini Aug. liberorum eius, coloni saltus Massipiani aedificia vetustate conlapsa sua pecunia refecerunt, item arcus duos a solo refecerunt iubente Provinciale Augusti liberto procuratore».

являлъ торги на наемъ каждого имѣнья и сдавалъ ихъ на краткіе сроки ¹. Но онъ не могъ поступать также внутри помѣстья, по отношенію къ отдѣльнымъ его участкамъ; здѣсь то мы и находимъ колоновъ. Можно еще отмѣтить, что въ кодексахъ и даже дигестахъ такой съемщикъ цѣлыхъ императорскихъ имѣній называется *conductor*, иногда *colonus*. Это, мнѣ кажется, устанавливаетъ различіе, которое уже опредѣлилось на практикѣ между крупнымъ арендаторомъ, который именуется кондукторомъ, и мелкимъ земледѣльцемъ (крестьяниномъ), который уже не можетъ быть такъ названъ.

Очень рано образуется, повидимому, многочисленный классъ императорскихъ колоновъ. Въ законодательныхъ текстахъ IV-го вѣка ихъ будутъ именовать—*coloni rei privatae*. Въ законахъ эпохи Антониновъ они именуется—*coloni Caesaris*. Они составляютъ настолько значительную социальную категорію, что юрисконсульты считаютъ нужнымъ специально заниматься ими. Положеніе ихъ ясно не опредѣляется дигестами, но угадать его можно. Одинъ рескриптъ Марка Аврелія объясняетъ, что въ принципѣ они не избавлены отъ муниципальных обязанностей ²; этимъ доказывається, что они не рабы. Но императоръ поручаетъ прокуратору освобождать ихъ отъ такихъ повинностей, какъ можно болѣе ³. Это заставляетъ думать, что, разъ они находятся подъ покровительствомъ прокуратора, они и зависятъ отъ него: а послѣднее предполагаетъ личное подчиненіе, не соотвѣтствующее положенію гражданъ.

Приведемъ еще другой рескриптъ, принадлежащій Антонину: «Прокураторъ имѣетъ право запретить доступъ въ имѣнья Цезаря всякому, кто совершилъ или можетъ про-

¹ Мы увидимъ примѣръ этого нѣсколько ниже.

² *Digest.* L, I, 38: «Imperatores Antoninus et Verus Augusti rescripserunt colonos praediorum fisci muneribus fungi oportere...» Извѣстно, что слово *munera* обозначало муниципальныя службы. См. *Dig.* L, 6, 6, 10.

³ Это уже заключается въ словахъ—«sine damno fisci» и дальше въ словахъ—«id excutere praesidem, adhibito procuratore, debere».— Это еще отчетливѣе вытекаетъ изъ одного отрывка Каллистрата: «Coloni Caesaris a muneribus liberantur, ut idoniores praediis fiscalibus habeantur». (*Dig.* L, 6, 6 (5), 11).

известии насиліе надъ императорскими колонами»¹. Такое распоряженіе очень выразительно; оно не только обозначаетъ, что прокураторъ охраняетъ колоновъ; оно показываетъ также, что въ его рукахъ находится извѣстная полицейская власть надъ ними. Хоть онъ и не былъ магистратомъ, а являлся только личнымъ уполномоченнымъ собственника по управленію имѣніями, но именно ему поручено наблюденіе за порядкомъ на государевыхъ земляхъ и среди обитающаго на нихъ населенія.

Одинъ историкъ IV-го вѣка случайно обнаруживаетъ намъ, какъ производилась подобная спеціальная юрисдикція, которой колоны уже были подчинены. Онъ рассказываетъ, что переворотъ, низложившій императора Максимиана, былъ начатъ крестьянами африканской провинціи. Эти земледѣльцы—*rustici*, *plebs rusticana*—были людьми свободными, потому что онъ называетъ ихъ гражданами, *cives*. Но въ то же время они уже тѣсно подчинены прокуратору, такъ какъ тотъ, собственно властью, вопреки муниципальнымъ магистратамъ и самому провинціальному намѣстнику, могъ подвергнуть изгнанію и даже предать смерти многихъ изъ нихъ². Возстаніе вспыхнуло именно противъ безграничной власти и произвольной юстиціи этого прокуратора. Изъ этого разсказа выводится, что колоны, являясь свободными гражданами по праву, на дѣлѣ оказывались въ полномъ распоряженіи уполномоченнаго землевладѣльца. Кажется даже, что они сами уже какъ бы принадлежать фиску, какъ и земля, на которой они сидятъ, и что именно потому они и подчинены власти агента фиска.

¹ *Dig.* I, 19, 5: «Si quasi tumultuosum vel iniuriosum adversus colonos Caesaris procuratores prohibuerint in praedia Caesariana accedere, abstinere debent».

² *Iul. Capitolin.* Gordiani, 7: «Cum Gordianus proconsule Africam regeret... cumque quidam *rationalis* acrius contra plurimos Afrorum saeviret... *proscribens plurimos, interficiens multos* et sibi ultra procuratorem omnia vindicans... retunsus a proconsule... Afri rationalem occiderunt, occisoque eo coeperunt cogitare, quemadmodum seditio inter Maximianos et *rusticos* vel Afros orta placaretur. Tunc quidam Mauritius nomine, potens apud Afros decurio... apud *plebem* vel urbanam vel *rusticanam* in agro suo concionabundus est locutus: Cives...»—Надобно замѣтить, что здѣсь *rationalis* не кто иной, какъ прокураторъ: это выясняется изъ продолженія текста: «procuratorem occidimus».

Я долженъ наконецъ обратить вниманіе на одно изреченіе юрисконсульта Павла: «Занесеніе въ фискальной канцеляріи свободныхъ людей въ одни списки съ рабами не наноситъ ущерба свободѣ людей» ¹. Слова эти вызываютъ нѣсколько замѣчаній. Мы видимъ отсюда прежде всего, что канцелярія фиска (*officium fisci*) вела списки, куда заносились имена всѣхъ, принадлежавшихъ къ императорскимъ помѣстьямъ. Такой реестръ или таблица назывался *descriptio*. То же слово вновь встрѣтится въ одномъ законѣ IV-го вѣка, какъ обозначеніе инвентаря помѣстья и находившихся на немъ людей ², составлявшагося агентами фиска. Не могу удержаться еще отъ указанія, что оно же будетъ повторено шесть вѣковъ спустя также для обозначенія инвентаря земель и колоновъ. Люди, которые заносились въ подобнаго рода *descriptioes*, были въ общемъ правилѣ, фискальные рабы (*familia fiscalis*). Подъ этимъ словомъ — *familia* всегда подразумѣвались рабы или вольноотпущенники. Однако въ то же время юрисконсультъ говоритъ, что туда записывались и совсѣмъ свободные люди (*ingenui*). Наконецъ онъ подтверждаетъ, что такое обстоятельство не составляетъ презумпціи противъ ихъ свободы: «*ingenuitati non praeiudicat*». Мы видимъ здѣсь, стало быть, людей свободныхъ, записанныхъ въ книгу императорскаго помѣстья рядомъ съ другими людьми, которые были рабами или вольноотпущенниками фиска. Юрисконсультъ заботливо оговариваетъ при этомъ сохраненіе за ними свободы, какъ будто боится, что такое сосѣдство и такое постоянное общеніе съ несвободными можетъ угрожать ея неприкосновенности.

Мы разобрали тексты и факты, полные важнаго значенія. Они, по меньшей мѣрѣ, показываютъ, что во времена Антониновъ на крупныхъ частныхъ помѣстьяхъ и на земляхъ фиска существовалъ особый классъ людей, безусловно отличавшихся отъ рабовъ, но тѣмъ не менѣе находившихся въ зависимости отъ собственника земли, на которой они

¹ *Paul. Sentent. V, 1, 3*: «*Descriptio ingenuorum ex officio fisci inter fiscalem familiam facta ingenuitati non praeiudicat*». — *Officium* — это выраженіе, которое обозначаетъ совокупность служащихъ, подчиненныхъ какому-нибудь магистрату и работающихъ по его распоряженіямъ — *officium magistratus, officium praesidis*. Оно же обозначаетъ чиновниковъ центрального управленія.

² *Cod. Iust. IX, 49, 7*.

сидѣли. Мы ясно еще не усматриваемъ, каково было ихъ положеніе, но мы уже предчувствуемъ, что оно сильно приближалось къ типу колоната. Положеніе это лучше выясняется изъ одной надписи, найденной (въ 1879 г.) въ Тунисѣ, старой римской провинціи Африкѣ.

Надпись эта сохранилась въ неполномъ видѣ: она когда то была разбита, и значительный кусокъ ея потерянъ. Изъ четырехъ столбцовъ, на которые она раздѣлена, одинъ совсѣмъ исчезъ. То, что остается, представляетъ около 80 хорошо читаемыхъ строкъ. Въ своемъ настоящемъ видѣ надпись доставляетъ цѣнныя свѣдѣнія о положеніи земледѣльческаго класса въ римскомъ мірѣ во второмъ вѣкѣ¹.

Памятникъ состоитъ изъ двухъ частей неодинаковой длины. Въ немъ читается прежде всего длинное прошеніе, обращенное къ императору Коммоду; затѣмъ идетъ короткій отвѣтъ этого государя. Есть основаніе думать, что и прошеніе, и рескриптъ относятся къ годамъ 181 и 182². Просьба составлена крестьянами. Отвѣтъ направленъ если не имъ самимъ, то, по крайней мѣрѣ, должностнымъ лицамъ, которымъ было предписано передать имъ волю государя. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ доведенъ до ихъ свѣдѣнія, ибо сами крестьяне, изъ благодарности, а также изъ же-

¹ Текстъ ея напечатанъ въ *Corpus Inscriptionum latinarum*. См. т. VIII, № 10570. Первоначально онъ былъ опубликованъ въ «Comptes rendus de l'Académie des inscriptions», въ отчетѣ о засѣданіи 2 апрѣля 1880 г. съ замѣчаниями *Tissot* и *Desjardins*. Затѣмъ онъ былъ переизданъ въ журналѣ — «Hermes» съ комментариемъ Моммзена (см. т. XV, 1880, стр. 385—411); также въ «Journal des Savants» (1880, novembre) со статьею *Esmein*; наконецъ еще въ «Revue archéologique» (1881, fevr.) съ изслѣдованіемъ *Cagnat* и *Fernique*.

² См. столбецъ II, строки 27—28: «Consummata et dedicata idibus Maii Aureliano et Corneliano consulibus». — Эти два имени не встрѣчаются въ спискахъ римскихъ консуловъ; возможно, что они были только «consules suffecti». Во всякомъ случаѣ, дата императорскаго отвѣта вытекаетъ изъ титуловъ, которые онъ себѣ приписываетъ. Такъ какъ въ текстѣ отсутствуютъ прозванія — «Pius» и «Britannicus», которыя Коммодъ принялъ лишь въ 183 и 184 гг., и такъ какъ онъ обозначаетъ себя предименемъ Marcus, которымъ онъ замѣнилъ прежнее Lucius въ концѣ 180 г., то нашъ документъ, очевидно, располагается между этими двумя близкими другъ къ другу хронологическими предѣлами, то-есть, приурочивается къ 181 или 182 гг. — Ср. статью *Mowat* въ «Revue archéologique», 1881, p. 285—291.

ланія увѣковѣчить полезный имъ документъ, высѣкли на камнѣ собственное длинное посланіе и императорскій рескриптъ.

Земледѣльцы, о которыхъ идетъ рѣчь, занимали въ провинціи Африкѣ одно помѣстье, принадлежавшее императору. Это помѣстье входило въ разрядъ тѣхъ, которыя назывались *saltus*, и носило имя — *saltus Burunitanus* ¹. Но несмотря на такое наименованіе это было имѣнье обработанное: въ надписи говорится, что въ немъ пахали поля и убирали хлѣбъ ².

Можетъ быть, это владѣніе было похоже на тѣ обширные *saltus*, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, которые описываетъ Фронтинъ. Мы дѣйствительно находимъ въ немъ тотъ «*propulus plebeius*», о которомъ упоминаетъ авторъ. Стало быть, социальная картина, которая обнаружится намъ сейчасъ изъ надписи, вѣроятно, не представляла собою чего-нибудь очень исключительнаго. Легко можно вообразить себѣ находку другой подобной надписи, которая бы относилась къ одному изъ такихъ крупныхъ помѣстій, «болѣе обширныхъ, чѣмъ территорія городскихъ общинъ». Можетъ, быть, мы изъ нея увидѣли бы, что представляло собою это «населеніе изъ маленькаго люда», которое собственникъ «держалъ» на своей землѣ; мы выяснили бы, какой видъ имѣли эти поселки, «окружавшіе господскую усадьбу, какъ бы поясомъ». Но въ *saltus Burunitanus* собственникомъ былъ императоръ.

Онъ представленъ или замѣненъ въ изучаемой надписи нѣкимъ лицомъ, по имени Алліемъ Максимомъ, который является настоящимъ арендаторомъ по контракту ³. Черезъ правильные пятилѣтніе промежутки это большое имѣнье сдается въ аренду съ торговъ по распоряженію провинціального прокуратора фискальныхъ имуществъ ⁴. Аллій получившій право аренды, обязанъ уплачивать за нее императору опредѣленную цѣну, какъ всякій арендаторъ; взаменъ этого онъ эксплуатируетъ помѣстье за свой соб-

¹ II, 12: «In saltum Burunitanum».

² III, 12: «Operas aratorias... messorias».

³ Его называютъ *conductor* (см. въ надписи въ нѣсколькихъ мѣстахъ).

⁴ III, 22—23; «Procuratores, quibus notus est Allius per vices successionis per conditionem conductionis».

ственный счетъ и пользуется на немъ въ предѣлахъ, установленныхъ договоромъ, всѣми правами собственника.

Ниже этого арендатора, который является скорѣе денежнымъ дѣльцомъ, чѣмъ сельскимъ хозяиномъ, находятся тѣ, кто на самомъ дѣлѣ обрабатываетъ землю. Въ надписи они даютъ себѣ названіе *rustici* или *coloni*. Число ихъ не обозначено: можетъ быть, ихъ было нѣсколько сотенъ семействъ; можетъ быть, они располагались въ нѣсколькихъ деревняхъ (*vici*) вокругъ главной барской усадьбы (*villa*), которая образвала какъ бы руководящій центръ всего *sal-tus*. Въ надписи идетъ рѣчь именно о нихъ, о ихъ обязанностяхъ и правахъ.

Предметъ ихъ прошенія къ императору составляетъ жалоба противъ Аллія, который возлагалъ на нихъ несправедливыя требованія. Они жалуются вмѣстѣ съ тѣмъ на провинціального прокуратора, къ которому прежде всего обращались съ просьбами, какъ къ естественному начальнику и судѣ, но который имъ не помогъ. «Онъ не услышалъ нашихъ жалобъ, говорятъ они, не разслѣдовалъ нашего дѣла за всѣ долгіе годы, въ теченіе которыхъ мы просимъ¹. Еще гораздо больше, онъ сдѣлался сообщникомъ Аллія до такой степени, что отправилъ въ имѣнье вооруженный отрядъ, приказалъ арестовать и истязать нѣкоторыхъ изъ насъ; нѣкоторые были брошены въ тюрьму, другіе даже наказаны розгами, хотя они римскіе граждане². Между тѣмъ, единственная наша вина заключалась въ томъ, что мы въ виду такого невиданнаго беззаконія, молили о помощи твоего Величества въ особомъ прошеніи. Мы принуждены, находясь въ такомъ несчастіи, снова прибѣгнуть къ твоей божественной милости; мы просимъ тебя, священнѣйшій императоръ, пособить нашей бѣдѣ»³.

¹ «Ut non solum cognoscere per tot retro annos instantibus ac supplicantibus nobis vestramque divinam subscriptionem allegantibus supersederit...»

² «Missis militibus in eundem saltum Burunitanum alios nostrum adprehendi et vexari, alios vinciri, nonnullos cives etiam Romanos virgis et fustibus effligi iusserit...»

³ «... Eo solo merito nostro, quod in tam gravi pro modulo medicritatis nostrae tamque manifesta iniuria imploratum maiestatem tuam acerba epistola usi fuisset... Impulit nos, miserrimos homines rursum divinae providentiae tuae supplicare et ideo rogamus, sacratissime imperator, subvenias...»

«Мы просимъ тебя, чтобы, согласно статьѣ адрианава устава, которую мы выше выписали, ни прокуратору, ни, тѣмъ больше, съемщику не допускалось увеличивать наши земельные оброки точно такъ же, какъ и дни обязательныхъ работъ или поставки рабочаго скота ¹. Пусть дѣло остается такъ, какъ было установлено въ письмахъ твоихъ прокураторовъ, которыя сохраняются въ архивѣ кареагенскаго округа. Пусть не налагаютъ на насъ больше чѣмъ два дня пахоты, два полотьбы (бороньбы) и два жатвы въ годъ. Такъ именно и показано въ постоянномъ уставѣ, который начертанъ на бронзовой доскѣ» ².

«Мы только ничтожные крестьяне, поддерживающіе жизнь трудомъ собственныхъ рукъ, арендаторъ же—богатая особа, могущая купить благорасположеніе хорошими подарками. Къ тому же его хорошо знаютъ прокураторы, такъ какъ онъ уже нѣсколько разъ подрядъ снимаетъ землю. Сжался же надъ нами и соблаговоли приказать священнымъ рескриптомъ, чтобы насъ не заставляли нести больше, чѣмъ назначено уставомъ Адриана, то-есть, три раза по два рабочихъ дня въ годъ ³, чтобы мы, твои крестьяне, дѣти этой земли, родившіеся на ней и ею вскормленные, не подвергались притѣсненіямъ отъ арендаторовъ твоего имѣнья» ⁴.

Отвѣтъ императора былъ таковъ: «Императоръ Цезарь Маркъ Аврелій Коммодъ Антонинъ Августъ Лурію Лукуллу и другимъ по именамъ: Принимая во вниманіе уставы и мои предшествующія распоряженія, предписываю моимъ прокураторамъ заботиться о томъ, чтобы не налагалось больше чѣмъ три раза по два дня обязательной работы въ годъ, и

¹ «Ut kapite legis Hadrianae, quod suprascriptum est, ademptum est, ademptum sit ius etiam procuratoribus nedum conductori adversus colonos ampliandi partes agrarias aut operarum praebitionem iugorumve...»

² «Ut se habent litterae proc(uratorum), quae sunt in tabulario tractus Karthag. non amplius annuas quam binas aratorias, binas saratorias, binas messorias operas debeamus... utpote cum in aere inciso et undique versum vicinis nostris perpetua in hodiernum forma praestitutum et proc. litteris confirmatum...»

³ «Miserearis ac sacro rescripto tuo non amplius praestare nos quam ex lege Hadriana et ex litteris proc(uratorum) tuorum debemus, id est ter binas operas praecipere digneris.»

⁴ «Rustici tui vernulae et alumni saltuum tuorum non ultra a conductoribus agrorum fiscalium in quiete...»

чтобы не взыскивалось ничего противъ установленныхъ правилъ»¹.

Данная надпись высоко интересна по разъясненіямъ, которыя она доставляетъ, объ управленіи императорскими землями; но мы теперь хотимъ извлечь изъ нея лишь то, что она сообщаетъ объ условіяхъ жизни ихъ крестьянскаго населенія. Первый пунктъ, заслуживающій вниманія, тотъ, что они именуется—*coloni*². Это—то же слово, которымъ пользуются юрисконсулы той эпохи для обозначенія свободныхъ людей, которые сидятъ съемщиками на чужой землѣ по срочнымъ договорамъ, скрѣпленнымъ точными контрактами. Говорится ли въ нашемъ документѣ объ этой категоріи людей? Вотъ, что слѣдуетъ выяснитъ, разсмотрѣвъ, во-первыхъ, свободные ли они люди, потомъ, есть ли у нихъ контракты, наконецъ, прикрѣплены ли они къ землѣ?

Прежде всего, мы видимъ, что наши крестьяне—свободные люди. Ни слово—рабы, ни слово вольноотпущенники не встрѣчаются въ текстѣ³. Они называютъ себя маленькими людьми (*mediocritas nostra*)⁴; но это выраженіе, какъ оно ни скромно, ставитъ ихъ все же гораздо выше рабскаго состоянія. Они прибавляютъ: «Мы несчастные земледѣльцы (*rustici tenues*), которые зарабатываютъ жизнь трудами своихъ рукъ»⁵. Рабы такъ бы не выразились, ибо рабъ, содержащійся на счетъ господина, не нуждается въ заботѣ о своей

¹ «Imp. Caes. M. Aurelius Commodus... Lurio Lucullo ex nomine aliorum. Procuratores contemplatione disciplinae et instituti mei ne plus quam ter binas operas curabunt, ne quit per iniuriam contra perpetuam formam a vobis exigatur». — Канья (*Cagnat*) открылъ въ Тунисѣ отрывокъ надписи, на которомъ читаются три первыя строки того же рескрипта (см. его «Explorations en Tunisie», 1884, стр. 141—143). Онъ заключилъ изъ этого, что *saltus Burunitanus* былъ очень обширенъ, разъ эти двѣ надписи найдены были въ пунктахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на 30 километровъ, или что тотъ же императорскій рескриптъ относился къ нѣсколькимъ имѣньямъ.

² III, 7: «Adversus colonos».

³ Если бы они были *servi Caesaris*, то никакъ бы не пропустили указанія на это въ обращеніи къ государю. Если бы они являлись *liberti Caesaris*, въ ихъ интересѣ было бы прямо напомнить, что императоръ былъ ихъ патрономъ.

⁴ II, 8: «Pro modulo mediocritatis nostrae».

⁵ «Homines rustici tenues, manuum nostrarum operis victum tolerantes».

жизни. Къ тому же во главѣ группы рабовъ въ помѣстьѣ стоялъ бы *vilicus* или *actor*, которые были бы рабами, какъ и они. Рабамъ не предоставлялось бы обращаться съ прошеніями къ императору. Рабы не имѣли бы права приносить жалобы въ судъ прокуратора; имъ нельзя бы разсуждать о количествѣ труда, которое съ нихъ требовалось. Невѣроятно, чтобы рабы по собственной инициативѣ начертали эту надпись; въ особенности же мы тогда не увидѣли бы подъ нею подписи нѣкогого Гая Юлія Салапута, который самъ былъ однимъ изъ крестьянъ ¹. Это, дѣйствительно, чловѣкъ, который, повидимому, происходилъ отъ прежнихъ вольноотпущенниковъ дома Юліевъ, но родъ его уже давно свободенъ. Онъ даже достигъ извѣстнаго положенія и облагаетъ нѣкоторою значительностью: онъ называетъ себя *magister saltus*; на подобіе *magistri vicorum* въ другихъ текстахъ, онъ представляется здѣсь старостой или начальникомъ данной группы или общины сельскаго населенія. Наконецъ, послѣднее сомнѣніе относительно свободно-рожденности нашихъ крестьянъ, уничтожается указаніемъ, что «нѣкоторые между ними были римскими гражданами» ². Остальные, очевидно, были провинціалами или перегринами, которые еще не достигли правъ римскаго гражданства; тѣмъ не менѣе и они такъ же свободны, какъ первые.

Съ другой стороны, однако, крестьяне *saltus Burunitanus* не были фермерами по контракту, какъ тѣ *coloni*, о которыхъ говорится въ Дигестахъ. Единственнымъ контрактомъ, о которомъ упоминается въ документѣ, является тотъ, по которому все имѣнье сдано въ аренду Аллію Максиму. Онъ одинъ названъ—*conductor*. Онъ одинъ былъ здѣсь фермеромъ по срочному договору и за опредѣленно установлен-

¹ См. въ самомъ концѣ IV столбца: «Felicites consummata e dedicata Idivus Maiis... curam agente C. Iulio... Salaputi magistro».

² II, 14: «Nonnullos cives etiam Romanos virgis et fustibus effligi iusserit». — *Nonnullos* здѣсь не слѣдуетъ соединять съ *cives*. Конструкція фразы такова: «*Alios adprehendi, alios vinciri, nonnullos fustibus effligi*». Составитель вставляетъ слова—«*cives etiam Romanos*» въ третью часть предложенія потому, что римскаго гражданина можно было «*adprehendi*», даже «*vinciri*», но никоимъ образомъ нельзя было наказывать розгами. Изъ текста, стало быть, не вытекаетъ съ необходимостью, что только нѣкоторые были римскими гражданами. Впрочемъ, изъ него не устанавливается и то, что они всѣ обладали этимъ правомъ.

ную денежную плату. Что касается нашихъ крестьянъ, у нихъ нѣтъ контракта на съемку тѣхъ малыхъ клочковъ земли, которые каждый занимаетъ. Если бы они обладали такимъ договоромъ они бы, навѣрно, указали на него, сообщили бы его сроки и условія. Они не могли не сослаться на свой *lex conductionis*, и лучшимъ аргументомъ для нихъ въ такомъ случаѣ было бы доказать, что договоръ нарушенъ.

Между тѣмъ они не только не ссылаются ни на какой контрактъ, но напоминаютъ, что обязательства ихъ опредѣлены въ уставѣ, который они именуютъ то *forma perpetua*, то *lex Hadriana*. Оба выраженія равнозначущи. Слово *forma*, или уменьшительное *formula*, обозначало сущность какихъ-нибудь правилъ. Слово *lex* не всегда понималось на латинскомъ языкѣ въ томъ же смыслѣ, какъ наше—«законъ». Говорилось *lex mancipii* по отношенію къ акту продажи, *lex conductionis* для обозначенія договора о наймѣ¹. Слово—*lex* примѣнялось къ наименованію всякаго документа, налагавшаго обязательство даже въ кругу частно-правовыхъ отношеній и между частными людьми. То, что наши крестьяне называютъ *lex Hadriana*, не представляетъ, по нашему мнѣнію, закона съ характеромъ государственнымъ, который примѣнялся бы ко всей имперіи². Это именно уставъ, относящійся только къ крестьянамъ и то не ко всѣмъ въ

¹ Varr. De re rust. II, 3.—Dig. XIX, 2, pass.—Cfr. *Lex Malacitana*, с. 63—64 (С. I. L. II, р. 257—58): «Quas locationes fecerit quasque leges dixerit quanti quid locatum sit... Vendere legemque his vendundis dicere... Si lege praediatoria emptorem non invenerit».

² Мы отдѣляемся по этому вопросу отъ Эсмейна (*Esmein*), который полагаетъ, что можно признать въ этомъ «*lex Hadriana*» такъ называемый *Edictum perpetuum*, составленный во время этого императора Сальвемъ Юліаномъ (см. «*Journal des Savants*», 1880, р. 764). *Edictum perpetuum* никогда не назывался *lex Hadriana* или даже просто *lex*. Нельзя было бы и понять, почему этотъ обширный текстъ былъ бы выставленъ на нашемъ saltus.—Затѣмъ *edictum perpetuum*, о которомъ намъ многое сообщаютъ Дигесты, повидимому, не содержалъ въ себѣ ничего, касающагося колоната. Если бы онъ затрогивалъ данный вопросъ, въ Дигестахъ сохранился бы слѣдъ этого. Наконецъ нельзя себѣ представить, какъ могъ такой *edictum* устанавливать оброки и барщины, которые такіе-то крестьяне обязаны были отдавать такимъ-то помѣщикамъ. Въ нашей *lex Hadriana* содержалось, насколько извѣстно, лишь два постановленія; притомъ очевидно, что они не входили въ составъ публичнаго права и общаго законодательства.

римскомъ мірѣ, а только къ тѣмъ, которые сидѣли на императорскихъ помѣстіяхъ. Возможно даже, что онъ предназначался специально для одного *saltus Burunitanus*. Авторъ его былъ императоръ Адрианъ; но замѣтимъ хорошенъко, что онъ издалъ его именно какъ владѣлецъ помѣстья, а не какъ императоръ. Изъ всего этого мы можемъ вывести, что отношенія между собственникомъ и крестьянами здѣсь устанавливаются не контрактомъ, а распоряженіями и правилами, продиктованными однимъ землевладѣльцемъ.

Наши крестьяне отличаются еще въ одномъ пунктѣ отъ фермеровъ, о которыхъ говорятъ юрисконсульты: оброкъ, который они обязаны вносить владѣльцу, не выраженъ въ денежныхъ цѣнахъ. Надпись не упоминаетъ ни опредѣленной арендной платы (*merces*), ни дня ея внесения (*pensio*). Мы не читаемъ нигдѣ слова—*pecunia*, нѣтъ рѣчи о «недоимкахъ» (*reliqua*). Ни одной черты, изъ которой бы узнавался фермеръ по контракту, здѣсь нѣтъ. То, чѣмъ наши крестьяне обязаны по отношенію къ собственнику земли, или его замѣстителю Аллію,—обозначается именемъ *partes agrariae* съ одной стороны, *operae*—съ другой. Значеніе этихъ двухъ терминовъ раскрывается съ полною ясностью. *Partes agrariae*—это доля урожая. Одинъ законъ въ кодексѣ Феодосія обозначаетъ то же самое словомъ *agraticum* и прибавляетъ поясненіе: это то, что землевладѣлецъ получаетъ послѣ жатвы¹. *Operae*—это дни барщинной работы²; *iugum*, которое тутъ же къ нимъ прибавляется,—это пара быковъ, съ которыми крестьянинъ пашетъ. Наши люди, слѣдовательно,—съемщики изъ части продукта. Тѣмъ самымъ они вполне отличаются отъ настоящаго арендатора по римскому праву. Отличаются они отъ него и обязательными работами, которыя на нихъ лежатъ. Ясно видно, что кромѣ имени нѣтъ ничего общаго у этихъ *coloni* съ тѣми, о которыхъ говорится въ Дигестахъ, хотя тѣ и другіе были современниками.

Остается узнать, являлись ли эти крестьяне вѣчными держальцами. Мы уже могли замѣтить, что уставъ, который регулируетъ ихъ жизнь, названъ вѣчнымъ (*forma perpetua*)³. На мѣстѣ временныхъ и измѣнчивыхъ условій,

¹ *Cod. Theod.* VII, 20, 11.

² *Paul. Dig.* XXXVIII, 1, 1: «Operae sunt diurnum officium».

³ См. въ прошеніи колоновъ—столбецъ III, строка 16, въ рескриптѣ императора—IV, 7.

каковыми бы являлись требованія пятилѣтняго найма, здѣсь условія опредѣлены навсегда. Въ самомъ дѣлѣ, къ моменту, когда была высѣчена на камнѣ наша надпись, уставъ Адриана уже дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ, и по всему видно, что онъ долженъ былъ сохранять силу и на будущее время. Крестьяне и не стремятся отдѣлаться отъ него; напротивъ, они настаиваютъ на его точномъ выполненіи.

Конечно, дѣло могло слагаться и такъ, что условія держанья оставались неизмѣнными, но сами держальцы мѣнялись. Текста устава у насъ подъ руками нѣтъ. Поэтому мы не можемъ сказать, возлагалъ ли онъ на приходившихъ съемщиковъ обязательство оставаться въ помѣстьяхъ навсегда. Я склоненъ думать, что такого правила въ немъ не было. Но если я не вижу въ надписи указанія на законъ, который, воспрещалъ бы людямъ сходить съ земли, то наоборотъ, вижу, что они фактически ея не покидали. Они объявляютъ себя «сынами помѣстья» (*vernulae et alumni sal-tus*)¹. Если они на немъ родились, значитъ и отцы ихъ тамъ жили. Вѣроятно, для ихъ именно семействъ составленъ былъ уставъ Адриана, и весьма возможно, что эти семейства находились уже здѣсь до его составленія. Тѣ же крестьяне заявляютъ еще, что они «приносятъ жалобы уже много лѣтъ» (*per tot retro annos*). Вотъ, стало быть, сколько лѣтъ они тутъ сидятъ! Если они давно уже недовольны своимъ положеніемъ, почему же они не ушли? Мнѣ не удастся найти закона, который запрещалъ бы оставлять землю. Но очевидно одно: они остались на ней. Они даже не выражаютъ намѣренія уходить. Напротивъ, изъ нѣсколькихъ мѣстъ ихъ письма къ императору выводится, что они останутся, что бы ни случилось. Кажется, будто ихъ задерживаетъ либо привязанность, которая обычно соединяетъ

¹ Слово *verna* или *vernula* всегда заключаетъ въ себѣ признакъ рожденія въ домѣ или на землѣ; но оно не всегда непременно подразумѣваетъ рабское состояніе. См., напр., *L. Rénier*, *Inscriptions d'Algérie*, 2190: «Antonius verna huius loci». Ср. еще двѣ надписи, въ которыхъ два свободныхъ человѣка характеризуются оба словами *verna Tarraconensis*, то-есть, рожденный въ Тарраконѣ (*Corp. inscr. lat.* II, 4163 и 4325). Одинъ солдатъ обозначается какъ *verna Ostiensis*, одна свободная женщина, родившаяся въ ПUTEОЛАХЪ, -- *verna Puteolana* (*C. I. L.* X, 3654 и 3446).

крестьянина съ землею, разъ онъ вложилъ въ нее свой трудъ, либо страхъ, что они не найдутъ другихъ земель для обработки, ни другихъ средствъ для жизни.

Въ изученномъ памятникѣ передъ нами обнаружались люди, социальное положеніе которыхъ уже со второго вѣка характеризуется тремя чертами, по которымъ узнаются колонны: они—свободные люди, а не рабы; они—держальцы чужой земли безъ контракта; они, наконецъ, фактически, если не по закону—остаются на снятыхъ участкахъ навсегда.

Какимъ образомъ эти люди или ихъ предки помѣстились на данной землѣ? Надпись этого не сообщаетъ, и мы можемъ высказывать въ отвѣтъ на вопросъ только догадки. Они были свободными людьми; ни узы рабства, ни зависимыя отношенія вольноотпущенничества не связывали ихъ личностей съ собственникомъ земли. Они искали землю для обработки. Они натолкнулись на данное помѣстье, въ которомъ не доставало рабочихъ рукъ. Они предложили себя для его обработки и были приняты. Но контракта они не заключали; можетъ быть, не пришло имъ въ голову обезпечить себя имъ; можетъ быть, они были слишкомъ бѣдны и не обладали скотомъ и орудіями, которыхъ всякій арендаторъ обязанъ былъ представлять какъ гарантію хорошей обработки, а также какъ «залогъ» въ обезпеченіе правильнаго внесенія арендной платы. Можетъ быть, даже самое состояніе земли въ помѣстьѣ во время ихъ прибытія было таково, что ихъ нельзя было взять въ качествѣ настоящихъ фермеровъ. Этотъ *saltus* тогда, по всей вѣроятности, представлялъ собою дѣвственную почву: то было огромное пространство лѣсовъ и пустошей. Какъ же могли новопришельцы обязаться платить опредѣленную денежную сумму за землю, которая могла принести плодъ лишь нескоро? Могли ли они даже знать, что и сколько она дастъ?

Но законъ былъ ясенъ: разъ они отказывались вносить хозяину денежную плату, контракта для нихъ не существовало. Между ними и владѣльцемъ заключалось только устное соглашеніе¹. Они условились, что если когда-нибудь

¹ Соглашеніе подобнаго рода упоминается въ одномъ законѣ IV вѣка въ кодексѣ Юстиніана (XI, 48, 4). Въ немъ идетъ рѣчь о людяхъ, которые явились къ землевладѣльцу, какъ свободные; они и были приняты въ его помѣстье «на условіяхъ, которыя обык-

сьемщикамъ удастся получить урожай, то такую-то часть его они предоставятъ помѣщику. Было также установлено, что крестьяне будутъ давать господину столько-то барщинныхъ дней. Такимъ образомъ, эти люди вступили въ помѣстье, какъ простые держальцы, а не какъ фермеры по контракту. Впрочемъ, условія были, вѣроятно, не тяжелы, и земля оказалась порядочною; чѣмъ дольше они на ней жили, тѣмъ больше чувствовали, что въ ихъ интересахъ оставаться тамъ же и дальше. Ни собственникъ не думалъ ихъ выдворять ни сами они не хотѣли уходить съ занятой земли. Они прожили здѣсь всю жизнь, здѣсь же послѣ нихъ продолжали трудиться ихъ сыновья. Такъ самъ человекъ мало-по-малу вкоренился въ землю гораздо раньше появленія закона, которой прикрѣпилъ его къ ней. Онъ сдѣлался добровольнымъ колономъ раньше чѣмъ сталъ таковымъ по принужденію. Привычки и выгода подготовили то, что долженъ былъ въ послѣдствіи формулировать и потребовать законъ.

новенно предлагались свободнымъ людямъ (*quasi liberi*), то-есть, имъ предоставлено было обрабатывать землю съ обязательствомъ вносить собственнику часть продукта («*excolentes terras, partem fructuum pro solo debitam praestantes*»). — Въ главѣ VIII, ниже мы еще вернемся къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ данныхъ изъ надписи *saltus Burunitanus*.

ГЛАВА Ш.

Памятники III-го и IV-го вѣновъ. Колоны, привезенные изъ Германіи.

Историки послѣднихъ вѣковъ не хранятъ молчанія о колонатѣ. Правда, они говорятъ о немъ лишь случайно, рассказывая о войнахъ. Они показываютъ намъ институтъ лишь съ одной стороны; но не слѣдуетъ пренебрегать и тѣмъ, что ими сообщается.

Биографъ Марка Аврелія Юлій, Капитолинъ повѣствуетъ, что во время одного изъ походовъ императора внутрь Германіи, «когда ему сдались маркоманны, онъ многихъ изъ нихъ переселилъ въ Италію»¹. Нѣсколько ниже авторъ продолжаетъ: «Онъ побѣдилъ и многихъ другихъ германцевъ, привелъ неисчислимое множество людей изъ этого племени и испомѣстилъ ихъ на римской почвѣ»². Надобно обратить вниманіе на самое выраженіе писателя— *in Romano solo collocavit*. Никто не станетъ предполагать, что императоръ сдѣлалъ ихъ земельными собственниками.

¹ *Iul. Capit. Marc. 22*: «Accepit in deditionem Marcomannos, plurimis in Italiam traductis».—Можетъ быть, побужденіемъ для такого поселенія варваровъ на италійской землѣ было обезлюднѣніе ея отъ жестокой чумы, которая передъ тѣмъ свирѣпствовала въ имперіи. См. *Iul. Capitol. Ver. 8*. — *Ammian. Marcell. XXIII, 6, 24*. — *Oros. VII, 15*.

² *Idem, Ibid. 24*: «Aequitatem etiam circa captos hostes custodivit; infinitos ex gentibus in Romano solo collocavit». — *Dio Cass. LXXI, 11*. — Ревилью говоритъ («*Rev. hist. de droit*», 1857, p. 212), что эти германцы возмутились; но Діонъ только сообщаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ произвели безпорядки («αὐτῶν τινὲς ἐνεωτέρισαν»), и что Маркъ Аврелій ихъ удалилъ.

Такое понятіе было бы выражено на латинскомъ языкѣ иными терминами. Кромѣ того ясно, что императору не могло прійти на мысль лишить собственности частныхъ людей или уменьшить казенную для передачи ея побѣжденнымъ, военноплѣннымъ. *Collocare in solo* значило только испомѣстить на такой то почвѣ, и вы нигдѣ не увидите, чтобы эти слова примѣнялись къ человѣку, который приобрѣталъ собственность на землю. Но они постоянно употреблялись для обозначенія людей, которые сажались на землю для ея обработки, то-есть, держальцевъ или колонновъ. Историкъ не говоритъ: Маркъ Аврелій надѣлилъ варваровъ землею; онъ утверждаетъ только, что тотъ посадилъ ихъ на римскихъ земляхъ ¹.

Если бы у насъ была въ распоряженіи только одна приведенная строка изъ Юлія Капитолина, мы принуждены были бы остаться въ сомнѣніи по данному вопросу. Но у насъ есть другіе тексты, еще болѣе ясные. Одинъ историкъ III-го вѣка, мало талантливый компиляторъ, резюмировавшей, однако, въ своихъ писаніяхъ то, что онъ вычиталъ въ современныхъ ему документахъ, рассказываетъ, что императоръ Клавдій II и его полководцы одержали нѣсколько побѣдъ надъ готами: многіе изъ варваровъ погибли; большая часть ихъ королей были взяты въ плѣнъ; захвачены были и женщины, слѣдовавшія за ними въ обозѣ. Количество плѣнныхъ было такъ громадно, что провинціи оказались переполнены варварами-рабами и земледѣльцами-готами». Авторъ прибавляетъ, что «готъ превратился въ колона» ².

Другой историкъ, у котораго не было никакого повода

¹ Смыслъ словъ—*collocare in solo* хорошо и опредѣленно обозначенъ въ кодексѣ Юстиніана (XI, 48, 8, 1), гдѣ они прилагаются къ земледѣльцамъ, которые далеки отъ того, чтобы быть собственниками, такъ какъ вносятъ «partem fructuum pro solo debitam». — Достаточно очевидно изъ этого текста, что слова — «collocare in solo» значатъ — помѣстить на землю въ качествѣ держальца или колона.

² *Trebell. Poll. Claud. 9*: «Multi naufragio perierunt, plerique capti reges, captae diversarum gentium nobiles feminae, impletae barbaris servis Scythicisque cultoribus provinciae». — Извѣстно, что подъ именемъ «скивовъ», писатели того времени разумѣли готовъ. (Ср. *Trebell. Poll. Galieni, 6*; *Claud. 6*). Авторъ продолжаетъ: «Factus limitis barbari colonus ex Gotho; nec ulla fuit regio, quae Gothum servum triumphali quodam servitio non haberet».

льстить Клавдію II, также рассказываетъ, что имъ было уничтожено цѣлое готское войско». Среди же тѣхъ, которые избѣжали смерти въ побоищѣ, одни были завербованы въ отряды римской арміи, другіе получили земли для обработки и были прикрѣплены къ этимъ землямъ»¹. Можетъ быть, по первому взгляду, подумаютъ, что императоръ приказалъ надѣлать ихъ недвижимою собственностью, но историкъ говоритъ не то. Онъ прибѣгаетъ къ выраженію λαμβάνειν γῆν εἰς γεωργίαν. Между тѣмъ λαμβάνειν не синонимъ съ хεκτηῖσθαι. Это слово прилагалось, какъ и французское *preneur* къ тому, кто получалъ землю, какъ держалець, съемщикъ, колонъ. Зосимъ не терпитъ въ своемъ языкѣ никакой двусмысленности. Варвары «принялись за обработку»; больше ничего; и авторъ прибавляетъ, что они «оказались прикрѣпленными къ почвѣ».

Извѣстно, что въ сельскомъ хозяйствѣ той эпохи не хватало рабочихъ рукъ. Много полей, даже въ Италіи, оставались необработанными или обрабатывались плохо. Императоръ Авреліанъ скупалъ такія земли у собственниковъ и размѣщалъ на нихъ варваровъ военноплѣнныхъ, чтобы поднять культуру въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ². Это не значитъ, что онъ дѣлалъ этихъ послѣднихъ землевладѣльцами; продолженіе текста автора, который объ этомъ сообщаетъ, показываетъ, что земли, купленные такимъ образомъ императоромъ, оставались собственностью фиска, который пользовался доходами съ нихъ (*reditus*)³. Варвары,

¹ *Zosim.* I, 46: «Ὅσοι διεσώθησαν, ἢ πράγμασι Ῥωμαίων συνηριθμηθήσαν, ἢ γῆν λαβόντες εἰς γεωργίαν ταύτην προσεχάρτερθσαν». — Λαμβάνειν γῆν εἰς γεωργίαν говорилось именно о колонѣ, который «беретъ землю въ обработку», то-есть, допускается на нее въ качествѣ съемщика. Таковъ же смыслъ рѣчи Зосима. Ср. Νόμοι γεωργικοί (I, 22, ed. Heimbach, p. 834), гдѣ выраженіе Λαμβάνειν γῆν прилагается къ фермеру-дольщику (половнику): «Ἐν γεωργός λαβών γῆν ἐφ' ἡμισείας». Ср. *Ibid.* § 10, p. 832. — Латинскимъ переводомъ словъ γῆν λαμβάνειν εἰς γεωργίαν будетъ выраженіе — «*riga colenda suscipere*», которое мы находимъ въ кодексѣ Юстиніана (XI, 51) именно примѣнительно къ колонамъ.

² *Vopisc.* Aurel. 48: «Etruriae per Aureliam ingentes agri sunt, iique fertiles ac silvosi; statuerat igitur (Aurelianus) dominis locorum incultorum, qui tamen vellent, pretia dare atque illic familias captivas constituere».

³ *Idem*, ibidem: «Statuerat... illic vitibus montes conserere atque ex eo opere vinum dare (populo Romano), ut nihil redituum fiscus

которые были посажены на нихъ его распоряженіемъ, не становились, слѣдовательно, ихъ собственниками. Они лишь работали на нихъ, неизвѣстно только, какъ рабы или какъ колонны.

Такъ же естественно было превращать плѣнныхъ германцевъ въ земледѣльцевъ, какъ пополнять ими войско. Императоръ Пробъ совершилъ нѣсколько походовъ внутрь Германіи. Онъ вывелъ оттуда «16000 рекрутовъ, которыхъ распредѣлилъ по 50 человѣкъ въ различнымъ частяхъ имперскаго войска»¹; въ то же время онъ бралъ оттуда множество людей, которые «принуждались пахать земли Римлянъ и собирать для нихъ жатвы»².

Германія, слѣдовательно, также поставляла отъ себя контингентъ для пополненія колоната. Рядомъ съ этимъ надобно вспомнить, что отношенія, въ которыхъ находилась съ нею имперія въ продолженіе четырехъ вѣковъ, были очень сложны, и они вовсе не сводились постоянно къ прямой враждѣ. У Рима всегда были союзники среди германскихъ племенъ. Все время съ германцами поддерживалась нѣкоторая торговля³, и никогда не прекращался извѣстный притокъ германцевъ въ имперію. Тѣ, кто высказываетъ предположеніе, что германцы питали естественную расовую ненависть противъ Римлянъ, что они испытывали отвращеніе къ тѣмъ порядкамъ, среди которыхъ послѣдніе жили, не могутъ подкрѣпить такого взгляда ни однимъ текстомъ; напротивъ, нѣсколько текстовъ совершенно опровергаютъ подобное сужденіе. Исторію надо строить не на логиче-

acciperet, sed totum populo Romano concederet».—Вторая часть императорскаго проекта, впрочемъ, не была осуществлена, и вино, собранное съ этихъ земель, не было распредѣлено народу.

¹ *Vopisc. Prob. 14*: «Odsides imperavit, qui statim dati sunt, deinde frumentum, postremo vaccas atque oves... Accepit praeterea sedecim milia tironum, quos omnes per diversas provincias sparsit, ita ut numeris vel limitaneis militibus quinquagenos vel sexagenos intersereret».

² *Vopisc. Prob. 15*. — Историкъ приводитъ здѣсь извѣщеніе, посланное императоромъ сенату: «Omnis qua tenditur late Germania subacta est; novem reges gentium diversarum ad meos pedes supplices stratique iacuerunt. Omnes iam barbari nobis arant, nobis serunt». — Надобно, конечно, сильно ослабить смыслъ этихъ словъ, такъ какъ языкъ эпохи любилъ преувеличенія. Слово *omnes*, очевидно, излишне; но все-таки останется вѣрно, что извѣстное число германцевъ пахало и сѣяло на римскихъ поляхъ.

³ *Tacit. Germ. 41*.

скихъ доводахъ или предвзятыхъ идеяхъ, а лишь на точныхъ данныхъ источниковъ. Между тѣмъ, документы ясно показываютъ, что очень много германцевъ добровольно приходили въ Италию или Галлію. Самые богатые изъ нихъ поселялись въ Римѣ, самые храбрые добивались принятія ихъ въ армию. Но многіе ограничивали свои притязанія тѣмъ, чтобы пристроиться къ обработкѣ земли, которая здѣсь была плодороднѣе, чѣмъ въ Германіи. Итакъ въ продолженіе всѣхъ этихъ вѣковъ наблюдался непрерывный притокъ изъ Германіи людей и семействъ, которые являлись отдѣльно, мирно и смиренно съ цѣлью утвердиться въ имперіи; не будучи въ состояніи покупать земли, они сажались на чужія въ качествѣ земледѣльцевъ. Можно догадываться, каково должно было быть социальное положеніе этихъ людей. Они не были рабами, и, несомнѣнно, у нихъ хватало энергіи, чтобы отстаять свое званіе свободныхъ людей. Но они не были также римскими гражданами, и, слѣдовательно, существовали права, которыя оставались имъ недоступны. Утвердившись на чужой землѣ, они, стало быть, оказались на ней въ положеніи промежуточномъ и мало определенномъ, плохо обеспеченномъ, которое достаточно похоже было на колонатъ.

Рядомъ съ тѣми, которые пришли такъ, мирнымъ образомъ, другіе были приведены силою. Хорошо извѣстно, что въ продолженіе разсматриваемыхъ четырехъ вѣковъ римскія войска часто проникали въ Германію и не всегда терпѣли тамъ пораженія. Наоборотъ, часто побѣдоносныя, они приводили съ собою многочисленныхъ плѣнныхъ. Мы уже видѣли что, самыхъ сильныхъ изъ такихъ плѣнниковъ правительство забирало въ воинскую службу; другихъ оно превращало въ колоновъ, сажало на службу землѣ. Иногда, хотя и рѣже, изъ нихъ дѣлали ремесленниковъ или рабочихъ ¹.

¹ *Synes*, De regno, ad Arcad. 22 (ed. 1631, p. 23): «Ἀπὰρ οἶκος εἰς πρῶτων Σκυθικὸν ἔχει τὸν δοῦλον, καὶ ὁ τραπεζοποιοῦς καὶ ὁ περὶ τὸν ἱππὸν καὶ ὁ ἀμφορέαφορος Σκυθῆς ἐστὶν ἐλάχιστος». — Городъ Отенъ (*Augustodunum*) въ Галліи возстановилъ нѣсколько своихъ зданій и памятниковъ трудомъ плѣнныхъ франковъ (*Eumen. Panegy. Const. 21; cfr. 17—20*). Неизвѣстно, откуда сложилась слава бургундовъ, какъ хорошихъ каменщиковъ. Сократъ, писавшій около 440 г., говоритъ, что ихъ нанимали для постройки домовъ, и что они жили такимъ

Прочтите у Вописка, Зосима или Амміана описаніе всѣхъ войнъ между римлянами и германцами въ III-мъ и IV-мъ вѣкахъ. Прочтите безъ предвзятыхъ мыслей, которыя, обыкновенно, вносятся въ такіе вопросы. Воспроизведите ихъ въ воображеніи въ томъ видѣ, какъ ихъ изображаютъ писатели современники, а не въ томъ, какъ стремится нарисовать ихъ умъ человѣка нашихъ дней. Тогда, вы, навѣрно, сдѣлаете любопытное наблюденіе, что ни германцы не намѣревались тогда завоевать имперію, ни римляне наоборотъ подчинить Германію. Съ той и съ другой стороны предпринимались лишь опустошенія. Передъ нами проходитъ длинный рядъ обоюдныхъ набѣговъ для грабежа. Германская вооруженная шайка проникала черезъ плохо охранявшуюся границу въ какую-нибудь провинцію; она забиралась какъ можно глубже, нападала врасплохъ на города и селенія и потомъ быстро возвращалась въ свою страну, унося золото, серебро, ткани, утварь, а также рабовъ, которыхъ потомъ заставляли обрабатывать землю въ Германіи. Точно такъ же, въ свою очередь, и не менѣе часто римскій отрядъ, направляясь туда, гдѣ его не ожидали, врывается въ Германію; всѣ—нижніе чины и командиры хватали добычу¹, и потомъ войско обратно переходило границу, привозя съ собою массы всего, что Германія могла дать, то-есть, лошадей, быковъ и особенно людей. Послѣдній товаръ всегда былъ въ цѣнѣ и находилъ легкой сбытъ, ибо землевладѣльцы нуждались въ земледѣльцахъ и жаловались на недостатокъ рукъ. Правительство понимало, что для общей пользы, а также для поддержанія финансовъ необходимо было приводить много германцевъ. Отъ времени Клавдія II до времени Юліана и Валентиніана II одною изъ главныхъ заботъ императорской политики было искать людей во внѣшнемъ мірѣ, чтобы пополнять ими земледѣльческое населеніе.

ремесломъ (*Hist. ecclesiast.* VII, 30): «Τέκτονες, σχεδὸν πάντες, ἐκ ταύτης μισθὸν λαμβάνοντες ἀποτρέφονται».

¹ См. примѣры у Юлія Капитолина (*Maximini*, 12), Вописка (*Prob.* 13, 14, 15), Амміана Марцеллина (*XVII*, 10; *XVII*, 12; *XVIII*, 2, 19; *XIX*, 11; *XXVII*, 10, 7; *XXX*, 3, 1). Послѣдній авторъ иногда осуждаетъ этотъ духъ грабежа, который римляне заносили въ Германію (*XVIII*, 2, 7; *XIX*, 4, 5).

Такъ Діоклетіанъ и Максиміанъ, «покоривъ карповъ и бастарновъ, вывели множество плѣнныхъ, которыхъ испомѣстили въ предѣлахъ имперіи»¹. Такъ же точно Констанцій Хлоръ, много разъ побѣждавшій германцевъ, которые «сдавались ему на милость», заселилъ Галлію новыми пахарями изъ ихъ среды. «Онъ сажалъ ихъ, рассказываетъ современный писатель, на землѣ, гдѣ не хватало рукъ и заставлялъ ихъ обрабатывать эти земли по принужденію»². «Мы видѣли собственными глазами и теперь часто видимъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, длинныя вереницы плѣнныхъ варваровъ, которые ждутъ, пока правительство распредѣлитъ ихъ между провинціальными землевладѣльцами, чтобы они имъ служили и воздѣлывали своими руками опустѣлыя поля»³. «Смотрите на этого хамава, говоритъ еще тотъ же авторъ: онъ работаетъ на меня; еще вчера занимавшійся грабежомъ, нынѣ онъ уже сталъ хорошимъ работникомъ, и трудъ покрываетъ мозолями его руки»⁴. Благодаря побѣ-

¹ *Eutrop.* IX, 25: «Diocletianus et Maximianus, Carpis et Bastarnis subactis, harum nationum ingentes copias captivorum in Romanis finibus locaverunt».

² *Eumen.* Paneg. Const. 8: «Neque illae fraudes locorum nec perfugia silvarum barbaros tegere potuerunt, quominus ditioni tuae omnes sese dedere cogentur et cum coniugiis ac liberis ad loca olim deserta transirent, ut, quae fortasse ipsi depraedando vastaverant, *culta redderent serviendo*». — Чтобы хорошо понимать тексты, извлекаемые изъ панегириковъ, надо отдать себѣ заранѣе отчетъ въ тонъ и языкъ, которыми обычно составлялись такого рода официальные рѣчи. Одинаково было бы неправильно ничему не вѣрить изъ того, что въ нихъ говорится, какъ и вѣрить всему. Изученіе всѣхъ текстовъ данной эпохи показываетъ намъ мѣру, которую необходимо соблюдать.

³ *Eumen.* 9: «Nunc vidimus et videmus totis porticibus civitatum sedere captiva agmina barbarorum... atque hos omnes provincialibus vestris ad obsequium distributos, donec ad destinatos sibi cultus solitudinum ducerentur». — Не слѣдуетъ понимать буквально слово *solitudinum*: оно не обозначалъ такъ же, какъ и выраженіе *deserta rura*, совсѣмъ пустыхъ мѣстъ. Въ языкъ того времени, благодаря привычкѣ къ преувеличенію, слова потеряли свой точный смыслъ, и здѣсь имѣются въ виду лишь земли, на которыхъ сидитъ недостаточное число рабочаго люда. То же слѣдуетъ повторить и объ *arva iacentia*: это, собственно, значить—зброшенныя поля; но такъ говорилось тогда обо всѣхъ, недостаточно обработанныхъ земляхъ, на которыхъ не хватало колоновъ.

⁴ *Ibid.* 9: «Arat ergo nunc mihi Chamavus et Frisius, et ille vagus, ille depredator exercitio squalidus operatur».

дамъ этого государя, земледѣліе вновь процвѣло въ Галліи; «цѣны хлѣба тамъ понижаются» ¹. На территоріяхъ городовъ Аміена, Бовэ, Труа не хватало земледѣльцевъ; теперь они обогащаются трудомъ варваровъ-пахарей ². Евменій въ напыщенной формѣ ораторскаго краснорѣчія, выражаетъ совсѣмъ реальную и очень естественную радость, которую испытывали землевладѣльцы при видѣ роста земледѣльческаго населенія.

Амміанъ Марцеллинъ рассказываетъ, какъ свидѣтель-очевидецъ одно событіе, которымъ хорошо объясняется такой образъ дѣйствій, и по которому мы хорошо можемъ уразумѣть мысли людей той эпохи. Императору Констанцію II разъ доложили, что совершенно набѣгъ однимъ варварскимъ племенемъ лимигантами. Онъ наскоро собралъ всѣ военныя силы, бывшія подъ руками, и поспѣшилъ на встрѣчу къ врагу. Лимиганты тогда немедленно «стали просить пощады и умоляли императора помѣстить ихъ на землю, гдѣ онъ захочетъ, хотя бы въ очень отдаленныхъ мѣстностяхъ. Они обѣщали жить тамъ тихо въ положеніи данниковъ, исполняя всѣ тягости, какія будутъ связаны съ такимъ званіемъ» ³. Такъ какъ въ подобной просьбѣ не было ничего необычнаго, то императоръ повѣрилъ ея искренности. Онъ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ военныхъ чиновъ къ варварамъ, чтобы принять ихъ въ подчиненіе, нѣкоторымъ образомъ вступить во владѣніе ими. Онъ рассчитывалъ, говоритъ историкъ, «пріобрѣсти такимъ образомъ многочисленное племя рабочихъ людей», а также «обильные наборы рекрутовъ» ⁴. Таковъ былъ, ко-

¹ *Ibidem*: «Cultor barbarus laxat annonam».

² *Ibidem*, 21: «Nunc per victorias tuas, quidquid infrequens Ambiano et Bellovaco et Tricassino solo restabat, barbaro cultore revirescit».

³ *Ammian. Marcell.* XIX, 11, 6: «Principem exorabant in veniam obsecrantes... parati intra spatia orbis Romani, si id placuerit, terras suscipere longe discretas, ut diuturno otio involuti et quietem colentes, tributariorum onera sustinerent et nomen». — Значеніе словъ — *suscipere terras* здѣсь совершенно несомнѣнно. — Оно, впрочемъ, повторяется еще въ другомъ мѣстѣ прямо въ примѣненіи къ колонамъ, именно въ законѣ Валентиніана II. См. *Cod. Iust.* (ed. Krüger), XI, 51 и XI, 48, 23.

⁴ *Ibidem*: «Cunctos admisit, aviditate habendi incensus... quod proletarios lucrabitur plures, et tirocinia cogere poterit validissima».

нечно, расчетъ императорскаго правительства. Правда, что конецъ этого происшествія не соответствовалъ его началу. Когда императоръ неосторожно отправился почти безъ всякой свиты въ лагерь варваровъ, послѣдніе покусились умертвить его. Онъ спасся съ большимъ трудомъ и едва успѣлъ возвратиться къ своимъ войскамъ. Солдаты, разсвирѣпѣвшіе, ринулись на варваровъ и перебили ихъ всѣхъ до одного. Никто не избѣжалъ гибели, даже «тѣ, кто сдался на милость, были безжалостно перерѣзаны легионерами». Особенно характернымъ рисуется въ приведенномъ разсказѣ не описанная рѣзня и не предательство варваровъ, но именно то, что варвары просили «земель для обработки, гдѣ бы то ни было, и хотя бы съ возложеніемъ на нихъ тягостей трибутаріевъ». Любопытно также, что императоръ съ радостью соглашался принять ихъ на такихъ условіяхъ и тѣмъ получить новыхъ колоновъ и воиновъ. Дѣйствительно, имя «трибутаріевъ» давалось чаще всего колонамъ ¹. Стало быть, тогда являлось дѣломъ обычнымъ, чтобы варвары вступали въ имперію на подобныхъ условіяхъ, и допущеніе ихъ было постояннымъ пріемомъ императорской политики.

Тотъ же историкъ показываетъ намъ, какъ Юліанъ превращалъ въ «трибутаріевъ, платящихъ оброкъ» варваровъ, которые до того умѣли только заниматься грабительствомъ ². Въ 370 г. разбита была вооруженная толпа аламанновъ, и тѣ изъ нихъ, которые оказались взяты въ плѣнъ, были размѣщены по приказу императора на земляхъ въ долинѣ По и стали «обрабатывать ихъ въ качествѣ трибутаріевъ» ³. Такъ же точно еще разъ одинъ изъ полководцевъ императора Валента послѣ того, какъ разгромилъ во Фракіи войско готовъ, поселилъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ варваровъ на земли въ территоріяхъ нѣсколькихъ италійскихъ городскихъ общинъ, чтобы они тамъ воздѣлывали поля» ⁴.

¹ *Cod. Theod.* X, 12, 2, 2.—*Cod. Iust.* XI, 47, 12; XI, 53, 3.

² *Ammian. Marcell.* XX, 4, 1: «A barbaris, quos tributarios fecit et vectigales».

³ *Ammian. Marc.* XXVIII, 5, 15: «Alamannos metu dispersos adgressus Theodosius, pluribus caesis, quoscunque cepit ad Italiam misit, ubi, fertilibus pagis acceptis, iam tributarii circumcolunt Padum».

⁴ *Ibid.* XXXI, 9, 4: «Trucidasset omnes ad unum ni obtestatus

Не слѣдуетъ создавать себѣ ошибочныхъ представлений о природѣ такихъ земельныхъ раздачъ. Нашъ современный умъ, выросшій среди преобладанія мелкой собственности, прежде всего воображаетъ, что эти германцы становились именно обладателями тѣхъ клочковъ, которые предоставлялись имъ для обработки. Но надобно хорошо помнить, что IV-й вѣкъ былъ эпохою очень крупной собственности, временемъ, когда каждый землевладѣлецъ держалъ подъ собою сотни и тысячи земледѣльцевъ. Потому то языкъ того времени никогда не смѣшиваетъ земледѣльца съ землевладѣльцемъ. Онъ никогда не сливаетъ ихъ въ одинъ образъ. Одного онъ называетъ—*cultor*, другого—*dominus* или *possessor*. Въ языкѣ того вѣка не могло произойти отождествленія между обоими. Когда писатели четвертаго столѣтія сообщаютъ намъ, что варвары «обрабатываютъ землю», «берутъ ее для обработки», что они становятся «земледѣльцами», изъ этого вытекаетъ, въ силу установившихся понятій и способовъ выраженія, что эти варвары не были земельными собственниками. Клавдіанъ говоритъ о нихъ, что они «просили уступить имъ землю какъ колонамъ»¹.

Часто такихъ варваровъ размѣщали группами на обширныхъ пространствахъ императорскихъ земель. Они образовали тамъ цѣлые поселки, въ которыхъ продолжали жить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Часто также правительство распредѣляло ихъ между муниципальными общинами², или еще раздавало ихъ частнымъ владѣльцамъ.

Когда власть прибѣгала къ мѣропріятіямъ послѣдней категоріи, она должна была въ то же время издавать постановленіе, которымъ опредѣлялось положеніе этихъ людей и ихъ отношеніе къ собственникамъ. Одинъ изъ такихъ указовъ сохранился. Онъ исходитъ отъ 409 года и касается варварскаго племени сцировъ. Самое племя и его имя послѣ того исчезли именно вслѣдствіе того событія или акта, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Вотъ текстъ император-

prece superstibus pepercisset; vivosque omnes circa Mutinam Regiumque et Parmam, Italica oppida, rura culturos exterminavit».

¹ *Claudian*. In Eutrop. II, 205: «Concessoque cupit vixisse colonos».

² *Zosim*. II, 22: «Διανείμας τοὺς αἰχμαλώτους ταῖς πόλεσι». Cfr. *Sozomen*. Hist. eccles. IX, 5.

скаго декрета: «Варварское племя сцировъ вступило въ наше подданство. Вслѣдствіе этого мы предоставляемъ всѣмъ землевладѣльцамъ право заселять ихъ земли выходцами изъ этого племени ¹. Распредѣленіе будетъ производиться подъ руководствомъ префекта преторія между всѣми, кто заявить желаніе ². Мы ставимъ при этомъ условіемъ, чтобы землевладѣльцы принимали этихъ людей на колонатномъ правѣ (*iure colonatus*). Никто изъ такихъ колоновъ, разъ онъ будетъ приписанъ къ какому-нибудь собственнику, не покинетъ его уже никогда; никакой другой собственникъ не будетъ имѣть права переманивать его къ себѣ; если онъ бѣжить, никто не долженъ его укрывать подъ страхомъ наказаній, какія вообще налагаются на тѣхъ, которые даютъ пріютъ чужимъ колонамъ. Съ другой стороны, землевладѣльцы будутъ требовать съ нихъ только такой трудъ, который приличествуетъ свободнымъ людямъ. Они лишаются права превращать колоновъ въ рабовъ и не должны налагать на нихъ другихъ работъ, кромѣ земледѣльческихъ. По случаю постоянныхъ нуждъ сельскаго хозяйства дозволено будетъ удерживать ихъ въ заморскихъ провинціяхъ и затѣмъ поселять ихъ тамъ на вѣчныя времена» ³.

Приведенный текстъ официальной правительственной акта интересенъ и выразителенъ; заботливость, съ которою въ немъ запрещается землевладѣльцамъ обращать варваровъ въ рабство, обнаруживаетъ, насколько зависѣли отъ нихъ такіе колонны, и насколько собственная свобода послѣднихъ являлась непрочною. Указъ не постановляетъ ни-

¹ *Cod. Theod.* (ed. Haenel), V, 4, 3: «Scyras, barbaram nationem... imperio nostro subegimus. Ideoque damus omnibus copiam ex praedicta gente hominum agros proprios frequentandi».

² *Ibidem*: «Ita ut per libellos sedem tuam (указъ императора обращенъ къ префекту преторія) adeuntibus his, qui voluerint, per transmarinas provincias eorum distributio fiat».

³ *Ibidem*: «Ita ut omnes sciant susceptos non alio iure quam colonatus apud se futuros, nullique licere ex hoc genere colonorum ab eo, cui semel attributi fuerint vel fraude aliquem abducere vel fugientem suscipere, poena proposita, quae recipientes alienis censibus adscriptos vel non proprios colonos insequitur. Opera autem eorum terrarum domini libera utantur... nullique liceat a iure census ad servitutem trahere urbanisve obsequiis addicere... Liceat, pro rei frumentariae angustiis, in quibuslibet provinciis transmarinis tantummodo eos retinere et postea in sedes perpetuas collocare».

какихъ другихъ условій и при соблюденіи общаго запрета требовать отъ колоновъ личныхъ услугъ, кажется, можно было возлагать все, что угодно на этихъ людей, которые не имѣли права уклоняться отъ земледѣльческаго труда или переходить изъ помѣстья въ помѣстье. Такъ, цѣлое небольшое варварское племя, принявшее римское подданство, расселяется по отдѣльнымъ провинціямъ, распределяется между земельными собственниками и принуждено, теряя свою особность и самое свое имя, примириться съ положеніемъ вѣчныхъ колоновъ. Такая административная операція, которой мы находимъ точное описаніе, благодаря счастливо сохранившемуся правительственному акту², многократно производилась и раньше названными выше императорами—Маркомъ Авреліемъ, Клавдіемъ, Пробомъ, Діоклетіаномъ, Констанціемъ Хлоромъ, Юліаномъ. То было мѣропріятіе, которое постоянно возобновлялось въ продолженіе двухъ вѣковъ, и такимъ способомъ вступило на римскую почву безчисленное количество германцевъ, которые не становились ни землевладѣльцами, ни рабами, но дѣлались постоянными воздѣльвателями чужихъ земель. Нельзя было и помышлять устраивать ихъ какъ фермеровъ по контракту на краткіе сроки, и потому ихъ превращали въ колоновъ. Тѣмъ самымъ думали противодѣйствовать ихъ бродяжническому склонностямъ, даже защитить ихъ отъ нужды и рабощенія. Колонать лучше всего согласовался съ общественнымъ порядкомъ и ихъ собственными интересами. Каждый изъ нихъ получалъ свой участокъ, въ который обязывался влагать трудъ, и одинаково запрещалось ему покидать свое поле, какъ землевладѣльцу выдворять его.

² Текстъ этотъ былъ открытъ въ 1823 г. Амедеемъ Пейрономъ (*Peuron*). См. изд. Генеля, стр. 459.

ГЛАВА IV.

Рабское держаніе.

Оставимъ на время колонатъ и обратимъ наше изслѣдованіе на одинъ обычай, который установился около той же эпохи и не оставался безъ вліянія на колонатъ. Мы хотимъ говорить о рабскомъ держаніи (*la tenure servile*). Вотъ еще форма землепользованія, о которой ничего не говорятъ древніе авторы, и которою мало занимаются юрисконсульты. Между тѣмъ она занимала большое мѣсто въ жизни римскаго общества и, можетъ быть, играла существенную роль въ социальномъ развитіи человѣчества вообще.

Въ продолженіе долгаго періода самымъ распространеннымъ способомъ эксплуатаціи большихъ помѣстій въ римской имперіи была обработка его всѣми рабами (*familia rustica*), собранными вмѣстѣ. Эта *familia* распредѣлялась внутри каждаго имѣнья на малыя группы, называвшіяся десятнями (*decuriae*). Въ каждомъ хозяйствѣ были декуріи пахарей, виноградарей, пастуховъ, ремесленниковъ. Въ каждой декуріи назначался начальникъ, который руководилъ работами и наблюдалъ за ними. Его звали—*magister operarum*¹. Надъ всею рабскою массою стоялъ *vilicus*, который распоряжался всѣмъ хозяйствомъ при содѣйствіи *actor*'а для наблюденія за работами и *procurator*'а для веденія книгъ. Нужно количество рабовъ выгонялось ежедневно на ту или другую

¹ *Colum.* De re rust. I, 9.

часть имѣнья, производило сельскія работы здѣсь или тамъ, смотря по отданнымъ приказаніямъ, а къ вечеру всѣ возвращались въ общее жилище. Подобный способъ эксплуатаціи составлялъ противоположность тому, что мы сейчасъ назвали рабскимъ держаніемъ.

Но параллельно съ такимъ общимъ порядкомъ мало-помалу началъ устанавливаться другой, который сперва появлялся довольно рѣдко, какъ бы въ видѣ исключенія, но незамѣтно сталъ распространяться и въ концѣ концовъ даже получилъ преобладаніе. Онъ выражался въ томъ, что землевладѣлецъ помѣщалъ отдѣльнаго раба на особый выдѣленный участокъ и поручалъ ему обрабатывать такой надѣлъ съ предоставленіемъ пользоваться урожаемъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Катонъ еще не упоминаетъ объ этой второй системѣ. Она начинается зарождаться, когда писалъ Варронъ. Пслѣдній авторъ даетъ понятіе, что нѣкоторые земельные собственники предоставляли наиболѣе трудолюбивымъ изъ своихъ рабовъ пекулій ¹. Выраженія, въ которыхъ онъ объ этомъ рассказываетъ, заставляютъ предполагать, что такой пекулій заключался въ землѣ. «Подобная уступка, говоритъ онъ, приводитъ къ тому, что рабы больше привязываются къ помѣстью» ². Пекулій, который состоялъ бы изъ денегъ, не могъ произвести такого дѣйствія. Онъ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ головъ скота и клочка земли для его прокормленія ³. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ мимоходомъ говоритъ о пекуліи, и, судя по словамъ его, онъ хочетъ указать, что хозяинъ отдавалъ такимъ образомъ худшія свои земли, *pascua* ⁴. Конечно, ему

¹ *Varr. De re rust. I, 17.* — Авторъ рекомендуетъ примѣнять такой порядокъ по отношенію къ *studiosiores*: «Danda opera, ut habeant peculium».

² *Ibidem*: «Eo enim sunt coniunctiores fundo».

³ *Ibidem*: «Concessione, ut peculiare aliquid in fundo pascere liceat». — Извѣстно, что рабскій пекулій могъ состоять изъ недвижимостей такъ же хорошо, какъ изъ денегъ и движимостей. — *Ulpian. Dig. XXXIII, 8, 6*: «Si peculium legetur (то-есть, если завѣщается господиномъ третьему лицу: рабъ самъ не могъ завѣщать пекулія), puta fundi vel aedes».

⁴ *Varr. R. r. I, 2.* — Въ діалогѣ, который вводится Варрономъ въ эту книгу, когда одинъ изъ говорящихъ лицъ высказываетъ про-

не должно было казаться выгоднымъ производить отрѣзки отъ своихъ полей, виноградниковъ, оливковыхъ плантацій; но онъ могъ уже считать подходящимъ выдѣлять въ своемъ помѣстьѣ нѣсколько участковъ на пустовавшихъ еще по-лосахъ, чтобы предоставить ихъ въ отдѣльное пользованіе рабамъ.

Нѣсколько головъ скота и клочекъ самой худшей земли — таково было чрезвычайно скромное начало рабскаго держанья. Но зерно будетъ расти. То, что еле-еле проскальзываетъ въ трактатѣ сельско-хозяйственнаго писателя, современника Цезаря, станетъ болѣе замѣтнымъ у юрисконсультовъ слѣдующаго вѣка.

Мы читаемъ у Ульпіана: «Если завѣщатель оставилъ устроенное имѣніе (*instructum*), слѣдуетъ ли включать въ его инвентарь (*in instrumento fundi*) раба, который въ моментъ смерти завѣщателя сидѣлъ на землѣ наподобіе съемщика, *quasi colonus*»? ² Этотъ простой вопросъ, который ставился юрисконсульту, открываетъ намъ, что на барскихъ помѣстьяхъ иногда находились такіе рабы, которые не смѣшивались съ массою остальной *familia*, а жили отдѣльно и обрабатывали выдѣленный имъ участокъ за свой счетъ, уплачивая оброкъ. Юрисконсультъ не называетъ ихъ арендаторами или съемщиками, а только говоритъ, что они похожи на таковыхъ.

Аналогичный вопросъ ставился по отношенію къ вилику уже со временъ Марка Аврелія. Мы знаемъ, что сельскій надсмотрщикъ, обозначавшійся этимъ именемъ, всегда принадлежалъ къ рабскому персоналу. Катонъ, Варронъ и Колумелла всегда представляютъ его рабомъ ³. Рабское

типоволожное мнѣніе по отношенію къ пастбищу, авторъ также участвующій въ бесѣдѣ, отвѣчаетъ: «Non solum adimis domino pecus, sed etiam servis peculium, quibus domini dant, ut pascant». — Очевидно, что тутъ не можетъ идти рѣчь о настоящемъ дареніи. Отъ господина къ рабу можетъ идти лишь временная уступка.

² *Ulpian. Dig. XXXIII, 7, 12, 3*: «Quaeritur, an servus, qui quasi colonus in agro erat, instrumento legato contineatur».

³ *Cato, R. r. 5, 142*: «Domino dicto audiens sit.» — *Colum. R. r. I, 8*: «De iis praeficiatur, qui servitutum laboriosam toleraverunt». — *Sfr. Idem, I, 2; VIII, 1; XI, 1; XII, 18*. — Именно потому, что *vilicus* — рабъ, у него нѣтъ *uxor*, есть только — *contubernalis*, которая назначается ему самимъ господиномъ (*Colum. I, 8*) Остальные рабы — его *conservi* (*Colum. XI, 1*). Апулей также ясно представляетъ

его положеніе обнаруживается въ двадцати мѣстахъ у юрисконсультовъ, и нигдѣ мы не находимъ вилика, который былъ бы свободнымъ человѣкомъ ¹. Чаще всего такой рабъ-вилликъ работалъ только за счетъ господина ²; онъ производилъ всѣ расходы и собиралъ всѣ доходы. Впрочемъ, встрѣчаются и исключенія: юрисконсульта Цервидія Сцеволу спрашивали, слѣдуетъ ли включать въ понятіе *instrumentum* вилика, который обрабатываетъ участокъ для себя, уплачивая господину опредѣленную сумму денегъ (*certain pensionis quantitatem*) ³. Здѣсь обнаруживается нѣчто вродѣ рабской аренды.

Юрисконсультъ Павелъ, говоря о рабахъ, воздѣлывающихъ сельское помѣстье, дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи—тѣхъ, которые работаютъ для господина (*qui operantur*), и тѣхъ, которые платятъ оброкъ (*qui mercedes praestant*) ⁴. Сцевола показываетъ намъ раба, «которому дано было поле для обработки, и который ко времени смерти господина оказался въ большой недоимкѣ» ⁵. Здѣсь обнаруживается опять рабъ, который, повидимому, за свой счетъ эксплуатируетъ участокъ, съ обязательствомъ вносить арендную плату деньгами. Онъ походилъ,—самъ юрисконсультъ дѣлаетъ такое замѣчаніе,—на съемщиковъ, приходившихъ

виллика рабомъ: «*Servus quidam, cui cunctam familiae tutelam dominus permiserat, quique habens ex eodem famulatio conservam coniugem*». (*Apul. Metam. VIII*).

¹ См. *Dig. XXXIII, 17, 18 — Cod. Iust. VI, 38, 2*.—Именно потому, что вилликъ былъ рабомъ, Павелъ причисляетъ его къ *instrumentum fundi*. См. *Sentent. III, 6, 35*.

² Юрисконсультъ Сцевола называетъ это — «*colere fide dominica*». См. *Dig. XXXIII, 7, 18, 4*.

³ *Paul. Dig. XXXIII, 7, 18, 4*: «*Cum de vilico quaereretur, an instrumento inesset, et dubitaretur, Scaevola consultus respondit: Si non pensionis certa quantitate, sed fide dominica coleretur, deberi*».—Мы видѣли, что слово *pensio* служило терминомъ для обозначенія каждаго взноса арендной платы (*merces*).

⁴ *Paul. Sent. III, 6, 38; 40* (ed. Huschke, p. 465): «*Uxores eorum, qui operantur, magis est ut instrumento cedant... Uxores vero eorum, qui mercedes praestare consueverunt... neque instrumenti appellatione continentur*».

⁵ *Scaevol. Dig. XXXIII, 7, 20*: «*Quaesitum est, an Stychus servus, qui unum ex his fundis coluit et reliquatus est magnam summam...*».

извнѣ ¹. Наконецъ, еще одинъ юрисконсультъ упоминаетъ какъ нѣчто, довольно обычное, что землевладѣлецъ «сдалъ своему рабу землю для обработки»; онъ даже предоставилъ ему быковъ для хозяйства ².

Изъ разсмотрѣнныхъ текстовъ вытекаетъ, что съ первыхъ вѣковъ имперіи земельные собственники прибѣгали къ разнымъ способамъ хозяйствованія на своихъ имѣньяхъ. Одинъ изъ нихъ выражался въ испомѣщеніи на особо выдѣленныхъ участкахъ, какъ бы въ видѣ сѣемщиковъ; не свободныхъ людей, приходившихъ извнѣ, а людей, выбиравшихся изъ числа собственныхъ рабовъ.

Остережемся, однако, предположить, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ представляется намъ настоящая аренда. По праву, сдача земли въ наемъ была видомъ контракта; между тѣмъ, никакихъ контрактовъ между господиномъ и рабомъ заключаться не могло. Стало быть, тутъ происходила какъ бы фикція найма и сдачи (*quasi locatio*). Потому-то Ульпіанъ говоритъ, что такой рабъ являлся лишь подобіемъ сѣемщика (*quasi colonus*). Здѣсь происходило одно изъ тѣхъ милостивыхъ соглашеній, въ которыя господинъ всегда могъ вступать къ своимъ рабамъ, но которыя не имѣли никакого правового значенія. Они не обязывали господина и не давали рабу никакой гарантіи.

По этой причинѣ юрисконсульты и говорятъ очень мало о разсматриваемой хозяйственной комбинаціи. Имъ не зачѣмъ было заниматься отношеніями между господиномъ и рабомъ. Если они и затрагиваютъ ихъ иногда, то лишь косвенно, такъ какъ эти отношенія могли касаться интересовъ третьихъ лицъ. Напримѣръ, если хозяинъ умиралъ, оставивъ «устроенное» или «обставленное» имѣнье, можно было поставить вопросъ, входитъ ли нѣтъ такой рабъ-сѣемщикъ въ составъ инвентаря, то-есть, въ завѣщанное имущество. Если бы не возникало вопросовъ по наслѣдству юрисконсультъ ничего бы и не говорилъ о рабахъ, посаженныхъ на участки ³.

¹ *Ibidem*: «Mercede fundum coluit, ut extranei coloni solent».

² *Alfen. Dig. XV, 3, 16*: «Quidam fundum colendum servo suo locavit, et boves ei dederat».

³ Потому-то всѣ тексты, касающіеся вопроса, помѣщены въ отдѣлѣ Дигестъ, который озаглавленъ — *De instructo vel instrumento legato*, за исключеніемъ отрывка изъ Алфена, который

Небезполезно замѣтить, что юрисконсульты, какъ кажется, затруднялись установить по данному пункту опредѣленный взглядъ. Имъ приходилось сталкиваться здѣсь съ положеніемъ внѣ-правовымъ, о которомъ законы молчали. Никакой императорскій рескриптъ не устанавливалъ въ этой области точнаго порядка. Поэтому они, за неимѣніемъ лучшаго, опираются на логическія разсужденія. Рѣшеніе ихъ не обходится безъ нѣкоторой странности. Ихъ особенно поражаетъ сходство между такимъ рабомъ и свободнымъ съемщикомъ. Вѣроятно, въ силу послѣдняго они и произносятъ, что подобный рабъ не входитъ въ *instrumentum*. Такое правило преподаютъ всѣ юрисконсульты, начиная съ Лабеоны и кончая Павломъ ¹. Такимъ образомъ, по ихъ взгляду, такой видъ съемки земли далекъ отъ того, чтобы прикрѣплять человѣка къ землѣ; напротивъ, онъ скорѣе раскрѣпощалъ его, создавая какъ бы сближеніе между рабомъ и свободнымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ по срочному договору. Позже выработается совсѣмъ иное толкованіе даннаго положенія, и законодателемъ будетъ установленъ совершенно другой принципъ. Но мы должны понять такія неопредѣленности и колебанія, если представимъ себѣ ясно, что дѣло тутъ шло о хозяйственной практикѣ, устанавливавшейся внѣ рамокъ закона.

Существовалъ ли также особый видъ съемки земли вольноотпущенниками? Юрисконсульты, попавшіе въ Дигесты, не говорятъ о ней ничего ². Но мы, впрочемъ, знаемъ, что человѣкъ, освобождавшій своего раба, могъ при этомъ

относится къ случаю, когда чужой продавецъ, заключившій сдѣлку съ подобнымъ рабомъ и не получившій отъ него платы, хочетъ взыскать ее съ господина.

¹ *Ulpian. Dig. XXXIII, 7, 12, 3*: «Quaeritur, an servus, qui quasi colonus in agro erat, legato contineatur; et Labeo, et Pegasus recte negaverunt, quia non pro instrumento in fundo erat».—*Paul. Ibid. 18, 4; Sent. III, 6, 40.*—*Scaev. Dig. XXXIII, 7, 20.*

² Неправильно было бы относить къ данному вопросу нѣсколько статей въ Дигестахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о завѣщанныхъ вольноотпущенникамъ наслѣдствахъ. Извѣстно, что они могли владѣть собственностью. Когда завѣщатель говоритъ — «*libertis meis fundum dare volo*» (*Dig. XXXIII, 2, 34; 35*), когда юрисконсультъ утверждаетъ—«*fundum instructum libertis patronus testamento legavit*» (*Dig. XXXIII, 7, 3*), дѣло касается собственности, а не съемки.

возложить на послѣдняго-какія угодно условія ¹. Онъ могъ, и такъ чаще всего дѣлалось, потребовать отъ него за свободу опредѣленное число дней работы въ годъ въ свою пользу; это называлось *operae*. Одинъ вольноотпущенникъ обязывался десятью днями, другой двадцатью, третій «столькими днями, сколько господинъ почтетъ приличнымъ на него возложить» ². Правда, что, когда юрисконсульты говорятъ о такихъ обязательныхъ работахъ вольноотпущенниковъ въ пользу патрона, они берутъ всегда примѣры изъ круга городскихъ ремеслъ; но мы имѣемъ право думать, что господинъ могъ требовать также и сельскихъ работъ. Такъ какъ большая часть рабовъ принадлежала именно къ разряду сельскихъ, то и большая часть вольноотпущенниковъ знала лишь земледѣльческій трудъ. Потому-то позволительно предположить, что многіе изъ нихъ оставались привязанными къ земледѣльческому труду. Это было въ интересахъ господина, а также въ ихъ интересахъ: надо же было имъ сохранить средство къ жизни. Мы читаемъ у одного историка, что императоръ Августъ собралъ цѣлое войско, приказавъ земельнымъ собственникамъ поставить въ качествѣ рекрутовъ извѣстное число вольноотпущенниковъ, пропорціонально величинѣ ихъ помѣстій ³. Ясно, стало быть, что внутри крупныхъ имѣній жило много вольноотпущенниковъ ⁴.

Между тѣмъ невозможно предположить, что эти вольноотпущенники работали вмѣстѣ, группами, какъ большая часть рабовъ. Не могли они, вольноотпущенники, входить въ тѣ *decuriae*, которыхъ рабъ велъ на пахоту и на жатву.

¹ *Dig.* XXIV, 3, 64; XXXVIII, 2, 33; 37; XXXIX, 5, 8; XL, 12, 44.—Cfr. *Lex Salpensana*, Corp. Inscr. lat. II, p. 253: «Quae libertatis causa imposita sunt».—*Cod. Iust.* VI, 3: «Si tempore manumissionis operae tibi impositae sunt, scis te eas praestare debere. Solet autem inter patronos et liberos convenire, ut...»

² *Cels.* *Dig.* XXXVIII, 1, 30: «Si libertus ita iuraverit dare se quot operas patronus arbitratus sit».—О такихъ *operae* см. всю главу въ Дигестахъ—*De operis libertorum*, а также *Cod. Iust.* VI, 3.

³ *Vell. Paterc.* II, 11: «Viri feminaeque ex censu coactae libertinum dare militum».—Мнѣ кажется, что здѣсь дѣло идетъ въ особенности о *libertini*, взятыхъ изъ сельскихъ мѣстностей. Городскихъ вольноотпущенниковъ врядъ ли сочли бы хорошими солдатами.

⁴ Еще со временъ республики цѣлые флоты снабжались вольноотпущенниками, какъ матросами. См. *Liv.* XL, 18; XLII, 27; *Epit.* 74

Не могло быть, чтобы ихъ заставляли подчиняться вилуку или актору, которые были рабами. Нельзя представить себѣ вольноотпущенника въ помѣстьѣ иначе, какъ сидящимъ на специально выдѣленномъ для него участкѣ земли. Вольноотпущенникъ въ аграрномъ строѣ крупнаго имѣнія могъ быть только держальцемъ опредѣленнаго клочка. Онъ долженъ былъ оплачивать свое пользованіе либо трудомъ, либо оброкомъ.

Итакъ, мы думаемъ, хотъ и нѣтъ у насъ ни одного текста въ подтвержденіе такого взгляда, что существовалъ особый типъ вольноотпущенническаго держанья (*tenure d'affranchis*), и что оно было настолько же распространено, какъ и рабское. Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ доказательство его существованія позже. Одинъ законъ 371 г. говоритъ о вольноотпущенникахъ, которые прикрѣплены къ землѣ и не имѣютъ права съ нея сходить¹.

Практика рабскаго и вольноотпущенническаго держанія развивалась медленно и незамѣтно. Оно получило почти легальный характеръ въ силу записи въ цензовые регистры. Мы знаемъ по Ульпіану, съ какою мелочною подробностью составлялись такія описи. Императорская администрація держалась принципа строгой пропорціональности налога съ доходностью каждой земли. Она поэтому не довольствовалась исчисленіемъ размѣровъ какого-нибудь помѣстья или приблизительнымъ опредѣленіемъ предполагаемаго качества почвы: она стремилась узнать точнымъ образомъ, что и сколько производила земля. Поэтому въ спискахъ ценза каждому помѣстью давалось особое мѣсто, въ которомъ обозначалось съ самою большою детальною все, что къ нему относилось. Въ таблицѣ указывалось, сколько югеровъ засѣвалось въ послѣднія десять лѣтъ; сколько корней или лозъ содержали виноградники; сколько было деревьевъ въ оливковомъ насажденіи; сколько выкашивалось сѣна на лугахъ среднимъ числомъ за десять лѣтъ; какія порубки производились въ лѣсахъ и по сколько деревьевъ сводилось

¹ Это законъ Валентиніана I въ *Cod. Iust* (ed. Krueger), XI, 53, 3: «In libertis etiam, quos pari usurpatione suscepit, is modus sit, quem circa liberos colonos duximus retinendum».—Вся статья относится къ тому случаю, если какой-нибудь собственникъ принялъ къ себѣ крестьянина, принадлежащаго другому. Онъ дѣлитъ этихъ крестьянъ или земледѣльцевъ на три категоріи — *coloni*, *servi* и *liberti*.

при каждой порубкѣ ¹. Всѣ эти данныя сообщались самимъ владѣльцемъ. Если позже онъ могъ доказать, что какое-нибудь бѣдствіе уничтожило его урожай или сожгло виноградники, государство вычитывало изъ установленной таксы то, что онъ потерялъ ². Онъ долженъ былъ также объявлять количество своихъ рабовъ, при чемъ съ него спрашивалась не одна общая цифра. Онъ долженъ былъ перечислить по пунктамъ (*specialiter*) относительно каждаго раба, родился ли онъ въ помѣстьѣ или пріобрѣтенъ былъ извнѣ и откуда именно, каковъ его возрастъ и какова профессія въ хозяйствѣ ³.

Если мы всмотримся во всѣ эти правила, мы хорошо замѣтимъ, что рабъ, занимавшій особый участокъ, не смѣшивался въ такихъ описяхъ съ тѣми, которые работали сообща. Такъ какъ всѣ подобныя писцовыя книги погибли, мы не можемъ представить себѣ точнымъ образомъ, какъ они редактировались, какой видъ имѣли. Но можно предполагать съ большою вѣроятностью, что каждый сданный участокъ и каждый рабъ-держатель обозначались въ особой графѣ. Землевладѣлецъ, заявивъ, сколько онъ обрабатывалъ за свой счетъ съ различіемъ пахотныхъ полей, виноградниковъ, луговъ, затѣмъ давалъ также списокъ посаженныхъ на участки рабовъ, съ указаніемъ величины ихъ участковъ и состава ихъ въ полѣ, виноградникѣ и лугѣ. Такимъ образомъ, рабъ-держатель оказывался записаннымъ по имени, можетъ быть, вмѣстѣ съ своей *contubernalis* и дѣтьми; онъ занималъ въ описи особый маленькій параграфъ, въ которомъ обозначены были размѣры и характеръ предоставленнаго ему клочка. На административномъ языкѣ говорили, что этотъ рабъ былъ *adscriptus*, то есть, буквально, «приписанъ».

¹ *Ulpian. Dig. L, 15, de censib. 4:* «Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur. Nomen fundi cuiusque.. Et arvum, quod in decem annos proximos satum erit quot iugerum sit; vinea quot vites habeat; olivae quot arbores habeant...»

² *Ibidem:* «Omnia ipse, qui defert, aestimet. Illam aequitatem debet admittere censor, ut officio eius congruat relevari eum, qui certis ex causis frui non possit. Si agri portio chasmate perierit, debebit per censitorem relevari; si vites mortuae sint vel arbores aruerint, iniquum eum numerum inseri censui...»

³ *Ibidem:* «In servis deferendis observandum est, ut nationes eorum et aetates et officia et artificia specialiter deferantur».

Кодексъ Θεодосія упоминаетъ такихъ рабовъ, приписанныхъ, т.-е., занесенныхъ въ цензовыя книги: «*mancipia, censibus adscripta*»¹. Правда, надо сказать, что законъ, который ихъ называетъ, относится лишь къ 327 г. Но вполне вѣроятно предположить, что самый терминъ сложился гораздо раньше, ибо уже Ульпіанъ устанавливаетъ правила, какъ производить такого рода приписку. Мы даже скажемъ это съ увѣренностью, если увидимъ, что другой законъ, гораздо болѣе ранній, изданный въ 224 г., уже употребляетъ терминъ *adscripticius*; а такое обозначеніе могло войти въ обиходъ лишь, по крайней мѣрѣ, одно поколѣніе послѣ того, какъ появился самый *adscriptus*.

Послѣдній законъ принадлежитъ Александру Северу. Законодательство, какъ извѣстно, устанавливало въ принципѣ, что господинъ, который выставлялъ дѣтей своихъ рабовъ, чтобы быть избавленнымъ отъ ихъ прокормленія, терялъ всякое право на этихъ дѣтей и не могъ впослѣдствіи требовать ихъ обратно, какъ принадлежавшихъ ему. Александръ Северъ опредѣляетъ одно исключеніе: «Если безъ вѣдома хозяина будетъ выставленъ ребенокъ рабыни или женщины *adscripticia*, господинъ получаетъ право потребовать его возвращенія»². Приведенная статья закона особенно важна для насъ тѣмъ, что изъ нея обнаруживается существованіе класса «адскриптиціевъ» съ самаго начала III-го вѣка. Нельзя допустить, чтобы здѣсь подъ *adscripticius* разумѣлся человекъ свободный: если бы это было такъ, ребенокъ принадлежалъ бы къ соціальному положенію отца, а не обозначался бы какъ здѣсь, пренебрежительнымъ выраженіемъ — «*partus adscripticiae tuae*». — Римское право никогда не говоритъ подобными словами о дѣтяхъ свободныхъ лицъ, даже о дѣтяхъ колоновъ. Очевидно, что и здѣсь не идетъ рѣчь о колонахъ. Можетъ быть, тутъ имѣются въ виду вольноотпущенники, но если это и такъ, послѣдніе принадлежали, должно быть, къ самому низшему разбору, къ тѣмъ, на которыхъ *manumissor* возложилъ обязательство оставаться въ его помѣстьѣ на вѣчныя времена вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми. Болѣе вѣроятно, по нашему мнѣнію, будетъ

¹ *Cod. Theod.* XI, 3, 2.

² *Cod. Iust.* XI, 3, 2: «Si invito vel ignorante te partus ancillae vel adscripticiae tuae expositus est, repetere eum non prohiberis».

предположить, что этотъ *adscripticius* занималъ промежуточное положеніе между рабомъ и вольноотпущенникомъ. Онъ являлся сыномъ или внукомъ того, кто былъ *adscriptus*, то-есть, одного изъ тѣхъ рабовъ, которымъ владѣлецъ выдѣлилъ участокъ земли съ занесеніемъ ихъ имени въ писцовую книгу имѣнья.

Такое обстоятельство открываетъ намъ очень важную истину. Когда рабы впервые стали получать подобныя льготы, господинъ, конечно, не связывалъ себя обязательствомъ оставить дѣло безъ измѣненія навсегда. Но посаженный на участокъ рабъ удовлетворялъ, положимъ, требованіямъ господина, и послѣдній далъ ему прожить на предоставленномъ надѣлѣ до смерти. Послѣ него дѣти не имѣли никакихъ правъ на надѣлъ; но хозяинъ, можетъ быть, не счелъ нужнымъ свести ихъ съ данной отцу земли; да ему и не могло быть выгоднымъ такъ поступать. Въ такомъ случаѣ они сохранили участокъ, уплачивая тотъ же оброкъ. Такимъ образомъ семья рабовъ укрѣпилась изъ поколѣнія въ поколѣніе на данномъ участкѣ.

Подобное продолжительное занятіе или держаніе земли приводило къ значительнымъ послѣдствіямъ. Законъ 224 г. не смѣшиваетъ «адскриптиція» съ обыкновеннымъ рабомъ. Онъ только произноситъ, что первый подчиняется общему для всѣхъ рабовъ положенію, что дѣти ихъ слѣдуютъ за матерью и, стало быть, принадлежатъ ея господину, откуда вытекаетъ, что тотъ имѣетъ полное право ихъ продать¹. Но однимъ вѣкомъ позже, законъ 327 г. устанавливаетъ новое правило. Свобода продажи рассматриваемой категоріи рабовъ подвергается стѣсненію. Господинъ можетъ ихъ продавать лишь въ предѣлахъ той провинціи, гдѣ находится имѣнье². Проходитъ еще сорокъ лѣтъ, и законъ Валентиніана I безусловно воспрещаетъ продажу такихъ рабовъ, развѣ только

¹ Обратите вниманіе, что дѣти адскриптиція не привязаны еще къ сельскому хозяйству силою вещей: законъ говоритъ о ремеслѣ, которому они могли научиться, и о потраченныхъ на то средствахъ: «Si quae ad discendum artificium iuste consumpta fuerint, restitues».

² *Cod. Theod.* XI, 3, 2: «Mancipia adscripta censibus intra provinciae terminos distrahantur, et qui emptione dominium nacti fuerunt, inspiciendum sibi esse cognoscant». — См. комментарий Годфруа къ этому тексту.

съ землею, на которой они сидятъ ¹: «Сельскіе рабы, занесенные въ списки ценза, не должны продаваться безъ земли. Пусть при этомъ не допускаются уловки противъ закона въ видѣ, напримѣръ, продажи небольшой части имѣнья для пріобрѣтенія права отчужденія всѣхъ рабовъ. Если продается все имѣнье, всѣ рабы должны быть проданы тому же покупателю, если продается лишь часть его, должны быть проданы всѣ рабы, испомѣщенные на ней».—Вотъ какимъ образомъ часть рабовъ оказалась прикрѣпленною къ землѣ.

Мнѣ кажется, что я нахожу ту же категорію людей въ одномъ законѣ 369 г. Въ немъ содержится инструкція имперскимъ чиновникамъ, какъ они должны составлять инвентарь каждаго сельскаго помѣстья, если послѣднее будетъ переходить изъ частныхъ рукъ въ правительственныя ². «Въ инвентарѣ должны быть показаны размѣры помѣстья, характеръ почвы, отмѣчено, какое количество ея обрабатывается, какое пустоуетъ, сколько имѣется земли подъ виноградникомъ, сколько подъ оливковою плантаціею, сколько распахивается подъ хлѣбъ. Надобно также обозначать число рабовъ, различая между ними тѣхъ, которые выдѣлены для личныхъ услугъ господину ³, тѣхъ, которые занимаются ремесломъ, и тѣхъ, которые предназначены для земледѣлія». Наконецъ, должно быть отмѣчено, сколько находится въ помѣстьѣ «посаженныхъ на участки и сколько

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 7.—Законъ прилагается къ рабамъ и колонамъ. Выписываемъ изъ него часть, касающуюся первыхъ: «Absque terra... rusticos censitosque servos vendi omnifariam non licet. Neque vero commento fraudis id usurpet legis illusio, ut parva portione terrae emptori tradita, omnis integri fundi cultura adimatur. Sed, cum soliditas fundi vel certa portio ad unumquemque perveniat, tanti quoque servi transeant, quanti apud superiores dominos vel in parte manserunt».

² *Cod. Iust.* IX, 49, 7 (зак. Валентиніана I): «Plena descriptio comprehendat, quod spatium et quod sit rursus ingenium, quid aut cultum (Годфруа думаетъ, что надо читать *incultum* или *haud cultum*) sit aut colatur, quid in vineis, olivis, aratoriis, pascuis, silvis fuerit inventum...»

³ *Ibidem*: «Quod mancipia vel urbana vel rustica vel quarum artium generibus imbuta teneantur».—*Mancipium urbanum* или *servus urbanus* говорилось о всякомъ рабѣ, который даже въ помѣстьѣ употреблялся на личныя услуги господину, какъ поварь, лакей, конюхъ, охотникъ, секретарь и т. д. *Mancipium rusticum*—это былъ тотъ, кто занимался сельскимъ хозяйствомъ или работами, тѣсно къ нему примыкающими, напримѣръ, *pistor*, *carpentarius* и т. д.

колоновъ»¹. Послѣдній терминъ — *casarii* не встрѣчается больше нигдѣ, потому трудно установить точное значеніе этого слова. Оно говорилось, повидимому, о людяхъ, у которыхъ есть домъ, *casa*. Но здѣсь не можетъ быть рѣчи о домѣ собственномъ, такъ какъ все имѣніе, включая и эти ихъ жилища, принадлежитъ одному землевладѣльцу: это только дома, гдѣ они обитаютъ. Однако, между тѣмъ какъ *mancipia*, о которыхъ законъ говорилъ въ предшествующихъ строкахъ, жили всѣ вмѣстѣ, этимъ предоставлено каждому отдѣльное жилище. Въ то же время они различены отъ колоновъ, которые названы послѣ нихъ; отличаютъ ихъ и отъ рабовъ, которые работаютъ группами. Законъ говоритъ, что у нихъ есть *casa*; мы можемъ также предполагать, что они надѣлены небольшими клочками земли. Это, вѣроятно, держальцы. Рабы ли они въ полномъ смыслѣ, или они вольноотпущенники, мы не знаемъ².

¹ *Ibidem*: «Quot sint casarii vel coloni». — Не слѣдуетъ думать, что союзъ *vel* выражаетъ здѣсь равнозначимость; оно употреблено въ смыслѣ раздѣленія, какъ выше — «urbana vel rustica».

² Эмберъ (*Humbert*) у *Darembert et Saglio*, Dictionnaire des antiquités (подъ словомъ *colonus*) рассматриваетъ какъ раба-держальца того, кто называется *inquilinus* у Марціана (см. *Dig.* XXX, 1, 112). Сожалѣю, что приходится еще разъ не согласиться съ выдающимся ученымъ. Вотъ текстъ: «Si quis inquilinos sine praediis, quibus adhaerent, legaverit, inutile est legatum; sed an aestimatio debeat ex voluntate defuncti statuendum esse Divi Marcus et Commodus rescripserunt». — Статья эта бросила бы живой свѣтъ на рабское держаніе во времена Марка Аврелія, если бы слово *inquilinus* могло означать раба. Но во всѣхъ документахъ оно, безъ исключенія, примѣняется къ свободнымъ людямъ. Понятіе, которое въ немъ заключается, это понятіе добровольнаго прихода извнѣ. Его нельзя было бы приложить къ рабу, котораго господинъ беретъ изъ среды другихъ и сажаетъ на отдѣльномъ участкѣ. Именно потому землевладѣлецъ не можетъ завѣщать его (*inutile est legatum*), что онъ — человекъ свободный. Если бы онъ былъ рабомъ, такая передача его по завѣщанію имѣла бы силу, ибо юриспруденція III вѣка допускаетъ еще отчужденіе сельскихъ рабовъ безъ земли, а стало быть и передачу ихъ по наслѣдству. Стало быть, *inquilinus*, котораго нельзя завѣщать, не былъ рабомъ. Онъ былъ колономъ или сѣмщикомъ. Марціанъ хочетъ сказать: если завѣщатель передаетъ инквиліна съ землею, къ которой онъ привязанъ, такой актъ имѣетъ силу, и надо будетъ понимать, что передается здѣсь занятая имъ земля. Но если завѣщается самъ инквиліинъ безъ земли, это незаконно. Впрочемъ, юрисконсультъ прибавляетъ оговорку. Можетъ быть, завѣщатель имѣлъ въ виду не личность инквиліна, а оброкъ,

Источники больше ничего не сообщаютъ намъ объ этихъ маленькихъ съемщикахъ (держальцахъ) земли. Каково было ихъ существованіе на данныхъ имъ клочкахъ, каковы обязательства, были ли у нихъ какія-нибудь права? Юрисконсульты ничего не разъясняютъ намъ по всѣмъ этимъ пунктамъ. Они говорятъ о рабскомъ держаніи еще меньше, чѣмъ о колонахъ, именно потому, что имъ какъ юристамъ, не приходилось вмѣшиваться въ отношенія между господиномъ и его рабомъ. Могло случиться, что они разъясняли права колоновъ, но посаженный на землю рабъ не могъ имѣть никакихъ правъ. Вотъ почему молчатъ о рабахъ-держальцахъ и юрисконсультъ, и законодатель.

Если мы попробуемъ вообразить себѣ характеръ рабскаго держанія, намъ легко представится, что господинъ сохранялъ всѣ свои права надъ рабомъ. Законъ стѣснялъ эти права только въ одномъ пунктѣ: онъ запрещалъ ему продавать такого раба безъ земли. Подобный запретъ всецѣло обуславливается заботою о доходности земли ¹. Что же касается власти господина надъ личностью раба, законъ нисколько ея не затрагивалъ. Мы можемъ, поэтому, думать, что господинъ налагалъ на него, какія угодно, условія, требовалъ отъ него столько оброка и барщины, сколько считалъ возможнымъ взыскать.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что рабъ-держатель былъ прикрѣпленъ къ своему участку. Но уяснимъ себѣ хорошенько, почему это было такъ. Не законъ привязывалъ его къ землѣ, какъ произошло впоследствии, мы увидимъ, съ колономъ; рабское состояніе привязывало его къ господину. Онъ долженъ былъ обрабатывать свой клочекъ такъ долго, какъ хотѣлъ господинъ. Онъ не могъ отдѣлиться отъ земли потому, что былъ неотдѣлимъ отъ господина.

Съ другой стороны господинъ могъ отобрать у раба данный участокъ. Никакой законъ, никакой контрактъ не обезпечивалъ за нимъ пожизненнаго пользованія этою зем-

который тотъ платитъ. Судья долженъ разобраться въ этомъ и если да, то присудить наслѣднику эквивалентъ сбора съ инквиліана (*aestimatio*).

¹ Такъ и заявляетъ законодатель: онъ жалуется, что, обходы закона часто приводятъ къ тому результату, «*ut fundi cultura adimatur*». См. законъ Валентиніана I — *Cod. Iust.* XI, 48, 7.

лицею. Особенно же господинъ былъ свободенъ отъ всякаго обязательства сохранить надѣлъ за дѣтьми раба. У раба никогда не было наслѣдника, кромѣ развѣ самого господина. Послѣ его смерти обрабатывавшая имъ доля возвращалась господину. Происходило это по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, потому, что онъ былъ собственникомъ земли, во-вторыхъ, потому, что онъ былъ собственникомъ раба. Онъ завладѣвалъ землею, какъ своимъ имуществомъ; онъ же присваивалъ движимость, деньги, скотъ, какъ пекулій чело-вѣка, ему принадлежавшаго.

Таково было право. Но практика оказывалась менѣе суровою. На дѣлѣ съ земли не удаляли того, кто умѣлъ ее воздѣлывать, кто зналъ ее, производилъ на ней улучшенія, и чей трудъ неудобно было иначе утилизировать. Рабъ потому-то оставался въ полной безопасности на участкѣ всю жизнь. Когда онъ умиралъ, казалось естественнымъ предоставить землю его дѣтямъ, которыя уже научились ее обрабатывать. Такой порядокъ установился незамѣтнымъ образомъ. Насталъ срокъ, когда, въ силу обычая, безъ всякаго формальнаго права, рабъ и его семья на дѣлѣ приобрѣли вѣчное пользованіе землею.

То же самое произошло съ вольноотпущенническимъ держаніемъ. Мы должны при этомъ ясно представлять себѣ, что такой отпущенникъ получалъ лишь условную и неполную *manumissio*. Онъ оставался еще въ тѣсной зависимости отъ прежняго господина, потому-то онъ оказывался прикрѣпленнымъ къ землѣ, которую тотъ ему уступилъ въ пользованіе. Естественно, дѣти его не приобрѣтали на нее никакихъ правъ. Но эти сыновья пахарей не желали, конечно, ничего лучшаго, какъ сохранить землю, безъ которой они не могли бы существовать; самому хозяину также выгодно было оставить имъ участокъ на прежнихъ условіяхъ. Такъ и установилась наслѣдственность держанія для вольноотпущенника, какъ и для раба.

Явился ли описанный процессъ источникомъ наслѣдственнаго колоната? Нѣкоторые высказывали такое предположеніе, но я не нахожу въ документахъ ничего, что позволяло бы ухватить нить филиаціи между рабскимъ и вольноотпущенническимъ держаніемъ, съ одной стороны, и колонатомъ (держаніемъ колона), съ другой. Колонны въ цѣломъ рядѣ текстовъ, которые мы скоро разсмотримъ, ясно

объявляются свободными. Рабъ, хотя и занесенный въ цензовые списки и посаженный на участокъ, все же оставался рабомъ. Въ одномъ законѣ 371 г. отчетливо различаются всѣ три категоріи держальцевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ,—колоны, рабы и вольноотпущенники ¹. Онѣ всѣ три сосуществовали рядомъ другъ съ другомъ. Онѣ никогда не смѣшались одна съ другой.

Въ восточной имперіи, императоръ Анастасій объявляетъ, что существуетъ два вида земледѣльцевъ, не считая тѣхъ, которые могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ собственниками: одни изъ нихъ—адскриптиціи, другихъ онъ называетъ съемщиками ². Онъ утверждаетъ, что только вторые свободны. Первые могутъ только пользоваться «пекуліемъ, который принадлежитъ господину». Вторые, обязанные жить на одной и той же (чужой) землѣ и обрабатывать ее, могутъ рядомъ съ этимъ владѣть собственностью. Такое противоположеніе очень замѣчательно. Настоящими колонами являются лишь тѣ, о которыхъ императоръ упоминаетъ подъ второю категорією. Тѣхъ, которыхъ онъ именуетъ *adscripticii*, на мой взглядъ, являются простыми рабами. Юстиніанъ также отличаетъ положеніе колона отъ положенія адскриптиціи ³. Въ одной новеллѣ того же императора съ удивительною ясностью адскриптиціи отдѣлены отъ настоящаго колона тѣмъ, что въ ней не допускаются законные браки между людьми обоихъ классовъ ⁴. Еще

¹ *Cod. Iust.* XI, 53, (52): «*Qui colonum alienum recipiendum esse duxerit... Servum etiam si quis receperit, quadrupli poena teneatur, operarum praeterea compendiis damnisque praestitit. In libertis etiam, quos pari usurpatione susceperit, is modus sit, quem duximus circa liberos colonos retinendum.*»

² *Cod. Iust.* XI, 48, 19: «*Τῶν γεωργῶν οἱ μὲν ἐναπόγραφοί εἰσιν καὶ τὰ τοῦτων πεκοῦλια τοῖς δεσπόταις ἀνήκει, οἱ δὲ μισθωτοὶ γίνονται, ἐλεύθεροί μὲνοντες μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν.*»

³ *Cod. Iust.* I, 4, 24: «*Sive adscripticiae, sive colonariae conditionis.*»

⁴ Это — новелла 162-я. Изъ нея мы видимъ, что ребенокъ, рожденный отъ *libera* и отъ *adscripticius* слѣдуетъ положенію матери, изъ чего выводится, что союзъ родителей не признавался законнымъ. Новелла, стало быть, произноситъ, что такое дитя будетъ свободнымъ (*liber*), а не адскриптиціемъ. Она, впрочемъ, устанавливаетъ нововведеніе: родившійся будетъ жить на землѣ, какъ колонъ (*colonus*). Здѣсь еще хорошо различаются *colonus* и *adscripticius*. Мы видимъ, наконецъ, изъ той же новеллы, что этотъ

вѣкомъ позже авторъ одного юридическаго сочиненія будетъ утверждать по-прежнему, что *adscripticii* должны отличаться отъ тѣхъ, «кого именуютъ колонатами»¹. Такое различеніе прослѣживается въ памятникахъ востока до VIII-го в. На западѣ ее можно прослѣдить въ документахъ, формулирующихъ правовую практику, вплоть до девятаго.

Стало быть, рабское держаніе не осталось неизвѣстнымъ въ римской имперіи. Рѣдкое въ первую эпоху ея, оно сдѣлалось мало-по-малу распространеннымъ обычаемъ и въ силу этого перешло въ средневѣковое общество. Мы должны были отмѣтить, что оно не смѣшивалось съ колонатомъ. Оно, впрочемъ, походило на послѣдній нѣкоторыми сторонами: какъ и колонатъ, рабское держанье прикрѣпляло человека къ землѣ. Такимъ образомъ, колонатъ не былъ явленіемъ уединеннымъ. Около него кругомъ развивались институты, аналогичные ему, которые не остались безъ извѣстнаго косвеннаго вліянія на него.

сынъ свободной женщины и несвободнаго отца, ставшій *liber colonus* также сохраняетъ право владѣть собственностью, между тѣмъ какъ пекулій адскриптиція принадлежитъ господину.

¹ Рѣчь идетъ о трактатѣ, озаглавленномъ *Αἰ Ῥωμαί*, который приписывается какому-нибудь знатоку и преподавателю права, жившему въ VIII в. Авторъ различаетъ *ἐναπόγραφοι* и *μισθωτοί* и прибавляетъ: «Ὅσοι εἰσὶν οἱ λεγόμενοι κολωνοί» (XL, 6, 14. — *Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, часть 2, гл. 2, § 6).

ГЛАВА V.

Занесеніе колоновъ въ списки ценза.

Подхожу къ одной изъ наиболѣе тонкихъ и трудныхъ сторонъ предмета, вообще труднаго самого по себѣ. Языкъ четвертаго вѣка прилагаетъ къ колонамъ эпитеты *censiti*¹, *censibus adscripti*², иногда *adscripticii*³, *censibus inserti, tributarii*⁴. Нельзя уклоняться отъ изученія этихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе этихъ терминовъ въ юридическомъ языкѣ одно уже является нѣкоторымъ документомъ. Оно можетъ обнаружить намъ то, о чемъ умалчиваютъ историки той эпохи, то-есть, обычай или практику, которые относились къ внутреннему развитію колоната⁵.

Слѣдуетъ прежде всего установить смыслъ приведенныхъ выраженій—*censibus adscripti*; слово *census* обозначаетъ ли

¹ «His colonis, quos censitos esse constabit» (законъ 366 г. *Cod. Iust.* XI, 48, 4).—«Coloni censiti» (*Ibid.* XI, 52, 2).—«Ad antiquos penates, ubi censiti sunt» (законъ 366 г. *Ibid.* XI, 48, 6).

² «Colonos censibus adscriptos» (законъ 426 г. *Cod. Iust.* XI, 48, 18).—«Censibus adscripti» (законъ 434 г. *Ibid.* I, 3, 20).

³ «Colonus adscripticius» (законъ 366 г. *Cod. Iust.* XI, 48, 6).—«Colonom adscripticium» (*Ibid.* XI, 48, 22).—«Adscripticia» (*Ibid.* 21).

⁴ «Censibus insertus, censibus affixus» (*Cod. Theod.* VII, 3, 6).—«Censibus adnotatus» (*Cod. Iust.* I, 3, 16).—«Censibus obnoxius» (*Ibid.* XII, 43, 1).—«Si quis tributarius» (*Cod. Theod.* X, 12, 2, 2).—У Сидонія Аполлинарія (Epist. V, 9) одинъ и тотъ же человѣкъ названъ *colonus* и *tributarius*.

⁵ Колонатъ иногда обозначается выраженіемъ *adscripticia conditio*.—См. «Coloni adscripticiae conditionis» (законъ Константина, *Cod. Iust.* III, 38, 11).—«Adscripticiae conditionis nexibus conscripti» (*Cod. Iust.* I, 3, 36).—«Adscripticia conditio» (*Ibid.* II, 4, 43).—Cfr. «Nexus tributariae sortis» (*Ibid.* XI, 52, 1).

государственную подать или частный оброкъ? Подъ словомъ *adscriptio* должны ли мы подразумѣвать запись, произведенную административною властью въ официальныхъ книгахъ или какую-нибудь опись, сдѣланную внутри частнаго помѣстья его собственникомъ? Оба эти мнѣнія высказывались въ наукѣ.

Большая часть нашихъ текстовъ оставляетъ вопросъ подъ сомнѣніемъ, такъ какъ законодателю незачѣмъ было опредѣлять то, что онъ считалъ общеизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе одинъ законъ 327 г. ясно указываетъ, что слово *census* обозначало государственную перепись, такъ какъ онъ устанавливаетъ репрессію противъ обмана, состоявшаго въ устраненіи *censibus adscripti* отъ платежа подати ¹. Такъ же точно законъ 365 г. показываетъ, что *censiti* были людьми, платившими подать. Они вносили ее, правда, черезъ посредство господъ, но все-таки государству ². Законъ 370 г. обнаруживаетъ человѣка, который былъ *censibus insertus* и платилъ государству «капитацію своего ценза». Государство избавляетъ его отъ подати, если тотъ вступить въ войско ³. Наконецъ въ одномъ законѣ 409 г. мы видимъ одного человѣка *adnotatus censibus*, который, повидимому, платилъ государству капитацію ⁴.

Прибавимъ еще, что на языкѣ той эпохи слово *census* никогда не встрѣчается въ значеніи частнаго оброка; такой смыслъ оно получило позже. Терминъ этотъ первоначально обозначалъ оцѣнку имущества, оцѣнку, которая всегда производилась правительственною властью ⁵. Въ производномъ

¹ *Cod. Theod.* XI, 3, 2: «Mancipia adscripta censibus intra provinciae terminos distraherentur, et qui emptione dominium nacti fuerint, inspiciendum (Годфруа прибавляетъ *censum*) sibi esse cognoscant».

² *Ibid.* XI, 1, 14: «Ii, penes quos fundorum dominia sunt, pro his colonis originalibus, quos in locis iisdem censitos esse constabit, vel per se vel per actores proprios implenda munia functionis agnoscant». — Извѣстно, что *functio* обозначало государственный налогъ. См. *Cod. Iust.* XI, 48, 4.

³ *Cod. Theod.* VII, 13, 6: «Si oblatus iunior fuerit, qui censibus tenetur insertus, ex eo tempore, quo militiae sacramenta suscepit, proprii census caput excuset... Uxoriam quoque capitacionem praestet immunem».

⁴ *Cod. Iust.* I, 3, 16: «Quisquis censibus fuerit adnotatus... capitacionis sarcinam... agnoscere compellatur». — Дѣло идетъ о капитаціи, уплачивавшейся государству черезъ посредство господина.

⁵ *Cod. Theod.* XIII, 10, 8: «Exaequationes censuum». — *Dig.* L, 15,

смыслъ оно же обозначало писцовыя книги, въ которыхъ содержались результаты такой оцѣнки¹, и которыя въ то же время служили росписями поземельнаго налога². Наконецъ, слово *adscriptio* служило установленнымъ терминомъ для обозначенія записи плательщика въ государственные регистры³.

Такое же замѣчаніе можно сдѣлать о словѣ *tributum*, которое нѣсколько разъ встрѣчается примѣнительно къ колонамъ. Нѣтъ ни одного примѣра отъ данной эпохи, гдѣ бы оно употреблялось въ смыслѣ частнаго оброка. Оно будетъ обозначать уплачиваемую собственнику земли ренту лишь позже. Въ IV-мъ вѣкѣ слово это слѣдуетъ понимать, какъ одно изъ названій государственной подати⁴. Таково же значеніе словъ *annuae functiones* и *munia functionis*, которыми также иногда пользуется языкъ того времени по отношенію къ колонамъ⁵: они обозначали тогда постоянно налогъ, вносившійся въ государственную казну.

Намъ поэтому кажется несомнѣннымъ, что термины — *censibus adscripti, censiti, adscripticii, tributarii* обозначали людей, которые были занесены органами правительственной власти въ податныя росписи⁶. Они очень часто прилагаются

45, 9: «Nata, post censum edictum». — *Ibid.* L, 15, 4, 2: «Vitia censuum». — *Ibid.* XIII, 10, 5: «Ex die clausi renuntiatique census... cum census agitatus est».

¹ *Dig.* L, 15, 4: «Agri sic in censum referantur». — *Ibid.* XXII, 3, 10: «Census et monumenta publica».

² Книги податныхъ росписей назывались *libri censuum, libri censuales, paginae censuales* (*Cod. Theod.* XI, 3, 5). — Ценовыя заявленія носили имя *professiones censuales*. — *Censuales functiones* — значило поземельный налогъ (*Ibid.* XI, 28, 12). — У Евменія (*Grat. actio Const.* 5) выраженіе «novi census» относится къ «agri descripti» и, повидимому, обозначаетъ новые регистры земельной подати.

³ *Cod. Iust.* XI, 48, 2: «Publici census adscriptio». — *Cod. Theod.* XI, 22, 5: «Necessitas publicae adscriptionis».

⁴ *Cod. Iust.* XI, 48, 8: «Tributa, quae publicis perierunt functionibus, exigantur». — *Cod. Theod.* X, 12, 2, 3: «Indemnitatem sarciat tributorum». — Уже у Ульпіана *tributum agri* значить податная такса, взыскиваемая съ такого-то имѣнья (*Dig.* L, 15, 4, 2. Сfr. *Papinian.* *Ibidem.* L, 15, 5). — *Tributaria functio* — это поземельный налогъ.

⁵ *Cod. Iust.* XI, 50, 2: «Annuis functionibus obnoxii». — *Ibid.* XI, 48, 23: «Publicas functiones pro colono, qui apud eum moratus est, inferre compellatur». *Ibid.* XI, 48, 4.

⁶ Указывали на одинъ текстъ, въ которомъ колонны обозначены — «censibus alienis adscripti», и говорили, будто бы значить, что они подчинены частному цензу. См. *Wallon, Hist. de l'esclavage*, 2 éd. t. III, p. 257. — Но въ данномъ текстѣ, находящемся въ *Θεοδο-*

къ колонамъ ¹. Мы, кромѣ того, видѣли, что они же употреблялись примѣнительно къ рабамъ; происходило это именно потому, что данная финансовая операція производилась надъ людьми независимо отъ того, къ какому соціальному положенію они принадлежали. Землевладѣлецъ оказывался *censitus* точно такъ же, какъ его рабъ или колонъ ². Колонъ и рабъ оба были *adscripti*. Одною изъ причинъ невѣрнаго пониманія нашего предмета и являлось всегда то обстоятельство, что изслѣдователи не всегда отличали среди адскриптиціевъ рабовъ отъ колоновъ.

Необходимо изслѣдовать, какъ произошло, что колонны оказались занесенными въ цензовыя книги, и какое дѣйствіе могло оказать такое мѣропріятіе на ихъ соціальное положеніе.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, занимавшихся колонатомъ, утверждали, что происхожденіе его стояло въ тѣсной связи съ финансовыми учрежденіями имперіи. Нѣкоторые пошли даже дальше. Они представили фискализмъ единственною или, по крайней мѣрѣ, главною причиною возникновенія колоната ³. Такой взглядъ приходится оспаривать, и опредѣлить, въ какой мѣрѣ въ немъ заключается истина, можно, только углубляясь въ самый детальный анализъ фактовъ.

Мы выше сказали, что въ практикѣ финансовой администраціи имперіи установился порядокъ составлять для

сіевомъ кодексѣ (V, 4, 3), слово *alienis* представляетъ лишь конъектуру, предположительное возстановленіе испорченнаго мѣста.

¹ Серриньи (*Serrigny, Droit public romain, II, 394*) даетъ другое объясненіе слову *adscripticius*, когда оно примѣняется къ колону. Этотъ колонъ былъ рабомъ, котораго господинъ перевелъ въ колонатъ при посредствѣ заявленія, сдѣланнаго въ представлявшейся имъ цензовой описи. Эмберъ, кажется, принимаетъ такое толкованіе. Мнѣ оно представляется чрезчуръ гадательнымъ. Ни одинъ текстъ не констатируетъ, чтобы колонны были признаны рабами; и подобное испомѣщеніе на землѣ, производящееся при помощи занесенія въ цензовые списки, также нигдѣ не обнаруживается въ памятникахъ.

² *Censitus* говорится о землевладѣльцѣ въ *Cod. Theod. XIII, 10, 5*, о рабѣ въ *Cod. Iust. XI, 48, 7*.

³ Подобное мнѣніе высказывалось въ недавнее время Гейстербергкомъ (*Heisterbergk, Die Entstehung des Colonats, 1876*). Онъ полагаетъ, что колонатъ, первоначально учрежденный въ провинціяхъ и именно въ видахъ упорядоченія сбора земельной подати, оттуда проникъ въ Италію. Авторъ приводитъ въ подкрѣпленіе своей идеи много рассужденій, но ни одного текста.

каждаго помѣстья родъ подробнаго инвентаря, въ которомъ обозначалось количество и качество рабовъ. Въ него заносились также всѣ мелкіе съемщики, которые занимали отдѣльные части помѣстья. Это вытекаетъ изъ одного текста Ульпіана, въ которомъ говорится, что если землевладѣлецъ упуститъ объявить о своемъ нанимателѣ или арендаторѣ, то онъ самъ будетъ нести тяжесть налога¹. Такимъ образомъ, занесеніе съемщиковъ въ податные регистры является довольно раннимъ обычаемъ. Когда эти съемщики незамѣтно превратились въ колоновъ, обычай сохранилъ силу.

Изъ текста Ульпіана можно даже заключить, что именно съемщикъ платилъ подать за тотъ участокъ, который занималъ. Всѣмъ извѣстно, что подобный порядокъ существовалъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Въ договоры о наймѣ земли можно всегда ввести условіе, что съемщикъ обязуется вносить государственныя повинности. Ульпіанъ и разъясняетъ намъ, что землевладѣльцу предоставлялось на выборъ два порядка: если онъ заносилъ съемщика въ писцовую книгу помѣстья, подать платилъ съемщикъ; если нѣтъ, платилъ онъ самъ. До нашихъ дней во Франціи дѣлается то же самое.

Современные историки иногда удивляются и возмущаются, что римское государство взыскивало подать съ такихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, у которыхъ не было никакой собственности, и которые едва существовали трудомъ своихъ рукъ. Но чтобы высказывать благопріятное или неблагопріятное сужденіе о такой финансовой системѣ, надобно бы имѣть въ распоряженіи данныя, которыхъ намъ недостаетъ. Слѣдовало бы знать, на примѣръ, прибавлялся ли такой налогъ съемщика къ налогу, платившемуся землевладѣльцемъ. Если дѣло идетъ только о налогѣ, причитающемся съ даннаго участка земли, который вносится съемщикомъ вмѣсто землевладѣльца, то оно входитъ въ категорію фактовъ, о которыхъ говоритъ Ульпіанъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ для правительства безразлично, кто платитъ подать, съемщикъ или собственникъ. Если— первый, то сумма подати необходимо вычитается изъ его арендной платы или оброка.

¹ *Ulpian. Dig. L, 15, 4, 8*: «Si quis inquilinum vel colonum non fuerit professus, vinculis censualibus tenetur».

Хоть мы и встрѣчаемъ еще въ V вѣкѣ колоновъ, не занесенныхъ въ цензовыя описи, но законодательство показываеъ, что уже съ IV-го обратный порядокъ получилъ преобладаніе. Есть еще отрывокъ у Лактанція, хорошо извѣстный и постоянно цитирующійся, который относится къ составленію кадастра во времена Діоклетіана ¹. Чтобы понять текстъ вѣрно и точно, слѣдуетъ прежде всего вытравить изъ него декламаторскій и гнѣвный тонъ христіанскаго проповѣдника по отношенію къ императору, язычнику и гонителю. Если очистить слова автора отъ такого субъективнаго элемента, въ нихъ останется лишь указаніе на то, какъ составлялись податныя описи помѣстій для опредѣленія таксы подати съ cadaго помѣстія, правительственный сборщикъ сосчитывалъ деревья и лозы, измѣрялъ поля и луга, отдѣльно показывая обработанную и пустующую землю. Здѣсь обнаруживается старое правило, установленное со временъ Антониновъ. Но, кромѣ того, чиновникъ призывалъ къ себѣ всѣхъ, кто жилъ на почвѣ имѣнья, рабовъ и свободныхъ, сильно заботясь, чтобы никто не уклонился отъ явки. Всякое укрывательство строго наказывалось ². Лактанцій говоритъ еще, что жестокой сборщикъ не упускалъ случая «накинуть по нѣсколько лѣтъ дѣтямъ, сбавить старикамъ» ³.— Это значитъ, что ни дѣти, ни старики не должны были вноситься въ описи, но чиновникъ не всегда соглашался съ показаніемъ плательщика относительно возраста его людей. Вся описанная Лактанціемъ процедура, которую авторъ проклинаяетъ, когда она производится по приказу Діоклетіана,

¹ *Lactant.* De mort. persec. 7; 23: «Census in provincias et civitates missus censoribus ubique diffusis... Agri glebatim metiebantur, vites et arbores numerabantur, animalia scribebantur, hominum capita notabantur».—Лидъ (*Lydus*, De magistratibus, I, 5) напоминаетъ эту операцію составленія кадастра, которая производилась въ царствованіе Діоклетіана съ мелочной тщательностью, можетъ быть, даже съ чрезмѣрною строгостью, «ἀνεμετρήσατο τὴν ἡπειρον».

² *Lactant.* Ibidem: «Hominum capita notabantur; in civitatibus urbanae ac rusticae plebes adunatae; fora omnia gregibus familiarum referta; unusquisque cum liberis, cum servis aderat. Tormenta ac verbera personabant». — Рядомъ съ такими строгостями правительства надобно представлять себѣ обманы и сопротивление самихъ землевладѣльцевъ. Примѣръ послѣднихъ можно найти въ *Cod. Theod.* XIII, 11, 3.

³ *Lactant.* Ibidem: «Aestimabantur aetates singulorum, parvulis adiciebantur anni, senibus detrahebantur».

умалчивая, однако, что она сохранена была и Константиномъ, очень походить на систему, изображенную уже Ульпіаномъ. Разница заключается въ томъ, что теперь уже не собственникъ сообщаетъ имена всѣхъ сидящихъ на его землѣ людей: должны являться сами земледѣльцы, и ихъ записываетъ поименно сборщикъ. Изъ этого видно, что установился обычай заносить въ писцовыя книги взрослое рабочее население помѣстья и опредѣлять подать по его численности.

Подобный порядокъ можетъ быть хорошо понятъ, лишь если мы отдадимъ себѣ отчетъ о состояніи землевладѣнія въ разсматриваемую эпоху и о характерѣ сельскихъ помѣстій. Хотя и оставалось еще достаточное количество мелкихъ и среднихъ имѣній, очевидно, что крупная собственность получила въ имперіи рѣшительное преобладаніе. То, что языкъ того времени именовалъ *villa*, иногда *saltus*, другой разъ *praedium* или *massa*, всегда являлось обширною землею. Законы IV-го вѣка постоянно говорятъ о крупныхъ владѣльцахъ, называя ихъ *potentiores possessores*¹. Видно даже изъ текстовъ, что по отношенію къ такимъ богатымъ и сильнымъ особамъ явилась необходимость видоизмѣнить правила сбора. Муниципальныя власти оказывались слишкомъ скромными и слабыми рядомъ съ ними, и собирать налоги съ нихъ поручалось прямо провинціальнымъ намѣстникамъ². Весьма трудно было устанавливать самую таксу подати съ подобныхъ помѣстій и не только потому, что владѣльцы ихъ являлись лицами очень могущественными. Болѣе глубокая и вѣрная причина этого лежала въ самой организаціи крупныхъ частновладѣльческихъ доменовъ.

Огромное имѣнье составлялось почти всегда изъ земель различной природы и очень неодинаковаго качества. Если въ немъ находилось много хлѣбныхъ полей и виноградниковъ, то большія пространства оставались также подъ лѣсами,

¹ *Cod. Iust.* III, 25, 1: «Sive domorum divinarum, sive virorum potentium conductores». Изъ двухъ этихъ выраженій первое обозначаетъ на языкѣ эпохи собственность фиска, второе — частныхъ лицъ.— *Cod. Theod.* XI, 7, 12: «Potentiorum possessorum domus»

² *Ibidem*, XI, 7, 12 (законъ 383 г.): «Potentiorum possessorum domus officium rectoris exigere debet... minores autem possessorum defensor civitatis ad solutionem fiscalium pensationum compellere».

пустошами и выгонами¹. Почти всегда случалось, что только часть имѣнья отдавалась подъ хозяйственную эксплуатацію. Въ обыкновенъ языкѣ обработанная часть, то-есть, та, къ которой прилагались руки, называлась—*agri occupati*². Часть же, оставлявшаяся незанятою и невоздѣланною, именовалась *agri deserti, steriles, iacentes, cultore vacuati*³. Ученые давно съ изумленіемъ обратили вниманіе въ источникахъ IV-го в. на *arva iacentia*; но они совершенно неправильно поняли это выраженіе, переводя его—оставленные земли, земли безъ владѣльцевъ. Имъ обозначалась именно та часть имѣній, для обработки которыхъ собственникамъ не удавалось находить людей. Смыслъ этихъ словъ приблизительно равнозначущъ съ тѣмъ, который четыре вѣка спустя будетъ соединяться съ выраженіемъ *mansi absi*⁴.

Римское императорское правительство всегда придерживалось правила устанавливать точное отношеніе между цифрою подати и доходностью земли. Это видно изъ тѣхъ

¹ Къ нашему предмету не относится здѣсь вопросъ о состояніи сельскихъ помѣстій въ римской имперіи. Укажемъ только главные тексты, по которымъ можно составить себѣ объ этомъ понятіе. *Plin.* Epist. II, 17; V, 6.—*Ulpian.* Dig. L, 15, 4.—*Cod. Iust.* IX, 49, 7.—*Auson.* Idyll. III.—*Sidon. Apollin.* Epist. II, 1; II, 7; VIII, 11; VIII, 14.—Ср. еще нѣсколько писемъ Симмаха, а для слѣдующаго вѣка нѣсколько писемъ папы Григорія Великаго.

² См. о значеніи слова *occupatus* примѣнительно къ *ager* у *Columell.* De re rust. I, 3: «Occupatos nexu civium». — *Cod. Theod.* IX, 42, 7: «Plena descriptio comprehendat... quot mancipia in praediis occupatis teneantur».

³ См. *Cod. Theod.* XI, 1, 10.—Здѣсь говорится о *centuriae* (такъ называлась единица измѣренія большихъ имѣній, *Ibid.* XI, 28, 13) и между ними различаются *opulentae* и *desertae* въ числѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ одному собственнику. *Desertae* это именно тѣ, для которыхъ не хватало колоновъ. См. еще другую, также часто плохо понимавшуюся статью въ томъ же *Cod. Theod.* XI, 28, 2, въ которой *desertis locis* обозначаетъ необработанные части помѣстій, и съ которыхъ правительство слагаетъ подати («provincialibus concessimus»).—*Symmach.* Epist. IX, 40: «Agri cultore vacuati».

⁴ Несомнѣнно, глаголь *iacere* иногда прилагался къ землямъ безъ владѣльца. Такъ, напримѣръ, можно понять выраженіе «ne bona iaceant» въ *Dig.* XXXVII, 3, 1.—Но чаще всего *iacere* примѣнялось именно къ бездоходнымъ землямъ. Таковъ, конечно, смыслъ словъ «arva iacentia» у *Eumen.* Paneg. Constantio, 21. Тотъ же авторъ нѣсколько ниже выражаетъ ту же мысль словами «quidquid infrequens restabat Ambiano solo».—*Infrequens* и *iacens* подразумѣвали одно и то же понятіе недостатка земледѣльческихъ рукъ.

мелочныхъ инструкцій, которыя давались агентамъ фиска. Оно хотѣло, явнымъ образомъ, чтобы подать была пропорціональна не площади земли, но тѣмъ плодамъ, которыя земля приносила на самомъ дѣлѣ. Потому то государство допускало, что владѣлецъ, часть земли котораго въ данное время становилась бездоходною, имѣлъ право на сбавку подати ¹. Можно также замѣтить, когда читаешь подрядъ императорскіе законы, относящіеся къ поземельному налогу, что землевладѣльцы въ самомъ дѣлѣ постоянно рассчитывали на освобожденіе отъ сбора тѣхъ участковъ на ихъ помѣстьяхъ, которые оставались безъ обработки ². Замѣтно даже, что правительство не особенно боролось противъ такихъ притязаній и противъ злоупотребленій, которыя при этомъ допускались. Оно довольствовалось требованіемъ, чтобы устанавливалось извѣстное отношеніе или среднее число между воздѣланными землями и заброшенными, чтобы сосчитывались первыя со вторыми ³; но никогда открыто не выставлялось принципа, чтобы всякая необработанная земля подлежала налогу ⁴.

Изъ этого мы можемъ судить, какъ трудна была таксація крупныхъ помѣстій. Въ самомъ дѣлѣ оказывалось почти невозможнымъ установить истинную пропорцію между землями занятыми и незанятыми. Отношеніе между ними могло мѣняться каждый годъ, смотря по количеству рабочихъ рукъ, находившихся въ распоряженіи собственника. Опредѣленіе оставалось почти всегда неточнымъ. Такая неточность приносила ущербъ если не крупному владѣльцу, то государству, или она приводила къ повышенію податной тяжести сосѣднихъ мелкихъ собственниковъ, на плечи которыхъ падала невѣрность подсчета. Ясно, стало быть, въ силу чего необходимость привела къ установкѣ въ качествѣ

¹ *Ulpian. Dig. L, 15, 4, 1*: «Congruat relevari eum, qui in publicis tabulis delato modo frui certis ex causis non possit».

² Кодексъ Θεодосія называетъ это «desertorum nomine querela» (XI, 28, 12).

³ «Ut squalida atque ieiuna culta atque opima compensent» (*Cod. Theod. XIII, 11, 4*). Одинъ законъ 417 г. идетъ дальше: онъ провозглашаетъ, что собственникъ такого «desertum praedium», который проситъ сбавки подати, не получить таковой, если онъ въ то же время является «*aliam possessionum dominus*» (*Ibid. XIII, 11, 15*).

⁴ См. примѣры такихъ ходатайствъ землевладѣльцевъ и уступокъ правительства въ кодексѣ Θεодосія, XI, 28, 2; 12.

основанія для оцѣнки земли—количества ея рабочаго населенія. Развѣ такъ не приобрѣталось самое лучшее средство захватывать всю обработанную землю и облагать ее одну? Присутствіе земледѣльца, способнаго къ работѣ (Лактанцій дѣйствительно показываетъ, что не должны были присчитываться ни дѣти, ни старики), предполагаетъ извѣстную сумму труда и, слѣдовательно, извѣстную массу продукта. Наличность жены у такого земледѣльца представляетъ добавочную величину работы и плода, менѣе высокую, но все же подлежащую оцѣнкѣ. Вычисленіе доходности помѣстья по количеству обрабатывающихъ его рукъ являетъ способъ оцѣнки, которымъ не нарушается справедливость; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оказывается простымъ и практичнымъ, не требуетъ отъ распредѣлителей налога никакихъ специальныхъ свѣдѣній. Въ немъ открывается еще одно удобство: имъ устраняются споры и неопредѣленности, всегда невыгодныя для населенія; имъ понижается до возможнаго минимума произволъ чиновника и обманъ плательщика. Примѣненіе подобнаго приѣма не имѣло бы никакого основанія въ современномъ обществѣ, гдѣ господствуетъ мелкое и среднее землевладѣніе. Но перенесемъ въ ту эпоху, когда на большихъ помѣстьяхъ сидѣло по 200, 300, 500 чело-вѣкъ и больше, и мы найдемъ вполне естественнымъ, что тогда пришли къ выводу оцѣнивать стоимость помѣстья и устанавливать причитающуюся съ него подать по числу душъ его земледѣльческаго населенія.

Мы не находимъ другого пути объяснить происхожденіе той капитаціи, которая была тогда возложена на земледѣльцевъ. Одно хорошо обнаруживаетъ здѣсь мысль правительства: запись въ цензовыя таблицы распространялась не на однихъ колоновъ; заносились также и рабы, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые были посажены на пашню. Мы видимъ здѣсь, стало быть, налогъ, взимавшійся не съ опредѣленнаго класса, а захватывавшій всѣ категоріи людей, занимавшихся земледѣліемъ, безъ различія классовъ.

Сдѣлаю еще одно замѣчаніе: ни одинъ текстъ не показываетъ, чтобы этотъ налогъ съ земледѣльцевъ прикладывался къ налогу землевладѣльцевъ. Если мы будемъ опираться на выраженія самихъ источниковъ, мы даже увидимъ, что здѣсь меньше идетъ дѣло о созданіи новаго налога, чѣмъ о простомъ занесеніи въ списки ценза. Рѣчь идетъ

тутъ также не о личномъ (подушномъ) налогѣ. Не слѣдуетъ обманываться присутствіемъ термина *capitatio*, который здѣсь иногда употребляется. Онъ обозначалъ только, что высота налога опредѣлялась по количеству душъ. Но налогъ оставался поземельнымъ. Самыя выраженія текстовъ ясно это доказываютъ: люди заносились въ цензъ; подъ *census* же разумѣлись списки земельной подати. Люди попадали на нихъ лишь потому, что воздѣлывали землю, и имя каждаго изъ нихъ помѣщалось подъ рубрикой того помѣстья, на которомъ каждый занималъ участокъ. Поземельный характеръ налога оказывается, стало быть, очевиднымъ. Разсмотрѣнный видъ «капитации» представляетъ, такимъ образомъ, лишь способъ вычисления налога, которому подлежала каждая данная земля. То была земельная подать, опредѣлявшаяся по числу земледѣльцевъ.

Занесеніе въ списки подати являлось операцію больше всего кадастральною. Что правительство пользовалось ею для возвышенія подати, — это возможно, даже вѣроятно, но не доказано. Изъ описанія Лактанція видно одно, что всѣ люди, работавшіе на землѣ, обязаны были являться къ чиновнику, производившему раскладку, и что не допускалось никакого уклоненія или укрывательства лицъ. Авторъ сожалѣетъ о несчастныхъ, которыхъ заставляли тащиться далеко отъ мѣста ихъ жительства, чтобы дать присчитать себя финансовому чиновнику государства; но онъ не говоритъ, что податныя тягости были удвоены. Онъ находитъ такую систему стѣснительною для плательщиковъ, можетъ быть, даже тиранническою, но нигдѣ не называетъ онъ ее несправедливою.

Мы очень несовершенно освѣдомлены о многочисленныхъ и многообразныхъ правилахъ описанной системы распределенія поземельнаго налога. Мы знаемъ только, что податная единица обложенія именовалась *caput*¹. Затѣмъ извѣстно, что мужчина, чаще всего считался за цѣлое *caput*, женщина — за половину. Другой разъ правительство считало за одно *caput* двухъ мужчинъ и четырехъ жен-

¹ *Cod. Iust.* XI, 52, 1: «Humanae capitationis censu». — *Ibid.* XI, 48, 10: «Unius pendendi capitis». — *Cod. Theod.* VII, 13, 6: «Proprii census caput excuset... Uxoriam quoque capitationem». — *Ibidem*: «Insertae capitationis numerus». — *Cod. Iust.* XI, 48, 10: «Cum capitis norma sit censa... pendendi capitis».

щинъ¹. Наконецъ, дѣти и старики въ счетъ не шли. Очень было бы важно опредѣлить, какой дѣйствительной цѣнности соотвѣтствовало сарут; но у насъ нѣтъ по этому пункту никакихъ указаній. Въ теоріи налогу подлежалъ самъ земледѣлецъ. На практикѣ землевладѣлецъ обязанъ былъ вносить въ государственное казначейство всѣ налоги, причитавшіеся съ людей, сидѣвшихъ на его помѣстьѣ². Онъ самъ производилъ сборъ³ и отвѣчалъ за него⁴. Последняя черта очень характерна. Ею какъ бы констатируется, что данный видъ капитациі составлялъ подать съ земли. На дѣлѣ государству платилъ всегда собственникъ, и это уже было его дѣломъ, какъ вознаграждать себя черезъ своихъ съемщиковъ и держальцевъ.

Таково было, если мы не ошибаемся, финансовое преобразование, осуществленное въ III вѣкѣ. До насъ не дошелъ установившій его указъ, можетъ быть, даже таковой никогда и не былъ изданъ. Сомнѣваться, былъ ли провозглашенъ по этому вопросу общегосударственный законодательный актъ, меня побуждаетъ то обстоятельство, что далеко не всѣ колонны оказались сразу записаны на регистры подати⁵. Можетъ быть, это мѣропріятіе вводилось понемногу

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 10 (законъ 386 г.): «Cum antea per singulos viros, per binas vero mulieres capitis norma sit censa, nunc binis ac ternis viris, mulieribus quaternis, unius pendendi capitis attributum est».

² *Cod. Theod.* XI, 3, 2: «Eorumdem (colonorum) onera ac pensationes publicae ad eorum sollicitudinem spectent, ad quorum dominium possessiones eaedem migraverunt».

³ *Cod. Iust.* I, 3, 16: «Quisquis censibus fuerit adnotatus... capitacionis sarcinam per ipsum dominum agnoscere compellatur». — *Ibid.* XI, 48, 4 (365 г.): «Ii, penes quos fundorum dominia sunt, pro his colonis originalibus, quos in locis iisdem censitos esse constabit, vel per se vel per actores proprios implenda munia functionis agnoscant».

⁴ *Cod. Theod.* XI, 1, 7: «Compertum est vos (императоръ обращается къ сенаторамъ) pro colonis ad solvenda fiscalia conveniri». — *Ibid.* XI, 7, 2: «Unusquisque decurio pro ea portione conveniatur, in qua vel ipse, vel colonus eius convenitur».

⁵ Фактъ этотъ обнаруживается изъ слѣдующихъ текстовъ. Въ одномъ законѣ 365 г. (*Cod. Iust.* XI, 48, 4) говорится, что собственникъ будетъ платить за тѣхъ колонновъ, которые записаны («pro his colonis, quos censitos esse constabit»). — Другой законъ 376 г. (*Ibid.* XI, 53, 1) говоритъ о нѣкоторыхъ колонахъ: «Inserviant terris, non tributario nexu, sed nomine et titulo colonorum». — Законъ Θεодосія (*Cod. Iust.* XI, 52, 1) отмѣняетъ капитацию и «nexus tributariae sortis» въ Фракіійской діоцезѣ, но люди, которыхъ онъ отъ нея

въ различныхъ частяхъ имперіи, безъ заранѣе опредѣленнаго плана прежде, чѣмъ получило общее распространеніе. Можно даже поставить вопросъ, исходила ли инициатива отъ самаго правительства. Очень возможно, что внутри самого общества первоначально почувствовалось удобство такого порядка, въ послѣдствіи оказавшагося выгоднымъ и для государства. Можетъ быть, сами землевладѣльцы своими постоянно повторявшимися жалобами на недостатокъ рабочихъ рукъ, привели финансовую администрацію къ убѣжденію въ правильности оцѣнивать доходность помѣстій именно по этому признаку. Можетъ быть, еще въ самыхъ договорахъ, устанавливавшихся между собственниками и мелкими держальцами, все чаще вводилось правило, что земельный налогъ будетъ уплачиваться послѣдними.—Наконецъ, особенно естественно дѣло могло сложиться слѣдующимъ образомъ. Вездѣ попадались невоздѣланныя имѣнья, пустующія земли (*saltus* въ первоначальномъ значеніи слова); таковыя не платили никакой подати. Положимъ, что помѣщикъ пускалъ на нихъ группу колонновъ, предоставляя имъ право расчистить земли подъ обработку на началахъ вѣчной аренды изъ части урожая. Онъ легко могъ условиться съ колонами въ такомъ смыслѣ: какъ только вы сдѣлаете землю мою доходною, государство обложитъ ее пропорціональною долею подати; такъ какъ высота послѣдней можетъ превзойти оброкъ, получаемый мною съ васъ, то расчистка моей земли будетъ мнѣ не только не выгодна, но прямо разорительна. Если вы хотите воздѣлывать эту землю и жить плодами съ нея, берите на себя внесеніе государственной подати, и пусть имена ваши будутъ записаны въ кадастровыя книги. Подобныя сдѣлки, навѣрно, совершались постоянно, такъ какъ онѣ не нарушали ничьего интереса.

Такъ обнаруживается рядъ мотивовъ, которые содѣйствовали тому, что милліоны мелкихъ колонновъ оказались зарегистрированы въ государственныхъ росписяхъ земельного налога. Какое бы объясненіе мы ни предпочли, во всякомъ случаѣ, фактъ достовѣренъ. Большая часть колонновъ

избавляетъ, тѣмъ не менѣе остаются колонами. Еще одинъ законъ Аркадія (*Cod. Iust.* XI, 50, 2) относится только къ тѣмъ изъ колонновъ, которые записаны (*coloni dumtaxat adscripti*) и тѣмъ самымъ показываетъ, что существовали другіе, стоявшіе выше первыхъ.

была записана въ ценовыхъ книгахъ вмѣстѣ съ землями, полями и виноградниками, на которыхъ они сидѣли и работали. Небезполезно упомянуть, что такіе регистры назывались *libri censuales, polyptycha* ¹.

Подобная запись въ официальныхъ регистрахъ могла пройти незамѣченной, какъ дѣло маловажное и ничтожное мѣропріятіе само по себѣ; но косвенно она привела къ значительнымъ послѣдствіямъ.

Присмотримся къ судьбѣ какого-нибудь отдѣльнаго колона. До занесенія въ списки ценза онъ являлся мелкимъ держальцемъ земли безъ опредѣленнаго контракта и безъ всякаго обезпеченія. Никакой законъ не запрещалъ ему уходить съ земли, помѣщику—выдворять его. Но вотъ онъ «занесенъ въ списки ценза»; мы хорошо помнимъ, что онъ попалъ туда только въ связи съ землею, на которой сидѣлъ. Въ писцовой книгѣ онъ представляетъ теперь эту землю, и потому-то значитъ подъ рубрикою крупнаго помѣстья, на которомъ занимаетъ участокъ ². Отсюда происходитъ, что законъ, называющій его «записаннымъ въ цензѣ», вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что онъ «приписанъ къ помѣстью» ³. Одно влечетъ за собой—другое. Человѣкъ, земля, подать—составляютъ одно. Съ этихъ поръ можно сказать, что «къ каждому помѣстью приписано извѣстное число народа», *certus numerus plebis praedio adscriptus* ⁴.

Такъ установилась, въ силу простого письменнаго акта, связь между человѣкомъ и землею. Уже и раньше, конечно, связь эта образовалась на дѣлѣ, въ силу труда, интересовъ, привычекъ, чувствованій; но кадастровая запись какъ бы санкціонировала ее. Занесеніе въ списки ценза явилось

¹ Такіе полиптихи цитированы два раза въ кодексѣ Феодосія, именно какъ описи земельной подати. На нихъ то и значились въ югерахъ и центуріяхъ земли, подлежащія налогу, а также избавленныя отъ него, какъ бездоходныя (*Cod. Theod.* XII, 28, 13). Въ тѣхъ же книгахъ отмѣчались производившіяся уплаты (*Ibid.* XI, 26, 2). Слово *polyptychum* обозначало именно податную роспись также у Вегеція (II, 19) и Кассіодора (V, 14).

² Это вытекаетъ изъ того, что самъ владѣлецъ собираетъ налоги съ своихъ колоновъ и передаетъ сборъ государству.

³ *Cod. Theod.* V, 3, 1: «Possessioni adscriptus». — *Ibid.* XI, 1, 26: «Praedio adscriptus». — *Cod. Iust.* XI, 48, 6: «Ad penates, ubi censiti sunt».

⁴ *Cod. Iust.* XI, 1, 26 (зак. 399 г.).

формальнымъ, официальнымъ, неразрушимымъ засвидѣтельствомъ фактическаго положенія человѣка, которое, даже безъ всякаго намѣренія со стороны власти, опредѣлило и закрѣпило его навсегда. Эта финансовая операція правительства стала имматрикуляціею, почти легальнымъ прикрѣпленіемъ человѣка къ землѣ.

Писцовыя книги или *polyptucha*, въ которыя тщательно заносились имена плательщиковъ и цифры налоговъ, не дошли до насъ, и мы хорошо не знаемъ, какъ онѣ составлялись. Но сохранились другіе полиптихи, составленные нѣсколько вѣковъ позже. Между этими двумя эпохами въ аграрныхъ порядкахъ совершился большой переворотъ. Между полиптихами римской имперіи и тѣми, которые возникли въ IX вѣкѣ, замѣчается та разница что первые составлялись государствомъ, вторые частными собственниками. Коренное различіе ихъ заключается, кромѣ того, въ томъ, что въ первыхъ обозначались государственныя подати, во вторыхъ частныя оброки. Но по формѣ редактированія они врядъ ли значительно измѣнили свой видъ: они сохранены были преимущественно въ землевладѣльческой практикѣ церкви, которая заимствовала употребленіе писцовыхъ книгъ у римской имперіи и поддерживала обычай составленія полиптиховъ до IX-го вѣка¹; а мы знаемъ, что церковь гораздо менѣе мѣняла форму, чѣмъ суть вещей. Припомнимъ, кромѣ того, у Ульпіана длинное описаніе *forma censualis*; припомнимъ еще ясный и опредѣленный законъ Валентиніана I о *descriptio* имѣній²; сравнимъ эти два текста съ полиптихами IX-го вѣка;—мы замѣтимъ, что планъ ихъ остался тотъ же. Инвентари земельныхъ имуществъ, которые носятъ названіе полиптиховъ св. Германа на лугахъ (*St Germain des près*) и св. Ремигія реймскаго (*St Remi*), какъ будто составлены по образцамъ, даннымъ Ульпіаномъ или Валентиніаномъ для подобнаго рода описей. Если содержаніе измѣнилось, то форма осталась прежняя. Можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣло, если мы представимъ себѣ римскія податныя книги по тѣмъ, которыя были составлены въ средневѣковой Франціи по приказанію аббата Иримина или архіепископа Гинкмара.

¹ См. о церковныхъ полиптихахъ—*Cassiod. Variar.* V, 14; 39.—*Gregor. Magni. Epist.* IX, 40.—Cfr. *Iohann. diac. Vita Greg.* II, 30.

² *Ulpian. Dig.* L, 15, 4.—*Cod. Iust.* IX, 49, 7.

Вообразимъ же себѣ большую писцовую книгу каждой муниципальной общины (*civitas*). Помѣстья, входившія въ ея территорію, были перечислены одно за другимъ. Каждое выдѣлялось какъ бы въ особую статью. Въ заголовкѣ ставилось названіе помѣстья, такъ какъ, мы видѣли, каждое носило опредѣленное имя ¹. За симъ слѣдовало описаніе той части его, которую владѣлецъ эксплуатировалъ за свой счетъ подъ надзоромъ виллика ². Обозначалось количество югеровъ земли, при чемъ по правиламъ, установленнымъ Ульпіаномъ и Валентиніаномъ, отдѣльно показывались пахотныя поля, виноградникъ, лугъ и лѣсъ ³. Далѣе регистрировалась та часть имѣнья, которая была роздана по мелкимъ участкамъ ⁴. Каждый изъ послѣднихъ ставился подъ именемъ держальца, который его занималъ, съ указаніемъ былъ ли тотъ рабомъ, вольноотпущенникомъ или колономъ. Разсмотрите 25 таблицъ, находящихся въ полиптихѣ сенъ-жерменскаго аббатства. Вставьте въ каждой статьѣ цифру подати (*capitatio*) на мѣсто цифры оброка, и вы получите, по всей вѣроятности, довольно правильное понятіе о римскихъ писцовыхъ книгахъ. Совершенно такъ же, какъ въ полиптихѣ Ирминона каждый человѣкъ, сервъ или колонъ, прикрѣпленъ къ манзу или участку большого помѣстья, на римскомъ регистрѣ человѣкъ записывался съ обозначеніемъ своего званія—какъ рабъ или колонъ. Это

¹ *Ulpian*. *Ibidem*: «*Nomen fundi cuiusque*». — То же самое повторяется въ полиптихахъ IX вѣка.

² Такъ надобно, если не ошибаемся, понимать *praedia occupata*, о которыхъ говоритъ Валентиніанъ I, предписывая ставить ихъ раньше, чѣмъ *casarii* или *coloni*. Эта часть обрабатывалась при помощи *mancipia*. Такъ какъ въ ней находились и *mancipia urbana*, то значитъ тамъ же находилась усадьба владѣльца: мы знаемъ, что такъ именовались рабы, привязанные къ личной службѣ господину, даже въ деревнѣ. Ср. въ средневѣковыхъ полиптихахъ первую статью cadaго отдѣла: въ ней содержится инвентарь — *mansus dominicatus*.

³ *Ulpian*. *Ibidem*: «*Arvum quot iugerum sit, vinea quot vites habeat...*» — То же различіе замѣчается въ полиптихахъ.

⁴ *Ulpian*. *Ibid.* 8: «*Inquilinum vel colonum professus*». — Законъ Валентиніана, *Ibidem*: «*Quot sint casarii vel coloni*». — Такъ же точно полиптихи даютъ списки рабскихъ и свободныхъ участковъ (*mansii serviles, mansii ingenuiles*) съ именами всѣхъ держальцевъ, ихъ соціальнаго состоянія и земельнаго положенія.

званіе останется за нимъ навсегда, и самъ онъ кажется на вѣки неотдѣлимымъ отъ участка, который занимаетъ ¹.

Таковы были истинныя послѣдствія приписки къ цензу. Современные ученые, которые утверждали, что образованіе колоната вызвано было фискальными интересами, пошли дальше правды. Запись въ кадастровыя книги не создала ни одного колона потому, что до этой операціи люди уже находились въ колонатномъ состояніи. Колонатъ, безъ сомнѣнія, существовалъ уже въ жизни раньше, чѣмъ на него обратило вниманіе правительство. Вѣрно только, что финансовыя потребности побудили администрацію регулировать выработавшіяся отношенія. Кадастровыя описи не создали колоната; но онъ былъ первымъ правительственнымъ актомъ, который официально констатировалъ ихъ положеніе. Составленіе ихъ явилось также первымъ поводомъ, по которому колоны вступили въ соприкосновеніе съ имперскимъ правительствомъ.

¹ Вѣроятно, поэтому выраженіе *ius census* стало синонимомъ съ *ius colonatus* (*Cod. Theod.* V, 4, 3).

ГЛАВА VI.

Документы, извлекаемые изъ кодексовъ. Законодательная санкція колоната.

Мы видѣли, какъ незамѣтно слагался колонатъ помимо всякаго участія законодательства. Прежде всего, люди, бывшіе вольными арендаторами по контрактамъ на опредѣленные сроки, въ силу накопившихся недоимокъ и несостоятельности, превращались постепенно въ съемщиковъ, прикрѣпленныхъ фактически къ землѣ и обязанныхъ передъ ея владѣльцемъ. Другіе земледѣльцы, подобно крестьянамъ *saltus Burunitanus*, садились на чужія помѣстья въ качествѣ свободныхъ съемщиковъ, но безъ контрактовъ. Они сами привязались къ своимъ участкамъ интересами и привычкою. Они сами такъ же мало желали уйти, какъ собственникъ прогнать ихъ. Позже безчисленные варвары, германцы и сарматы приводились, наполовину добровольно, наполовину силою, на римскую почву и распредѣлялись между землевладѣльцами въ качествѣ вѣчныхъ держальцевъ на помѣстьяхъ послѣднихъ. Такъ, въ рамкахъ колоната встрѣчались различныя племена; разнообразныя источники послужили его образованію. Наконецъ, послѣ того, какъ подобныя частныя и отдѣльныя факты повторялись и множились въ продолженіе жизни нѣсколькихъ поколѣній, когда миллионы семействъ попали въ указанное положеніе, колонатъ какъ бы самъ собою обнаружился среди практическихъ порядковъ финансоваго управленія, и колонны естественнымъ образомъ оказались къ извѣстному моменту занесенными въ росписи земельного налога. Оставалось колонату получить законо-

дательную санкцію, чтобы сдѣлаться правильнымъ и неизмѣннымъ институтомъ.

Послѣднее совершилось въ IV-мъ вѣкѣ; но необходимо внимательно рассмотреть, какъ осуществился этотъ результатъ. Въ кодексахъ мы находимъ сорокъ три императорскихъ постановленія, относящіяся къ колонатамъ. Въ совокупности такихъ многочисленныхъ текстовъ можно было бы надѣяться найти всѣ правила о колонатѣ, открыть, такъ сказать, весь его организмъ. Но мы сейчасъ убѣдимся, какъ много недостаетъ въ кодексахъ необходимыхъ данныхъ, чтобы можно было получить требующійся свѣтъ для выясненія природы всего института.

Въ законахъ отсутствуетъ самое первое, что надо было бы опредѣлить. Если вы будете искать закона, которымъ былъ учрежденъ колонатъ, вы его не найдете. Не сохраняется ни одного закона, въ которомъ бы прямо читалось, что земледѣльцы, накануне еще свободные, становились со дня его обнародованія, колонатами, обязательно и неизбѣжно, и должны оставаться на вѣчныя времена прикрѣпленными къ землѣ. Такого учредительнаго закона въ кодексахъ не находится.

Съ другой стороны, поищите въ нихъ же законодательнаго текста, въ которомъ устанавливалось бы съ точностью, присущею праву, чтѣ такое колонъ, закона, который перечислялъ бы обязанности, на него возлагавшіяся, и права, которыя могли ему предоставляться. Постарайтесь найти постановленіе, которое отчетливо формулировало бы его положеніе, упорядочивало его отношеніе къ владѣльцу, землѣ и государству. Такого органическаго закона о колонатѣ не существуетъ.

Можно еще замѣтить, что среди указанныхъ сорокатрехъ указовъ нѣтъ почти ни одного, который носилъ бы характеръ общаго закона. Все это случайныя, частичныя мѣропріятія или, еще скорѣе, специальныя распоряженія, относящіяся къ отдѣльнымъ группамъ колоновъ. Нѣсколько императорскихъ постановленій въ Кодексѣ Юстиніана могутъ ввести въ заблужденіе. Редакторы свода выписывали изъ прежнихъ указовъ двѣ-три строки, касавшіяся колоновъ, и придавали имъ видъ полнаго законодательнаго акта. Но если мы обратимся за сравнительною провѣркою къ Кодексу Феодосія, то легко убѣдимся, что имѣемъ

дѣло лишь съ отрывками закона, болѣе обширнаго и посвященнаго совсѣмъ другому предмету ¹. Многія изъ такихъ постановленій, въ которыхъ упоминается о колонахъ, издавались не прямо на ихъ счетъ. Въ большей части текстовъ законодатель говоритъ о нихъ только мимоходомъ, разбясняя какое-нибудь дѣло, гораздо болѣе его озабочивавшее.

Беру въ видѣ примѣра древнѣйшій изъ указовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Онъ относится къ 332 г. и обнаруженъ Константиномъ. Текстъ его начинается такъ: «Тотъ, у кого будетъ найденъ колонъ, принадлежащій другому, долженъ будетъ не только возвратить его въ помѣстье гдѣ тотъ родился, но еще и заплатить подать, причитающуюся съ этого колона за время, которое тотъ у него провель» ². Ясно видно, что центръ тяжести разсматриваемаго закона лежитъ въ самыхъ послѣднихъ словахъ. Легко схватить мысль государя: онъ разрѣшаетъ податное недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что колонъ заносился въ регистры земельной подати, какъ съемщикъ участка на крупномъ помѣстьѣ. Мы видѣли еще, что собственникъ земли обязывался передавать въ казну подать колона и отвѣчалъ за ея внесеніе. Тутъ-то и возникалъ вопросъ: если колонъ покидалъ имѣнье и переходилъ въ другое, кто будетъ платить налогъ, старый или новый владѣлецъ? Константинъ рѣшаетъ, что новый, по расчету времени, которое чужой колонъ у него оставался ³.

¹ См. напр. въ кодексѣ Юстиніана (XI, 48) первая три статьи. Первая, въ которой воспрещается налагать на земледѣльцевъ чрезвычайныя барщины въ пору пахоты и уборки, представляетъ отрывокъ изъ закона о барщинахъ вообще и о ихъ распределеніи, который мы находимъ въ цѣльномъ видѣ въ кодексѣ Θεодосія (XI, 16, 4) — Вторая также представляетъ лишь часть одного финансоваго устава. См. *Cod. Theod.* XIII, 10, 3: «de censu sive adscriptione». — Третья отыскивается въ отдѣлѣ кодекса Θεодосія, озаглавленномъ — «De annonae et de tributis», гдѣ и обнаруживается настоящій ея смыслъ.

² *Cod. Theod.* V, 9, 1: «Imp. Constantinus ad provinciales.—Apud quemcumque colonus iuris alieni fuerit inventus, is non solum eumdem origini suae restituat, verum super eodem capitacionem temporis agnoscat». — Слова *capitacionem temporis agnoscat* въ нѣкоторомъ родѣ освѣщаются и выясняются въ кодексѣ Юстиніана (XI, 48, 23). «Omnis temporis, quo apud eum remoratus est, publicas funciones pro eo inferre compelletur».

³ Я часто слышалъ такое толкованіе закона Константина, будто

Почти всѣ императорскія постановленія разсматриваемой категоріи, особенно относящіяся къ IV-му вѣку, носятъ такой характеръ. Они предназначались вовсе не для опредѣленія юридическаго положенія особаго класса людей, но для установки правилъ финансовой системы или администраціи. Въ кодексѣ Юстиніана, который составленъ былъ въ IV-мъ вѣкѣ, двадцать три закона объединены въ специальный отдѣлъ (titulus), озаглавленный — *De colonis*¹. Но перелистайте кодексъ Θεодосія, и вы найдете эти законы, разбросанными по различнымъ рубрикамъ. Дѣло въ томъ, что редакторы кодекса Θεодосія и, тѣмъ болѣе, законодатели IV-го вѣка вовсе не помышляли начертывать правила о колонахъ.

Большая часть императорскихъ конституцій, касавшихся колонновъ, какъ и разсмотрѣнный законъ 332-го года, явились естественнымъ послѣдствіемъ той финансовой мѣры, въ силу которой всѣ колоны оказались занесенными въ книги распределенія поземельной подати.

Императорское правительство могло въ продолженіе трехъ вѣковъ совсѣмъ не заниматься колонатомъ, такъ какъ послѣдній во всю эту эпоху не соприкасался ни съ его судами, ни съ его финансами. Но съ того момента, какъ колонатъ занялъ мѣсто въ официальныхъ писцовыхъ книгахъ, онъ долженъ былъ появиться въ многочисленныхъ инструкціяхъ, которыя центральное вѣдомство посылало своимъ областнымъ органамъ. Часто должностнымъ лицамъ приходилось ставить верховной власти вопросы по поводу измѣненій или сомнительныхъ пунктовъ въ финансовыхъ распоряженіяхъ, къ которымъ могли имѣть отношеніе и колоны. Императоры въ видѣ отвѣтовъ посылали имъ спеціальныя рескрипты. Именно изъ подобныхъ инструкцій и рескриптовъ составляется значительная часть содержанія Кодексовъ. Вотъ, почему колонатъ, о которомъ не приходилось разсуждать юрисконсультамъ, попавшимъ потомъ

въ немъ говорится о человѣкѣ, давшемъ убѣжище бѣглому колону. А на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о собственникѣ, который принялъ на свою землю колону, принадлежавшаго къ другой землѣ, и воспользовался имъ, какъ держальцемъ. Таковъ, очевидно, смыслъ этой статьи, такъ же какъ и статей 3, 8, 12, 14 и 23 въ *Cod. Iust.* XI, 48.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48 (ed. Krueger).

въ Дигесты, занимаетъ довольно видное мѣсто въ Кодексахъ. Вотъ, почему, съ другой стороны, императоры затрагивали колонатъ, лишь поскольکو онъ касался финансоваго управленія.

Возвращаемся къ закону 332 г. Если законодатель и разрѣшаетъ въ немъ только финансовое затрудненіе, тѣмъ не менѣе справедливо, что тѣмъ самымъ въ немъ признается институтъ колоната. Дѣйствительно среди терминовъ, которыми законъ пользуется, встрѣчается одно очень характерное выраженіе. Въ немъ говорится, что колонъ о которомъ идетъ рѣчь, «принадлежитъ другому». Юрисконсулты показывали во второмъ вѣкѣ, что человѣкъ называемый ими *colonus*, былъ совершенно свободенъ, «вовсе не находился въ зависимости отъ землевладѣльца», стало быть, являлся личностью *sui iuris*. Напротивъ, законъ Константина говорить о колонѣ, являвшемся уже *iuris alieni*. Такъ законодатель IV вѣка констатируетъ и допускаетъ социальное положеніе, котораго юрисконсультамъ II-го не было повода касаться.

Константинъ, правда, утверждаетъ, что колонъ, покинувшій помѣстье, гдѣ онъ родился, будетъ возвращенъ на первое мѣсто; но императоръ не заявляетъ, что имъ устанавливается впервые новое правило. Замѣтимъ хорошенько, какъ онъ выражается: «Тотъ, кто держитъ у себя чужого колона, не только будетъ обязанъ возвратитъ его на помѣстье, въ которомъ тотъ родился». Онъ какъ будто хочетъ сказать: до сихъ поръ дѣло ограничивалось такимъ возвратомъ, мы же прибавимъ еще нѣчто. Императоръ въ самомъ дѣлѣ дополняетъ, что налогъ будетъ уплачиваться собственникомъ, который принялъ къ себѣ чужого колона. Стало быть, положеніе, по которому колонъ принадлежалъ къ помѣстью и въ случаѣ бѣгства подлежалъ возвращенію, не было установлено Константиномъ; этотъ императоръ только напоминаетъ о немъ. Онъ не вводитъ, а только сохраняетъ это правило.

Да и какъ бы могъ онъ его не признать? На немъ основана была вся система распредѣленія подати. Правительство требовало съ землевладѣльца уплаты за такое число *capita*, какое опредѣлялось даннымъ количествомъ наличнаго состава земледѣльцевъ на его помѣстьѣ, и оно возлагало на него отвѣтственность за ихъ внесеніе. Въ

обезпеченіе этого оно, конечно, должно было охранять вѣчное пребываніе колоновъ на данной землѣ.

Константинъ говоритъ еще слѣдующее: «Что касается колоновъ, которые пытаются бѣжать, землевладѣльцу дозволяется заковать ихъ въ желѣзо, какъ рабовъ»¹. Легко догадаться, что эта часть императорскаго декрета отвѣчаетъ на прошенія и жалобы, съ которыми помѣщики обращались къ власти по такимъ поводамъ². Они заявляли, что будутъ въ состояніи платить подать лишь при условіи, если имъ гарантируется крѣпость земледѣльческаго населенія. Императоръ дѣйствительно, какъ кажется, отвѣчаетъ имъ, что ихъ колонны принадлежатъ имъ и не должны переходить на другія помѣстья. Онъ обозначаетъ уходъ колона словомъ «бѣгство». Онъ разрѣшаетъ собственнику задерживать колону, пытающагося бѣжать, тѣми же способами, какіе тотъ примѣнилъ бы въ подобныхъ случаяхъ къ своему рабу. Послѣ этого, очевидно, собственникъ уже лишается всякаго повода уклоняться отъ платежей.

Отмѣтимъ еще разъ, что нововведеніе здѣсь заключается не въ запретѣ колонамъ переходовъ съ земли на землю: формально это положеніе и не выражено въ текстѣ закона, оно лишь подразумевается, какъ истина, уже извѣстная и давнымъ давно осуществлявшаяся на дѣлѣ. Нововведеніе заключается лишь въ томъ, что собственнику земли разрѣшается употреблять силу, чтобы удерживать колону на мѣстѣ³.

Въ позднѣйшіе годы императоры нѣсколько разъ провозглашали принципъ, что колонъ не долженъ былъ оставлять земли: «Мы не полагаемъ, говоритъ Валентиніанъ I

¹ *Cod. Theod.* Ibidem: «Ipsos etiam colonos, qui fugam meditantur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet».

² Мы не будемъ разсматривать здѣсь различныхъ способовъ, находившихся въ рукахъ населенія области, чтобы доводить до свѣдѣнія центральнаго правительства о своихъ желаніяхъ и жалобахъ; отмѣтимъ лишь, что законъ, который мы разбираемъ, обращенъ именно «ad provinciales».

³ Одинъ законъ Валентиніана и Валента (*Cod. Iust.* VII, 38, 1), относящійся спеціально къ колонамъ императорскихъ доменовъ, такъ же опредѣленно запрещаетъ имъ сходить съ земли, какъ рабамъ и вольноотпущенникамъ. Текстъ поясняетъ, что въ немъ лишь напѣминается много разъ предписывавшееся правило: «saepenumero praescriptum est».

въ 371 г., чтобы колоны могли свободно уходить съ полей къ которымъ ихъ, безъ сомнѣнія, привязываетъ происхождение и рождение. Если они уходятъ, то будутъ возвращаться и подвергаться наказаніямъ. Собственникъ, который завлечетъ или приметъ къ себѣ чужого колона, не только долженъ будетъ вознаградить законнаго землевладѣльца за потерянный для него трудъ бѣглаго колона, но будетъ еще подлежать штрафу по приговору судьи»¹. Новымъ оказывается въ этомъ законѣ 371 г. опять же не крѣпость колона землѣ его помѣщика, но фактъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности передъ судомъ того помѣщика, который его завлечетъ или приметъ къ себѣ.

Еще нѣсколько позже законъ Θεодосія объявляетъ, что «во всѣхъ провинціяхъ должно соблюдаться правило, установленное предками, что колоны удерживаются на землѣ какъ бы вѣчнымъ правомъ (*quodam aeternitatis iure*). Имъ не позволено ни уходить съ полей, которыми они пользуются, ни забрасывать землю, которую они разъ взяли подъ обработку. Колонъ не можетъ передвигаться, куда хочетъ, какъ человекъ полноправный и свободный. Если онъ покидаетъ землю, владѣлецъ имѣетъ полное право его насильно вернуть»².

Наконецъ въ законѣ 386 г. читаемъ слѣдующее: «Землевладѣлецъ, который завлечетъ къ себѣ и будетъ укрывать

¹ *Cod. Iust.* XI, 53, 1 (ed. Krueger): «Colonos abeundi rure, in quo eos originis agnationisque merito certum est immorari, licentiam habere non posse censemus... Si abscesserint ad aliumve transierint, revocati vinculis poenisque subdantur, maneatque eos poena, qui alienum et incognitum recipiendum esse duxerint... ita ut etiam dominus fundi, in quo alienus fuisse monstrabitur, pro qualitate peccati coercionem subire cogatur... Poena multae, cuius modum in auctoritate iudicis collocamus».

² *Cod. Iust.* XI, 51: «Cum per alias provincias... lex a maioribus constituta colonos quodam aeternitatis iure detineat, ita ut illis non liceat ex his locis, quorum fructu relevantur, abscedere nec ea deserere, quae semel colenda susceperunt».—Законодатель говоритъ здѣсь, что Палестина составляла единственное исключеніе, во всѣхъ же остальныхъ провинціяхъ подобное право было предоставлено землевладѣльцамъ. Онъ постановляетъ теперь, что такое же правило съ тѣхъ поръ будетъ примѣняться въ Палестинѣ, какъ и вездѣ: «Nullus omnino colonorum suo iure vel vagus et liber exsultet, sed exemplo aliarum provinciarum ita domino fundi teneatur, ut sine poena suscipientis non possit abscedere, addito, ut possessionis domino revocandi eius plena tribuatur auctoritas».

чужого колона, заплатитъ штрафъ въ полфунта золотомъ, если колонъ принадлежитъ частному лицу, цѣлый фунтъ, если онъ принадлежитъ императорскому фиску»¹. Здѣсь нововведеніе выражается въ опредѣленіи нормы штрафа и въ удвоеніи его, если дѣло касается императорскаго колона.

Вотъ, какъ колонъ оказался легально прикрѣпленнымъ къ землѣ. Императоры не устанавливали такого порядка, они только допустили и провозгласили его. Они внесли его въ законъ или, по крайней мѣрѣ, въ свои рескрипты пользовавшіеся силою закона, лишь долго спустя послѣ того, какъ онъ постепенно установился самъ собою въ жизни. Первоначально правило это не обладало санкціею, императоры же закрѣпили его угрозою уголовной кары. Интересно обратить здѣсь вниманіе, что наказывался даже не бѣглый колонъ, а землевладѣлецъ, его укрывшій². Такой актъ былъ кражею. Императоры наказывали за него, какъ за всякую другую кражу, возвращеніемъ похищеннаго, вознагражденіемъ за убытки и штрафомъ. Такъ то колонатъ оказался легально установленнымъ почти непредназначенно для законодателя.

Надобно еще прибавить, что мы очень бы ошиблись, если бы предположили, будто уже въ IV-мъ вѣкѣ всѣ колоны были прикрѣплены къ землѣ. Одинъ законъ императора Анастасія показываетъ, что еще въ концѣ V-го рядомъ съ земледѣльцами «записанными» существовали «свободные» колоны. Правда, въ этотъ моментъ имперское законодательство дѣлаетъ шагъ впередъ. Здѣсь оно дѣйстви-

¹ *Cod. Theod.* V, 9, 2: «Quisquis colonum iuris alieni aut sollicitatione suscepit, aut occultatione celaverit, pro eo, qui privatus erit, sex auri uncias, pro eo, qui patrimonialis, libram auri cogatur inferre». — Извѣстно, что на языкѣ того времени *patrimonialis* говорилось обо всемъ, что принадлежало къ императорскому имуществу. Ср. *Cod. iust.* XI, 64, 2. Составитель юстиніанова кодекса сохранилъ этотъ законъ лишь въ той его части, которая относится къ императорскимъ колонамъ. Авторы *interpretatio* объясняютъ, что слова «eum, qui privatus erit» значать «hominem privati»; они прибавляютъ, что *sex unciae* уплачивались господину—«sex uncias domino reddat».

² *Cod. iust.* XI, 51 (законъ Валентиніана II): «Non sine poena suscipientis». — То же самое уже говорится раньше въ одномъ законѣ Валентиніана I. *Ibid.* 53: «Dominus fundi, in quo alienus colonus monstrabitur, coercionem subire cogatur».

тельно беретъ на себя инициативу и создаетъ принципъ рѣшительно новый, учреждаетъ колонатъ, на самомъ дѣлѣ принудительный. Анастасій объявляетъ, что «свободный колонъ, просидѣвшій на одной и той же землѣ тридцать лѣтъ подрядъ, теряетъ послѣ этого право сойти съ данной земли» ¹.

Изъ приведеннаго текста выводятся два заключенія. Во первыхъ, очевидно, можно было оставаться свободнымъ съемщикомъ чужой земли въ продолженіе двадцати девяти лѣтъ. Человѣкъ можетъ сидѣть все это время на той же землѣ, не вступая въ узы колонатныхъ отношеній. Во весь этотъ промежутокъ за нимъ сохраняется право покинуть землю и идти, куда глаза глядятъ. Во вторыхъ, по завершеніи тридцатого года онъ становится колономъ на вѣчныя времена и на той самой землѣ, гдѣ его захватить конецъ этого срока. Этотъ второй пунктъ особенно поразилъ современныхъ историковъ; однако первый заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Второй обнаруживаетъ передъ нами мѣру зависимости, первый долю свободы.

Попытаюсь выяснить себѣ, какъ было приведено императорское правительство къ прикрѣпленію земледѣльца къ землѣ по истеченіи тридцатилѣтняго срока. Нѣкоторые ученые, замѣчая, что та же цифра, тридцать лѣтъ, составляла также предѣлъ давности при завладѣніи недвижимостями, высказали предположеніе, что законодатель приравнялъ здѣсь человѣческія души къ недвижимой собственности. Это—фраза, лишенная смысла. Въ нашихъ текстахъ нѣтъ ни одного выраженія, которое наводило бы на такую идею. Наоборотъ, законодатель высказываетъ мысль, очень мало на то похожую. Онъ объявляетъ, что правило, которое онъ ставитъ, «одинаково выгодно для собственника и для колона» ². Многіе думаютъ, что не надо придавать значенія этимъ словамъ по той причинѣ, что они могутъ быть прямо лживыми. Я съ своей стороны полагаю, что въ исторіи нельзя ничѣмъ пренебрегать, и потому гораздо лучше

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 19: «Alii triginta annorum tempore coloni fiunt, liberi tamen». — Cfr. *Cod. Iust.* Ibid. 23 (законъ Юстиніана): «Anastasiana lex homines, qui per triginta annos colonaria detenti sunt conditione, voluit liberos quidem permanere, non autem habere facultatem derelicta terra in alia loca migrare».

² *Cod. Iust.* XI, 48, 19: «Hoc tam domino, quam agricolis expedit».

присмотрѣться поближе къ тексту, чѣмъ сразу его отбрасывать. Приведенная фраза должна пониматься въ томъ смыслѣ, что императоръ хочетъ заботиться о пользѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Онъ могъ заблуждаться, но мысль его направлялась къ согласованію выгодъ помѣщика и крестьянина. Въ чемъ заключался на самомъ дѣлѣ вопросъ? Свободный земледѣлецъ былъ пущенъ въ помѣстье; онъ сѣлъ на участокъ безъ контракта, безъ точно оговоренныхъ условій найма, не получивъ никакихъ гарантій своего положенія. Въ продолженіе двадцати девяти лѣтъ онъ могъ уйти съ земли по доброй волѣ. Въ продолженіе тѣхъ же двадцати девяти лѣтъ помѣщикъ также могъ согнать его и посадить на его мѣсто другого крестьянина: во весь промежутокъ никакія правовыя обязательства не связывали этихъ людей другъ съ другомъ. Между ними устанавливались отношенія непрочныя, которыя могли быть нарушены интересомъ или капризомъ той или другой стороны. Но можетъ, однако, въ концѣ-концовъ наступить моментъ, къ которому подобныя отношенія въ силу жизненной практики и жизненной давности окажутся настолько утвердившимися, что изъ нихъ можетъ вырасти правовая связь, которая придастъ имъ правильность и постоянство. Законодатель опредѣляетъ этотъ моментъ окончаніемъ тридцатаго года. Онъ, очевидно, думаетъ, что если землевладѣлецъ пожелалъ тридцать лѣтъ держать у себя колона, если колонъ былъ тридцать лѣтъ доволенъ хозяйствовать на томъ же полѣ, если обязательства и права взаимно казались подходящими обоимъ такъ долго, можно было фиксировать положеніе, какъ окончательное на вѣчныя времена при сохраненіи тѣхъ же условій.

Мы говоримъ—на тѣхъ же условіяхъ. Это, въ самомъ дѣлѣ выражено въ достаточно ясныхъ словахъ въ законѣ Анастасія. Колонъ, который вступилъ свободнымъ на землю, «долженъ оставаться свободнымъ». Юстиніанъ, объясняя указъ своего предшественника, говоритъ, что это означаетъ «запрещеніе ставить колона въ положеніе, худшее, чѣмъ прежнее», что «нельзя будетъ требовать ни съ него, ни съ его дѣтей ничего лишняго», что «землевладѣлецъ не имѣетъ больше права увеличивать его оброкъ»¹. Такимъ

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 23: «Cum Anastasiana lex... voluit liberos

образомъ, по истеченіи тридцатилѣтней давности крестьянинъ-держатель не попадаетъ въ новое положеніе, но остается въ томъ же самомъ, въ какомъ прожилъ по доброй волѣ тридцать лѣтъ, обрабатывая ту же землю и продолжая вносить тѣ же поборы.

Въ такомъ свѣтѣ можно легко понять мысль императора Анастасія. Можетъ быть «выгоднымъ для собственника» сохранить навсегда у себя земледѣльца. Можетъ быть «выгодною и для колона» увѣренность сохранить за собою клочокъ земли, на которомъ онъ работалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, который онъ, можетъ быть, самъ расчистилъ, на которомъ сдѣлалъ самъ улучшенія, на которомъ онъ, конечно, посадилъ плодовые деревья и выстроилъ себѣ домъ. До послѣдняго дня тридцатаго года каждый изъ нихъ могъ свободно порвать связь, которая соединяла его съ другимъ. На будущее же время связь эта становилась нерасторжимою.

Не будемъ судить объ этихъ вещахъ по нашимъ современнымъ понятіямъ и вкусамъ. Совершенно справедливо, что въ наши дни, если бы законодателю пришлось регулировать подобное положеніе, онъ разрѣшилъ бы дѣло въ сторону полной свободы, т.-е., измѣнчивости. Онъ былъ бы правъ, такъ какъ такое рѣшеніе соотвѣтствовало бы общимъ потребностямъ и склонностямъ всѣхъ. Но въ V-мъ в. законодатель иначе формулировалъ вопросъ, потому что понятія, царствовавшія тогда въ умахъ, отличались отъ нашихъ. Возможно, что большая часть землевладѣльцевъ была довольна этимъ мѣропріятіемъ, которое, однако, отнимало у нихъ возможность выдворять сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ. Очень возможно также, что огромное большинство колоновъ приняло съ радостью такой выходъ, который обезпечивалъ имъ ихъ надѣлы, хотя бы съ запрещеніемъ ихъ мѣнять. Сердце крестьянина не такъ устроено, чтобы законъ, привязывавшій его къ его полю, показался бы ему сразу несправедливымъ и жестокимъ. Нѣкоторые изъ нихъ, возможно, предпочитали свободу пере-

permanere... Sancimus liberos eorum *nullo deteriore conditione* praegravari... Caveant domini aliquam *innovationem* vel violentiam eis inferre... Rector provinciae provideat veterem consuetudinem in *redtibus praestandis* eis observare».

хода; но у послѣднихъ оставалось средство не переступить за двадцатидевятилѣтній срокъ. Особенно же убѣждаетъ меня въ томъ, что новый законъ не очень затрогивалъ умы, интересы, привычки большинства, наблюденіе, что вѣчность колонатныхъ отношеній сама собою уже установилась въ жизни въ теченіе трехъ вѣковъ. Она стала обычнымъ аграрнымъ порядкомъ на тысячахъ помѣстій, и въ формахъ ея вылился бытъ миллионовъ семействъ земледѣльческаго населенія имперіи. Законъ Анастасія только распространилъ на небольшое число новыхъ людей социальное положеніе, захватившее большія массы.

ГЛАВА VII.

Положеніе колоновъ съ точки зрѣнія права.

Историку важно было бы составить себѣ точное и полное понятіе о колонатѣ; но здѣсь возникаетъ затрудненіе: кодексы, единственный памятникъ, въ которомъ можно было бы почерпнуть отвѣтъ на этотъ вопросъ ¹,—содержать лишь небольшую часть законовъ, которые регулировали колонатъ. Причина этого легко опредѣляется. Не законодатель создалъ колонатъ. Онъ лишь призналъ его существованіе и сдѣлалъ это довольно поздно. Онъ призналъ колонатъ, какъ институтъ уже древній, происхожденіе котораго было даже неизвѣстно ему, который онъ считалъ «учрежденнымъ предками». Разсматривая колонатъ, какъ древній, всѣмъ извѣстный и неоспоримый порядокъ, законодатель ограничился общимъ предписаніемъ, чтобы всѣ соблюдали его правила; но ему не приходило въ голову записать эти правила; вотъ почему мы и не находимъ въ кодексахъ полной картины колоната.

Мы уже видѣли, что императоры занимались колонатомъ, только когда надо было отвѣчать на вопросы спеціальнаго характера. Ихъ постановленія относятся лишь къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, связаннымъ съ колонатными отношеніями и возбуждавшимъ споры. Если они и

¹ Можно къ нимъ прибавить еще нѣсколько строкъ у бл. Августина (*De civitate Dei*, X, 9), затѣмъ неопредѣленный отрывокъ изъ Сальвіана (*De gubernatione Dei*, V, 8; 9) и одно письмо Сидонія Аполлинарія.

упоминають нѣкоторыя изъ основныхъ положеній, то только чтобы назначить наказанія за проступки, ихъ нарушавшіе.

Оказывается, что проступкомъ, которымъ чаще всего приходилось заниматься императорамъ, было бѣгство колоновъ. Это не значитъ, что не существовало другихъ возможныхъ незаконныхъ дѣйствій, которыя бы они совершали, или другихъ правилъ, которыя могли нарушаться колономъ или землевладѣльцемъ; это значитъ только, что бѣгство колона всего болѣе затрагивало правительство. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ государство производило податную расцѣнку на основаніи количества сидѣвшихъ въ помѣстьяхъ колоновъ, то случаи бѣгства послѣднихъ всего раньше доводились до свѣдѣнія его органовъ, и оно естественно должно было высказываться о такого рода фактахъ. Другія правила о колонатѣ могли признаваться государствомъ не менѣе священными, но именно это обстоятельство заставляло его особенно часто напоминать своимъ чиновникамъ о необходимости ихъ вмѣшательства. Потому-то въ положеніи колона мы лучше всего знаемъ именно эту сторону—запрещеніе ему уходить съ земли, на которой онъ сидѣлъ. Отсюда возникло невѣрное представленіе о колонатѣ. Вообразили, что прикрѣпленіе къ землѣ одно и составляло всю сущность колоната. Стали думать, что можно дать полное опредѣленіе понятія «колонъ», указавъ лишь, что это былъ человекъ, насильно прикрѣпленный къ землѣ, которую онъ обрабатывалъ поневолѣ. Такой взглядъ—неточенъ. Прикрѣпленіе къ землѣ являлось только однимъ изъ правилъ о колонатѣ. Рядомъ съ нимъ существовали другія, о которыхъ мы знаемъ меньше, или которыя даже совсѣмъ ускользаютъ отъ насъ. Колонатъ, какъ всякое живое явленіе, былъ очень сложнымъ организмомъ. Историкъ принужденъ глубоко сожалѣть о томъ, что ему не удастся возстановить всѣ его органы. Но онъ можетъ ухватить или, по крайней мѣрѣ, примѣтить нѣкоторые изъ нихъ.

Прежде всего, надо указать, что существовало нѣсколько видовъ колоновъ. Одни изъ нихъ назывались *originarii* или *originales*¹; такое имя придавалось имъ потому, что частное

¹ *Cod. Theod.* V, 10: «Si quis colonus originalis». — *Ibidem*: «Si

владѣнье, на которомъ они сидѣли, являлось мѣстомъ ихъ происхожденія; оно было ихъ родною землею, *genitale solum*¹. Ясно само собою, что данный терминъ прилагался лишь къ тѣмъ изъ колоновъ, семьи которыхъ пребывали на помѣстьѣ въ продолженіе жизни нѣсколькихъ поколѣній. Въ другихъ случаяхъ колоны обозначаются словами *censiti* или *adscripti*: мы выше опредѣлили смыслъ такихъ выраженій. Звали ихъ также *tributarii*, потому что они вносили подушную подать (*tributum capitis*)². Другихъ тексты именуютъ просто *coloni*, и послѣдніе отличаются и отъ *originales*, и отъ *adscripticii*. Еще другіе, наконецъ, носили имя *inquilini*; слово это, которое первоначально обозначало простыхъ жильцовъ (нанимателей жилища), впослѣдствіи стало прилагаться къ людямъ, которые были во всѣхъ отношеніяхъ похожи на колоновъ³.

Не думаю, чтобы всѣ эти термины были однозначущими съ самаго начала. Одинъ законъ 371 г. ясно показываетъ, что колонъ не всегда былъ *tributarius*⁴. Одинъ законъ Гонорія выясняетъ, что не всѣ колоны были *adscripticii*⁵; наконецъ, еще одинъ обнаруживаетъ, что среди «адскрип-

quis originarius».—Сближеніе приведенныхъ двухъ отрывковъ одного и того же закона хорошо показываетъ, что оба термина были синонимичны.—См. еще *Cod. Iust.* XI, 48, 7; 11; XI, 67, 1.

¹ *Cod. Theod.* V, 9, 1: «Colonum origini suae restituat». — *Ibid.* V, 10, 1: «Ad solum genitale repetitus est».

² *Cod. Theod.* V, 12, 2: «Si quis tributarius fugitivus reperitur, ad eum protinus redeat, cuius se esse profireatur». — *Ibid.* XI, 7, 2 (законъ 319 г.): «Vel colonus, vel tributarius». — *Cod. Iust.* XI, 53, 3: «Si cuiuslibet tributarius iunxerit sibi tributariam uxorem». — *Ibid.* XI, 48, 12: «Vel tributarios vel inquilinos apud dominos volumus remanere».

³ Уже со времени юрисконсульта Марціана мы встрѣчаемъ «*inquilinos, qui praediis adhaerent*» (*Dig.* XXX, 1, 112). Одинъ законъ 371 г. (*Cod. Iust.* XI, 53, 1) произноситъ, что они не могутъ такъ же, какъ и колоны, уходить съ земли. Наконецъ мы читаемъ въ законѣ 400 г. (*Cod. Iust.* XI, 48, 13) слѣдующее: «*Inter inquilinos colonosve, quorum quantum ad originem pertinet, vindicandam indiscreta eademque praene videtur esse conditio, licet sit discrimen in nomine*». — Отмѣтимъ, впрочемъ, въ текстѣ слово *praene*, которое доказываетъ, что смѣшеніе обоихъ терминовъ не было еще полнымъ.

⁴ *Cod. Iust.* XI, 53, 1: «*Non tributario nexu, sed nomine et titulo colonorum*». — Тоже въ законѣ 319 г. *Cod. Theod.* XI, 7, 2: «*Vel colonus, vel tributarius*».

⁵ *Cod. Iust.* XI, 50, 2: «*Coloni dumtaxat adscripti*».

тиціевъ» образовались различія или оттѣнки ¹. Еще въ концѣ V-го вѣка, законъ Анастасія удерживаетъ глубокую разницу между колонатами и всѣми тѣми, которыхъ называли *adscripti*. Изъ всего указаннаго выводится вѣроятное заключеніе, что въ составѣ колоната намѣчалось нѣскольکو категорій или ступеней ². Это, впрочемъ, было совершенно неизбѣжно, такъ какъ колонатъ сложился, свободно отъ всякаго воздѣйствія и регламентаціи законодательной власти, серіями безчисленнаго множества единичныхъ фактовъ, которые могли походить другъ на друга лишь отчасти. Такіе оттѣнки нелегко устанавливаются вслѣдствіе скудости документовъ. Имѣющихся данныхъ достаточно лишь для того, только, чтобы утверждать, что колонатъ не былъ институтомъ вполне установившимся и единымъ. Подъ однимъ общимъ именемъ развивалось нѣскольکو соціальныхъ положеній, которыя могли сильно различаться между собою. Они отклонялись другъ отъ друга и по эпохамъ, и по провинціямъ, часто даже внутри того же помѣстья, смотря по происхожденію колона и по силѣ частныхъ договоровъ и соглашеній ³.

Сдѣлавъ эту оговорку, мы попробуемъ схватить черты, общія всѣмъ указаннымъ группамъ людей и характеризующія колонатъ ⁴.

Колонъ былъ человѣкомъ свободнымъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что его никогда не смѣшивали съ рабомъ. Въ пяти десяткахъ императорскихъ указовъ, въ которыхъ опредѣляется ихъ юридическое положеніе, нѣтъ ни

¹ Это вытекаетъ изъ словъ: «Omnes adscripticios colonos sine ullo conditionis discrimine» (*Cod. Iust.* XI, 48, 6). Не забудемъ, кромѣ того, что существовали и рабы, которыхъ называли *adscripticii*.

² Это можно вывести хотя бы даже изъ однихъ слѣдующихъ словъ въ кодексѣ Юстиніана (XI, 48; 20): «Si coloni cuiuscunque conditionis».

³ Нужно, впрочемъ, сказать, что оттѣнки эти постепенно стерлись. Одно письмо Сидонія Аполлинарія (V, 19) показываетъ, что термины *originarius*, *inquilinus*, *tributarius* и *colonus* сдѣлались синонимами. Правда, Сидоній не стремится къ точности языка и не придерживается очень тщательно истиннаго смысла словъ, и я не могу различить, съ своей стороны, былъ ли человѣкъ, о которомъ онъ говоритъ, земледѣльческимъ рабомъ или колономъ.

⁴ Ср. *Walton*, Histoire de l'esclavage, кн. V и VII, и еще ст. *Humbert*, въ «Dictionnaire des antiquités» подъ словомъ *Colonat*. — См. также *Campana*, Etude sur le colonat.

одного, гдѣ бы онъ назывался *mancipium* или *servus* ¹. Его званіе свободнаго человѣка нѣсколько разъ напоминаетъ. Одинъ законъ 371 г. перечисляетъ, какъ три отдѣльные класса, — колоновъ, рабовъ и вольноотпущенниковъ. Онъ отчетливо отдѣляетъ колоновъ отъ рабовъ и скорѣе сближаетъ вольноотпущенниковъ съ «свободными колонами» ². Одинъ законъ 332 г., направленный къ запрещенію бѣгства колоновъ, позволяетъ господину заковывать его въ цѣпи: по отношенію къ рабу незачѣмъ было бы и давать такое позволеніе. Въ законѣ сказано очень ясно, что бѣглаго колона можно будетъ заковывать, «какъ раба» ³; и слова эти достаточно показываютъ, что колонъ не рабъ. Онъ наконецъ прибавляетъ очень выразительное соображеніе: «Пусть въ такомъ случаѣ колоны, если отваживаются на бѣгство, несутъ тѣ же повинности, которыя они выполняли раньше въ качествѣ свободныхъ людей, теперь въ силу наказанія, достойнаго рабовъ» ⁴.

Въ другомъ законѣ, изданномъ въ 400 г., въ которомъ говорится о людяхъ, обращающихся въ колоновъ, специально устанавливается, что нельзя будетъ спускать ихъ до рабскаго состоянія; въ немъ добавляется, что можно будетъ «требовать съ нихъ только такихъ работъ, которыя производятся свободными людьми» ⁵. Еще позже Валентиніанъ III, говоря о колонѣ, утверждаетъ, что тотъ не можетъ уходить съ земли; но императоръ въ то же время постановляетъ, что колонъ сохраняетъ свою *ingenuitas*, то-есть, полное право свободно-рожденности ⁶. Тотъ же императоръ опредѣленно отличаетъ колона отъ раба, и что еще замѣ-

¹ Смыслъ словъ *servi terrae* (въ *Cod. Iust.* XI, 52, ed. Krueger) толковался невѣрно. Слѣдовало бы обратить вниманіе на слѣдующее: 1) выраженіе *servus terrae* никогда не прилагалось къ рабамъ; 2) въ текстѣ стоитъ глаголь *existimentur, aestimentur*. Теодосій только говоритъ: «Смотрите на нихъ, какъ на рабовъ земли».—Онъ не говоритъ: «они—рабы».

² *Cod. Iust.* XI, 53, 1.

³ *Cod. Theod.* V, 9, 1: «In servilem conditionem ferro ligari».

⁴ *Cod. Theod.* V, 9, 1: «Ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere».

⁵ *Ibid.* V, 4, 3: «Non alio iure quam colonatus... Opera eorum libera terrarum domini utantur... Nulli liceat eos in servitutem trahere».

⁶ *Novell. Valentin.* XXX, 5: «Salva ingenuitate licentiam non habeant recedendi».

чательнѣе, отличаетъ колонатъ, который представляетъ «узами», отъ рабства, которое называетъ особымъ «состояніемъ личности»¹.

Приведемъ еще одинъ законъ, выраженія котораго особенно энергичны. Съ одной стороны, въ немъ объявляется, что колоны настолько тѣсно связаны съ почвою, что «надобно смотрѣть на нихъ, какъ на рабовъ земли»; но съ другой, тутъ же констатируется, что, какъ «всѣмъ извѣстно», по рожденію они—свободны, *ingenui*². Еще въ концѣ пятого и въ началѣ шестого вѣка, Анастасій и Юстиніанъ объявляютъ совершенно опредѣленно, что колоны—свободные люди и остаются свободны на занятой землѣ³. Даже Сальвианъ въ довольно риторическомъ отрывкѣ, въ которомъ онъ говоритъ о колонахъ, признаетъ, что никто не оспариваетъ у нихъ званія свободныхъ людей: *constat esse ingenuos*⁴.

Ясно подтверждается сохраненіе за колономъ свободы тѣмъ обстоятельствомъ, что его нельзя было продавать, какъ раба. Кодексы выражаютъ эту мысль въ формѣ запрещенія отчуждать колоновъ безъ земли. Въ существѣ дѣла это

¹ *Ibid.* § 6: «Mulieres, a quibus coniunctio est appetita servorum vel colonorum... Filios earum aut colonario nomine, aut servos; ita ut illos nexu colonarius teneat, hos conditio servitutis».

² *Cod. Iust.* XI, 52, 1 (законъ Θεодосія): «Licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae, cui nati aëstimentur». — Слова эти понимались невѣрно. *Videantur* переводили — «кажется, что они». Но это противорѣчитъ смыслу глагола *videor* въ томъ его употребленіи, какое установилось въ IV вѣкѣ. Онъ обозначалъ тогда понятіе очевидности и говорилъ о томъ, что было ясно, видно, а не о томъ, что казалось, предполагалось. Оно стало равносильно греческому φανερόν. — Фактъ такой перемѣны значенія даннаго слова, который не можетъ ускользнуть отъ того, кто внимательно читалъ памятники эпохи, недавно былъ хорошо показанъ на примѣрѣ изученія одного изъ ея авторовъ Гельцеромъ (*Gælzer, Observationes grammaticae in Sulpicium Severum*). Тотъ же изслѣдователь еще подтверждаетъ такое наблюденіе въ другой своей работѣ—«*La latinité de St. Jérôme*, стр. 423—424. — Приведенную фразу изъ кодекса Θεодосія слѣдуетъ поэтому точно переводить такимъ образомъ: «Эти колоны, хоть и хорошо извѣстно, что по своему положенію они свободны, должны, однако, разсматриваться, какъ рабы земли, для которой они рождены».

³ *Cod. Iust.* XI, 48, 23: «Liberos permanere... esse in perpetuum liberos».

⁴ *Salvian.* De gubern. Dei, V, 9, 45 (ed. Halm, p. 63).

и обозначаетъ, что личность колона не продавалась никогда. Каждый разъ, какъ мы читаемъ о продажѣ колона или передачѣ его по завѣщанію, надобно понимать это въ томъ смыслѣ, что переходила въ другія руки собственность на участокъ земли, который колонъ обрабатывалъ. Не существовало колонскихъ рынковъ, какъ существовали рабскіе.

Могъ ли колонъ попасть въ рабство? Нѣкоторые отвѣчали на это утвердительно, но въ текстахъ я этого не вижу. Законъ, допускающій господину заковать колону ноги какъ рабу, разъ съ его стороны замѣчено поползновеніе бѣжать, не говоритъ однако, что тѣмъ самымъ колонъ обращается въ рабство со всѣмъ своимъ потомствомъ ¹.

Изъ памятниковъ римскаго права нельзя также вывести, что бы колона можно было освободить, какъ раба. Дѣйствительно, какъ же могло бы имѣть мѣсто освобожденіе тамъ, гдѣ не было рабства? Юстиніанъ противопоставляетъ рабу, котораго господинъ можетъ освободить черезъ *manumissio*, колона, котораго онъ можетъ вывести изъ-подъ своей власти, лишь отчуждая отъ нея также землю, на которой тотъ сидѣлъ ².

¹ Эмберъ (*Humbert у Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités, I, p. 1325) утверждаетъ, что колона можно было превратить въ настоящаго раба черезъ посредство уголовной кары. Авторъ ссылается на *Cod. Theod.* V, 9, 1. — Но въ этомъ законѣ сказано только: «Qui fugam meditatatur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet». — Здѣсь дозволяется лишь принять мѣру предосторожности: преступленіе бѣгства вѣдь даже не было тутъ совершено. «Ligari in servilem conditionem», мнѣ кажется, не указываетъ на обращеніе въ рабство. Правда, что въ *interpretatio* къ этому закону мы читаемъ: «In servitium redigatur». — Но это толкованіе принадлежитъ къ времени, на 70 лѣтъ позднѣйшему, чѣмъ редакція кодекса и почти на два вѣка позднѣе, чѣмъ законъ Константина.

² Это вытекаетъ изъ различія, устанавливаемого законодателемъ между способами, какими господинъ разстается съ рабомъ и съ колономъ: «Cum possit servum manumittere et adscripticium cum terra dominio suo expellere» (*Cod. Iust.* XI, 48, 21). — Возможно, впрочемъ, что нѣкоторый видъ освобожденія существовалъ и для колона; на него какъ будто указываетъ одно письмо Сидонія Аполлинарія (V, 19). Но и то отмѣтимъ, что авторъ не прибѣгаетъ къ слову, которое обозначало освобожденіе раба (*manumittere*). Этотъ вопросъ объ освобожденіи отъ колоната представляетъ собою одинъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ предмета, и у насъ нѣтъ данныхъ для его выясненія. Можетъ быть, истиннымъ способомъ освободить колона было просто отпустить его и дать пройти безъ протеста и розыска промежутку въ 30 лѣтъ. Тогда чело-

Еще болѣе характеристиченъ фактъ, что бракъ между колономъ и рабынею или рабомъ и колонкою разсматривался какъ союзъ между классами неравными точно такъ же, какъ союзъ между рабынею и гражданиномъ. Въ принципѣ такіе браки запрещались. Законъ терпѣлъ ихъ фактически, лишь отказывая имъ въ правахъ, соединенныхъ съ законнымъ бракомъ. Дѣти, которые рождались отъ подобнаго сожительства, не признавались дѣтьми отца. Они наслѣдовали соціальному положенію матери, *ventrem sequuntur*. Это правовое положеніе показываетъ различіе, которое легально отдѣляло колоната отъ рабства.

Колонъ, стало быть, обладалъ гражданскими правами свободнаго человѣка. Онъ женился, необязанный, какъ рабы, испрашивать у господина разрѣшенія на вступленіе въ бракъ; если онъ избиралъ въ супруги женщину изъ своего класса, союзъ его съ нею признавался такимъ же законнымъ бракомъ, какъ и заключавшійся между гражданами. Его жена была не *contubernalis*, а *uxor*. Его дѣти принадлежали ему¹. Онъ пользовался правами отеческой власти, и, значитъ, дѣти наслѣдовали ему, Послѣ смерти колона имущество его не переходило по праву въ собственность господина, какъ имущество раба. Онъ могъ приобрѣтать и

вѣкъ переставалъ быть колономъ. Правда, впрочемъ, одинъ законъ въ Кодексѣ Юстиніана (XI, 48, 23) отвергаетъ по отношенію къ колону всякую давность; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, во-первыхъ, законъ этотъ принадлежитъ только Юстиніану; во-вторыхъ, мнѣ не кажется, что онъ направленъ противъ господина, который самъ хотѣлъ освободить своего колона. Отмѣтимъ себѣ, что вернуть бѣглаго колона можно лишь по требованію господина. Мы склонны думать, впрочемъ, безъ всякой увѣренности, что для колона существовало лишь фактическое, не юридическое освобожденіе.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 21: «Ne diutius dubitetur, si quis ex adscripticia et servo vel adscripticio et ancilla fuisset editus, cuius status sit, vel quæ peior fortuna sit, utrum adscripticia an servilis... matris suae ventrem sequatur et talis sit conditionis, qualis genitrix fuit». — Ср. *Ulpian. Fragm.* V, 8.

² Такое именно правовое положеніе выводится само собою изъ правила, по которому въ случаѣ брака колона съ колонкою изъ другого помѣстья, двѣ трети потомства оставались въ рукахъ отца и только на одну треть могъ претендовать господинъ. — *Cod. Theod.* V, 10. См. по этому пункту *interpretatio* къ указанному закону (*edit. Haepel*, p. 475). Если бы дѣло шло о незаконномъ бракѣ, всѣ бы дѣти слѣдовали за матерью.

владѣть. Даже владѣніе землею, совершенно недопустимое для раба, было открыто для колона, разумѣется, за исключеніемъ участка, на которомъ онъ сидѣлъ: послѣдній всегда оставался собственностью господина ¹. Колонъ могъ отчуждать и передавать свою собственность, лишь бы только эти акты совершались свѣдома господина ². Никакой законъ не воспрещалъ колону вчинать иски или обвиненія на судѣ. Онъ представлялся на судѣ и въ качествѣ свидѣтеля. Онъ самъ защищался на судѣ. Онъ имѣлъ даже право вести тяжбы съ господиномъ. Константинъ формально это разрѣшаетъ ³; Аркадій, позже, возмущается противъ существованія подобнаго права у колона по отношенію къ господину, но и онъ не уничтожаетъ его ⁴. Церковь устанавливаетъ также различіе между колономъ и рабомъ. Рабъ никогда не могъ вступить въ духовное званіе, даже съ разрѣшенія господина ⁵; колонъ же могъ сдѣлаться сеященникомъ, разъ господинъ давалъ на то согласіе ⁶. Стало быть, колонъ никогда въ правѣ не смѣшивался съ рабомъ.

Но на практикѣ, первый во многихъ точкахъ соприкасался со вторымъ. Если рабъ не могъ покинуть господина, колонъ не могъ покинуть земли. Его связь съ землею была такою же тѣсною, какъ связь раба съ господиномъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ землѣ, «для которой родился» ⁷. Онъ долженъ былъ «вѣчно служить ей» ⁸. Онъ

¹ Одинъ законъ 342 г. (*Cod. Theod.* XII, 1, 33) обнаруживаетъ колонувъ, владѣвшихъ собственностью («*privato dominio possident*») болѣе чѣмъ по 25 югеровъ земли.—Новелла Юстиніана (128, 4) также говоритъ о колонахъ, у которыхъ имѣется «*propria possessio*».

² Это вытекаетъ изъ закона Валентиніана I, который, напомнивъ, что колоны ни въ какомъ случаѣ не могутъ отчуждать участки, на которыхъ они сидятъ, какъ таковые, прибавляетъ, переходя къ землямъ, которыми они могутъ владѣть, какъ собственностью: «*Si quae propria habeant, inconsultis atque ignorantibus patronis in alias transferre non liceat*» (*Cod. Theod.* V, 11, 1).

³ *Cod. Iust.* XI, 50, 1.

⁴ *Ibid.* XI, 50, 2.

⁵ *Ibid.* I, 3, 36: «*Servos sociari clericorum consortiis, volentibus quoque et consentientibus dominis, modis omnibus prohibemus*».

⁶ *Ibid.* I, 3, 36 (De episcopis): «*lubemus adscriptorum creationes, nisi dominorum possessionum, unde oriundi sunt, concurrerit consensus, nullius penitus esse momenti*».

⁷ «*Loco, cui natus est*» (*Cod. Theod.* V, 10, 1).

⁸ «*Inserviant terris*» (законъ 371 г. въ *Cod. Iust.* XI, 53, 1). — «*lure colonario serviturus*» (*Novell. Valent.* XXX, 1).

являлся «человѣческой личностью, обязанною и подчиненною землѣ». Можетъ быть, не слѣдуетъ понимать всѣ эти выраженія въ буквальномъ смыслѣ, помня приподнятый стиль кодексовъ ¹. Тѣмъ не менѣе остается очень характернымъ, что законодатель прилагаетъ къ колонамъ термины, которые кажутся подходящими только къ рабамъ.

Скоро мы видимъ даже, что терминъ «рабъ» начинаетъ прилагаться къ колону, хотя бы метафорически. «Разсматривайте его, говоритъ законодатель, какъ раба земли». «Онъ отданъ землѣ въ нѣкоторый видъ рабства», повторяетъ онъ еще разъ ². Такъ, въ языкѣ и въ понятіяхъ людей извѣстный признакъ рабскаго состоянія мало-по-малу связался съ образомъ колона.

По закону онъ свободенъ, свободенъ онъ и по природѣ; но онъ похожъ на раба въ своей смиренной ежедневной жизни. Необходимо усиліе мысли, чтобы замѣтить, что онъ не рабъ. Мало-по-малу теряется привычка видѣть въ немъ свободного человѣка. Законы, продолжая по прежнему отличать его отъ раба, двигаясь по естественной наклонной плоскости, придуть, къ тому, что будутъ отличать его и отъ свободного человѣка. Дѣйствительно, въ текстахъ колону такъ же часто противоплагаются свободнымъ (*liberi*), какъ и рабамъ (*servi*) ³. Съ конца IV-го вѣка уже не допускается, чтобы женщина-колонка выходила за свободного человѣка; такой союзъ уже не признавался съ тѣхъ поръ законнымъ бракомъ, и потому дѣти, отъ него происшедшіе, наследовали состоянію матери ⁴. Законодатель кончитъ

¹ Отмѣтимъ также, что на языкѣ V вѣка слово *servire* уже потеряло точное первоначальное значеніе «быть рабомъ».

² *Cod. Iust.* XI, 50, 2: «Paene est, ut quadam servitute dediti videantur».—Въ другомъ мѣстѣ колона называютъ «iuri agrorum debita persona» (*Cod. Theod.* X, 20, 10).—«Debentur solo» (*Ibid.* V, 10, 1).

³ *Cod. Iust.* XI, 48, 16—24.—*Cod. Theod.* V, 12, 2.

⁴ *Cod. Iust.* XI, 68, 4 (законъ Валентиніана и Граціана): «Ex ingenuo et colonis ancillisque nostris natos natasve origini, ex qua matres eorum sunt, facies deputari».—Юстиніанъ напоминаетъ, какъ старый законъ, положеніе «ut progenies, quae ex mulieribus adscripticiis et viris liberis progenita sit, sit adscripticia proles» (*Cod. Iust.* XI, 48, 21.—Cfr. *Ibid.* XI, 48, 24).—Новелла Юстиніана XXII (§ 17) произноситъ безусловное запрещеніе браковъ между *libera* и *adscripticius*. Такая строгость объясняется тѣмъ, что, по общеустановленному порядку для незаконныхъ сожителствъ, дѣти въ такихъ случаяхъ становились бы свободными, какъ мать, а законодатель не

тѣмъ, что будетъ утверждать, будто почти ужъ не видно никакой разницы между рабомъ и колономъ ¹. Такимъ образомъ, колонатъ, который не былъ рабствомъ, не остался вмѣстѣ съ тѣмъ и свободой. Онъ превратился въ состояніе промежуточное между свободою и рабствомъ.

По крайней мѣрѣ, одной свободы не достаеът колону, свободы выхода изъ помѣстья, къ которому онъ прикрѣпленъ. «Онъ не можетъ быть отдѣленъ отъ земли даже на одну минуту» ². Если онъ ее покидаетъ, такое дѣйствіе колона квалифицируется какъ бѣгство, и оно составляетъ наказуемый проступокъ ³. Землевладѣлецъ получалъ право его преслѣдовать, разыскивать; онъ могъ схватить колона и возвратить его на землю. Органы государственнаго управленія обязаны были оказывать активное содѣйствіе такому землевладѣльцу при отстаиваніи имъ своихъ правъ: «Провинціальныя намѣстники, гласить законъ, должны принуждать бѣглыхъ колоновъ возвращаться на поля, гдѣ они родились» ⁴.

Колонъ оказался настолько связанъ съ землею, онъ сталъ отъ нея настолько неотдѣлимъ, что, по очень естественной ассоціаціи понятій, человѣкъ, бывший владѣльцемъ земли, началъ разсматриваться тѣмъ самымъ и владѣльцемъ колона. Этотъ колонъ въ силу его прикрѣпленія къ землѣ,

хотѣлъ, чтобы колонъ производилъ такое потомство, которое ускользало бы отъ колоната.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 21: «Quae enim differentia inter servos et adscripticios intelligitur, cum uterque in domini sui positus sit potestate?» — Мы должны отмѣтить, что данную статью иногда понимали невѣрно. Юстиніанъ не говоритъ, что нѣтъ разницы между колономъ и рабомъ: напротивъ, именно приведенная статья задается цѣлью установить такое различіе, притомъ значительное, и въ ней запрещаются браки между людьми обоихъ этихъ состояній. Онъ только хочетъ указать послѣдними словами, что разъ будутъ допущены такіе браки, исчезнетъ разница между колономъ и рабомъ: «Quae differentia intelligitur?»

² *Cod. Iust.* XI, 48, 15: «Non poterant ab agris momento amoveri».

³ *Ibidem.* XI, 53, 1: «Revocati vinculis poenisque subdantur». — Необходимо отмѣтить, что бѣглые колоны подвергались наказаніямъ со стороны господъ. Мы никогда не видимъ, чтобы государство само брало на себя ихъ наказывать, и оно не назначало имъ кары. Государство подвергало наказанію лишь землевладѣльца, который ихъ укрывалъ.

⁴ *Cod. Iust.* XI, 48, 7 (законъ 366 г.).

хоть и признаваясь свободнымъ, сдѣлался предметомъ собственности. Имъ владѣють¹. Два собственника могутъ вести тяжбу о «владѣніи» колономъ². Законъ отличаетъ даже виды такого владѣнія: онъ ставитъ, на примѣръ, того, кто является такимъ владѣльцемъ колона лишь «*bona fide*» особо отъ того, кто есть его полный законный «собственникъ»³. Два человѣка спорятъ между собою въ судѣ, а колонъ долженъ оставаться въ сторонѣ отъ процесса, результатъ котораго, впрочемъ, для него почти безразличенъ⁴. Такъ колонъ сдѣлался частью земельного имущества. Одинъ сталъ непонятнымъ безъ другого, и къ обоимъ начало примѣняться одно и то же право. Когда хозяинъ колона, бѣжавшаго или похищеннаго, требуетъ и беретъ его назадъ, очевидно, что онъ опирается на право собственности.

Такая собственность терялась, какъ и другіе ея виды, въ силу давности. Если колонъ скрывался, и собственникъ пропускалъ тридцать лѣтъ, не дѣлая никакого заявленія о пропажѣ, или самъ не находилъ его за этотъ промежутокъ, онъ терялъ всякое право на колона⁵.

Когда кодексы говорятъ—«колонъ», мы должны хорошо понимать, что подъ этимъ именемъ разумѣются и мужчины, и женщины, находящіеся въ извѣстномъ социальномъ положеніи. Вся семья земледѣльца вступала при данныхъ условіяхъ въ колонатъ. Всѣ законы, относившіеся къ колону, одинаково прилагались къ его женѣ и дѣтямъ⁶. Женщина колонка не могла уходить съ земли такъ же, какъ ея мужъ. Единственная разница между ними представлялась въ томъ, что для нея срокъ давности сокращался до двадцати лѣтъ⁷.

¹ «*Colonos, quos quisque possedit*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 14; законъ 400 г.). — «*Ipse, cuius fuit*» (*Ibid.* XI, 48, 12, 2).

² «*Originarius, de cuius proprietate certatur*» (*Cod. Theod.* V, 10, 1, 2, законъ 419 г.). — «*De colono causam proprietatis agitari*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 14, законъ 400 г.).

³ «*Bonae fidei possessor*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 14; законъ 400 г.).

⁴ *Cod. Iust.* XI, 48, 14.

⁵ *Cod. Theod.* V, 10, 1.

⁶ «*Sine ullo sexus discrimine*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 6; законъ 366 г.). — «*Mulieres, quae fuisse originariae docebuntur*». (*Cod. Theod.* V, 10, 1). — «*De mulieribus originariis*» (*Novell. Valentin.* XXX, 1). — «*Colona*» (*Ibidem*). — «*Adscripticia*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 21). — «*Feminas ad patrem familias pertinentes*» (*Novell. Valentin.* XXX, 1, 5).

⁷ *Cod. Theod.* V, 10, 1.

Вотъ одна очень характерная черта. Женщина-колонка ушла изъ помѣстья, ее приняли въ другомъ, и она тамъ вышла за колону. Если ее находили до истеченія двадцатилѣтней давности, она подлежала возврату «на мѣсто происхожденія»¹. Такимъ образомъ она оказывалась разлученною съ мужемъ, который, съ своей стороны, былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Дѣти въ такомъ случаѣ подѣлялись: третья часть шла съ матерью, двѣ трети оставались съ отцомъ². Семья раздроблялась навсегда. Супруги не могли больше никогда вновь соединиться; нельзя было сойтись вмѣстѣ ни дѣтямъ, ни внукамъ, отъ нихъ происшедшимъ, такъ какъ они принадлежали къ различнымъ помѣстьямъ. Это жестокое правило не было изобрѣтено законодателемъ; оно родилось изъ самыхъ фактовъ жизни; оно было естественнымъ, помимовольнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ установленія самаго принципа, что колонъ неотдѣлимъ отъ земли. Законодатель не создалъ разбираемаго порядка; онъ только принялъ его и санкціонировалъ. Онъ даже старался смягчить правило, ибо ввелъ поправку: когда собственникъ женщины явится требовать ее обратно, собственникъ той земли, гдѣ она вышла замужъ, будетъ имѣть право сохранить ее у себя, отдавъ взаменъ ее другую женщину и другихъ дѣтей, вмѣсто ея потомства³. При помощи такого выхода семья можетъ остаться соединенною. Подобный обменъ, направленный къ охранѣ цѣлости семьи, который первоначально объявлялся лишь факультативнымъ для обѣихъ сторонъ, сдѣланъ былъ обязательнымъ по указу Гонорія и Валентиніана III: «Ибо не допустимо, говоритъ законодатель, чтобы господа распространяли свои права до крайности и разрывали бракъ, который долженъ оставаться неразстрожимымъ»⁴.

¹ *Cod. Theod.* V, 10, 1, § 3.—*Interpretatio*, ed. Haenel, p. 475.

² *Ibidem*. *Interpretatio*: «Si de alieno colono filios suscepit, cum agnationis parte tertia revocetur, quia colonum duae partes agnationis sequuntur».

³ *Cod. Theod.* *Ibidem*: «Ea conditione servata, ut vicaria cum agnatione partis tertiae non negetur». — *Interpretatio*: «Ne separatio coniugii fiat, illum cuius colonus est, vicariam mulierem et pro tertia agnatione, mulieris domino compensare praecipimus».

⁴ *Novell. Valentin.* XXX, § 2, 3 (Haenel, p. 225): «Placet, ut pars cuius colonum esse constiterit, pro uxore eiusdem meriti vicariam reddat, quatenus prava forsitan dominorum obstinatio a faciendo di-

Остановимся одну минуту на этомъ необычномъ законодательномъ постановленіи. Мнѣ кажется, что изъ него можно возстановить существованіе болѣе общаго правила, которое прямо нигдѣ не указывается, именно, что колонъ могъ свободно вступать въ бракъ лишь съ женщиною того же помѣстья, на которомъ онъ самъ сидѣлъ. *Foris maritagiū* (средневѣк. *formariage*) было ему закрыто. Возможно, что не издавалось никогда закона, который устанавливалъ бы такой запретъ, но дѣло вытекаетъ изъ фактовъ. Дѣйствительно, съ одной стороны онъ не могъ жениться на рабынѣ, не могъ также взять свободную женщину; если же, съ другой, онъ выбиралъ женщину изъ званія колоновъ, но сидѣвшую въ другомъ помѣстьѣ, то эта женщина не могла сойти съ земли, чтобы слѣдовать за нимъ и жить съ нимъ; если же она на это рѣшится, то ее возвратятъ силою, а дѣти будутъ подѣлены между двумя господами.

Правда, что правило было смягчено, какъ показываютъ два приведенные закона Гонорія и Валентиніана III. Оба землевладѣльцы могли вступать въ соглашеніе и обмѣниваться женщинами-колонками; такъ могло вырабатываться нѣчто вродѣ взаимности браковъ между людьми обоихъ помѣстій. Но все-таки оставалось несомнѣннымъ, что колонъ, въ силу своего прикрѣпленія къ землѣ, естественно могъ практиковать *formariage* лишь съ разрѣшенія обоихъ собственниковъ.

Могъ ли колонъ измѣнять свое состояніе? Нѣкоторые изслѣдователи безусловно отрицали это. Но утверждавшіе это ученые, кажется мнѣ, пошли нѣсколько дальше истины. Надобно въ данномъ пунктѣ различать теорію и практику.

Теорія формулировала, что колонъ «не могъ устраниваться отъ неизмѣнности собственнаго состоянія»¹. Оно было постояннымъ и, какъ говорить законодатель, почти вѣчнымъ². Никакая другая профессія ему не открывалась. Одинъ законъ Константина запрещаетъ ему вступать въ войско³. Законъ Гонорія повторяетъ это запрещеніе въ та-

vortio conquiescat, quia et in eiusmodi personis salva et inconvulsa debet coniunctionis affectio permanere».

¹ *Cod. iust.* XI, 48, 14: «Si coloni necessitatem conditionis pro-
prie declinare tentaverint».

² *Ibid.* XI, 51: «Quodam aeternitatis iure»

³ *Cod. iust.* XI, 68, 3: «Servi atque coloni, etiam eorum filii et

кую эпоху, когда имперія еще больше нуждалась въ войнахъ, чѣмъ въ хлѣбопашцахъ; тутъ же присоединяется еще другой запретъ для колоновъ переходить хотя бы въ самыя нисшія должности административной службы ¹. Распоряженія эти представляются странными на первый взглядъ, и невольно хочется сначала приписать ихъ прихотямъ деспотовъ. Но императоръ сообщаетъ намъ мотивъ, который опредѣлилъ его дѣйствія: онъ хочетъ «уважать права собственниковъ» ². Въ сущности, не онъ препятствовалъ колонамъ пополнять армію; того требовало старое колонатное право, сложившійся обычай, сила выработавшихся помѣстныхъ уставовъ. Я бы не рѣшился свидѣтельствовать, что тѣ же государи, въ тайныхъ инструкціяхъ, не разрѣшали, наоборотъ, военнымъ начальникамъ принимать колоновъ въ войска; но, по настояніямъ собственниковъ и передъ личностью неоспоримаго права, они спѣшили провозгласить въ открытомъ официальномъ актѣ, что колонны не будутъ туда допускаться.

На практикѣ, несомнѣнно, многіе колонны попадали въ армію. Это настолько достоверно, что даже существуетъ законъ, который формально устанавливаетъ избавленіе такихъ колоновъ, ставшихъ воинами, отъ своего спеціальнаго, т.-е., подушнаго налога вмѣстѣ съ ихъ женами ³. Запрещеніе вступать въ войско слѣдуетъ, такимъ образомъ понимать

nepotes vel quicumque de fundis et possessionibus nostris clanculo ad officia convolaverunt diversa, reddantur, etiamsi armatae habuerint sacramenta militiae. — Объ этомъ законѣ слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Онъ относится лишь къ колонамъ императорскихъ помѣстій. А такъ какъ императоръ, въ качествѣ землевладѣльца, могъ разрѣшать своимъ колонамъ вступать въ военную службу, то законъ этотъ не можетъ разсматриваться какъ общее постановленіе, а въ такомъ именно смыслѣ его толковали очень часто. Слово *clanculo* ясно обозначаетъ его смыслъ: дѣло идетъ лишь о тѣхъ, которые сдѣлались воинами или вступили въ *officia* помимо вѣдома начальника (*rationalis*) и, стало быть, безъ разрѣшенія.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 18: «Colonos nulla ratione ad ullum quamvis humilioris militiae locum sinimus admitti. Nec apparitores magisteriae potestatis censibus adscriptos probari concedimus».

² *Ibidem*: «Quia in hac parte dominorum iuri... consulimus».

³ *Cod. Theod.* VII, 3, 6: «Si oblati iunior fuerit, qui censibus tenetur insertus, ex eo tempore quo militiae sacramenta suscepit, proprii census caput excuset... Uxoriam quoque capitacionem praestet immunem».

только въ томъ смыслѣ, что для того требовалось разрѣшеніе владѣльцевъ¹. Но такъ какъ съ помѣстья снималось столько же душевыхъ окладовъ, сколько уходило въ армію колоновъ, то помѣщику не представлялось особенно большаго интереса отказываться въ согласіи. Къ тому же воинская повинность являлась однимъ изъ обязательствъ землевладѣльцевъ по отношенію къ государству. Крупный собственникъ, который именовался *senator*, не долженъ былъ самъ служить, но онъ обязанъ былъ представлять къ набору число рекрутовъ, пропорціональное числу людей, сидѣвшихъ на его земляхъ². Законы запрещали выставлять при этомъ рабовъ³; они же не допускали на службу ремесленниковъ. Стало быть, оставались одни колонны. Человѣкъ, прослужившій въ войскѣ шестнадцать или двадцать лѣтъ, не возвращался больше въ колонатное состояніе. Такъ, именно этимъ путемъ, открывался изъ него выходъ. Но имъ можно было воспользоваться только съ разрѣшенія землевладѣльца.

То же самое примѣнялось и по отношенію къ вступленію колоновъ въ церковное званіе. Законъ не дозволялъ, чтобы колонъ становился священникомъ помимо согласія землевладѣльца⁴; но съ такимъ разрѣшеніемъ, очевидно, многіе колонны принимали священнической и монашеской санъ⁵. Особенно часто происходило, повидимому, что изъ колоновъ пополнялось мѣстное духовенство, которое обслуживало сельскія церкви, устраивавшіяся внутри помѣстій, гдѣ они сидѣли. Правда, въ подобныхъ случаяхъ колонны, становившіеся священниками, оставались подчинены своимъ прежнимъ обязательствамъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Оберегая достоинство новаго званія, колонны-священно-

¹ Таковъ смыслъ закона Аркадія въ *Cod. Iust.* XII, 33, 3, гдѣ запрещается принимать въ войско «colonos ultro se offerentes».

² *Veget.* I, 7: «Possessoribus indicti tirones». Cfr. *Cod. Theod.* VII, 13, 7.

³ *Cod. Theod.* VII, 13, 7: «Si quis tironem ex agro proprio oblatus est... neminem e numero servorum dandum esse decernimus».

⁴ *Cod. Iust.* I, 3, 16: «Quisquis censibus fuerit adnotatus, invito agri domino ab omni temperet clericatu».

⁵ Это вытекаетъ изъ слѣдующаго постановленія кодекса Юстиніана (I, 3, 36): «Qui, cum essent adscripticiae condicionis conscripti, solitariam vitam appetentes sese monasteriis contra voluntatem dominorum fundorum duxerint offerendos...»

служитель только выставялъ вмѣсто себя замѣстителя при выполненіи барщинныхъ работъ ¹.

Такимъ образомъ, колонъ могъ переходить въ другія соціальныя категоріи, но только по обоюдному соглашенію съ землевладѣльцемъ. Это обстоятельство даже само по себѣ достаточно ясно показываетъ, что не императорская власть привязала колоновъ къ землѣ.

Состояніе колоната было наслѣдственно. Сынъ принуждался воздѣлывать опредѣленную землю въ силу одного факта, что на ней работалъ отецъ ². Одинъ законъ Граціана и Θεодосія провозглашаетъ, что тотъ, у кого отецъ и дѣдъ были колонами, если онъ самъ «въ малолѣтствѣ» ушелъ съ помѣстья, а потомъ устроился въ рядахъ войска, долженъ быть извлеченъ изъ арміи и возвращенъ помѣстью ³.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: какой-нибудь колонъ долго сидѣлъ и работалъ на такой-то землѣ; сынъ его никогда не жилъ на ней и никогда не несъ обязательствъ, связанныхъ съ колонатомъ; когда умретъ отецъ, обладаетъ ли владѣлецъ какими-нибудь правами надъ этимъ сыномъ? Юстиніанъ отвѣчаетъ: «Правда, землевладѣлецъ могъ терпѣть, чтобы сынъ обиталъ внѣ предѣловъ помѣстья, потому что отецъ удовлетворялъ возложеннымъ обязательствамъ. Но если отецъ умираетъ или становится неспособенъ къ труду, необходимо, чтобы сынъ становился на его мѣсто. Онъ связанъ съ землею, такъ какъ родился на ней. Какъ бы долго онъ ни отсутствовалъ, но въ сущности онъ тамъ оставался, въ лицѣ отца». Законодатель присоединяетъ тутъ же такое размышленіе: «Было бы несправедливо, чтобы доброта, съ какою землевладѣлецъ допускалъ его отлучку, послужила во вредъ его правамъ» ⁴.

¹ *Cod. Iust.* I, 36, 16: «Si in eo vico, in quo noscitur mansitare, clericus fuerit, sub hac lege religiosum adsumat sacerdotium, ut et capitacionis sarcinam per ipsum dominum agnoscere compellatur, et ruralibus obsequiis, quo maluerit subrogato, fungatur».

² *Ibidem*, XI, 48, 23: «Terrae inhaereant, quam semel patres eorum colendam susceperunt».

³ *Cod. Iust.* XI, 64, 1: «Quicumque parvuli... ex colonis patrimonialibus vel saltuensibus, quorum avi ac patres impliciti huiusmodi functionibus fuerint... ad stipendium castrense vel officia diversa transierint, ad agrorum cultus revocentur».—Cfr. *Ibidem*, VII, 38, 1.

⁴ *Ibidem*, XI, 48, 22, § 3: «Dubitabatur, si coloni filius per triginta annos... vivente patre et agriculturam peragente, ipse in libera conver-

Такое правило строжайшей наследственности сначала изумляетъ нашъ умъ, привыкшій нынѣ къ совсѣмъ инымъ порядкамъ. Но въ ту эпоху, которую мы изучаемъ, оно было доведено до самихъ крайнихъ послѣдствій. Если бѣглый колонъ умиралъ раньше достиженія тридцатилѣтней давности, и во время нахождения въ «бѣгахъ» у него рождался сынъ; этотъ послѣдній, хоть онъ и появился на свѣтъ внѣ предѣловъ помѣстья, все-таки считался подвластнымъ владѣльцу и могъ быть имъ вытребованъ къ себѣ силою ¹. Мы уже видѣли выше, что если возвращалась назадъ женщина-колонка, вышедшая замужъ внѣ помѣстья, то съ нею приводилась и третья часть прижитыхъ ею дѣтей. Если она вступала при этомъ въ бракъ съ человѣкомъ, не принадлежавшимъ къ колонатному званію, то союзъ признавался незаконнымъ: отецъ лишался тогда всякаго права на дѣтей, и все потомство женщины возвращалось подъ власть владѣльца помѣстья, съ котораго она ушла ².

Передъ нами проходитъ цѣлая цѣпь безпощадныхъ законоположеній, направленныхъ къ воспрепятствованію колонамъ покидать землю, къ которой они были прикрѣплены. Но въ противовѣсъ имъ необходимо выдвинуть и другое, параллельное правило, запрещавшее собственнику земли сгонять ихъ съ участковъ. Послѣднее рѣже высказывается въ текстахъ, но оно признавалось не менѣе императивно, чѣмъ первое. Вѣроятнѣе всего, весь порядокъ сложился издавна; признаки его вкоренились въ обычаи всѣ до того момента, когда фактъ былъ замѣченъ имперскимъ правительствомъ и урегулированъ законодательствомъ. Одинъ законъ 357 г. воспрещаетъ землевладѣльцу продавать помѣстье безъ колонновъ. Всмотримся въ его редакцію: «Если кто хочетъ продать или пожаловать имѣнье, онъ не имѣетъ

satione morabatur, an post obitum patris potest excusari filius... Acerbum nobis videtur domino praeiudicari absentia eorum, qui in rure nati et postea absentes, per suos patres agriculturam peragebant... Maneat igitur domino ius inconcussum».

¹ *Cod. Theod.* V, 10, 1, § 2: «Eius posteritatem agrorum iuri revocari».

² *Cod. Theod.* V, 10, 1, § 4.—*Cod. Iust.* XI, 48, 16: «Mulier, quae fuisse originaria docebitur, si cuiuscumque liberi hominis secuta consortium in urbibus victura constitit, eius omnem sobolem conveniet revocari». — Законъ изданъ въ 419 г., но онъ ссылается на «vetera constituta»

права оставить за собою колоновъ или переселить ихъ на другія свои земли»¹. Замѣтимъ далѣе, что закономъ этимъ оберегается интересъ не одного покупателя, который могъ подвергнуться обману: въ немъ высказывается предположеніе, что покупатель съ продавцомъ могли стакнуться (*privata pactio*). Въ самомъ дѣлѣ покупатель могъ желать приобрѣсти землю безъ людей; но этого то законъ и не допускаетъ: стало быть, онъ заботится объ интересахъ колоновъ. Онъ оберегаетъ ихъ отъ возможности оказаться лишенными надѣловъ. Поэтому-то въ немъ прибавлено слѣдующее объясненіе: «Либо землевладѣльцы находятъ, что колоны для нихъ выгодны, либо они думаютъ, что не извлекаютъ изъ нихъ никакой пользы. Если вѣрно первое, пусть сохраняютъ въ своихъ рукахъ землю; если второе, то пусть продаютъ землю вмѣстѣ съ ними»².

Другой законъ, изданный Валентиніаномъ I, воспрещаетъ продавать колоновъ безъ земли. Отмѣчаю особенно, что законодатель не стремится здѣсь создать нововведеніе. Мѣропріятіе направлено къ устраненію обмановъ, которые иногда производились, чтобы обойти порядокъ, которые иногда давно установившіяся. Нѣкоторые землевладѣльцы, желая отдѣлаться отъ своихъ колоновъ, при измѣненіи характера эксплуатаціи земель, пытались иногда, вѣроятно, продавать часть помѣстья, но вмѣстѣ съ этою частью отчуждали всѣхъ колоновъ, сидѣвшихъ на всей его площади. Это было злоупотребленіе и мошенничество. Валентиніанъ I и стремится обуздать его³. Онъ объявляетъ, что, продавая помѣстье, владѣлецъ обязуется въ то же время продать точно соотвѣтственное число колоновъ⁴. Здѣсь мы

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 2: «Si quis praedium vendere voluerit vel donare, retinere sibi transferendos ad alia loca colonos privata pactio non possit».

² *Ibidem*: «Qui enim colonos utiles credunt, aut cum praediis eos tenere debent, aut profuturos aliis relinquere, si sibi praedium prodesse desperant».

³ *Cod. Iust.* XI, 48, 7: «Originarios absque terra... vendi omnifariam non licet. Neque vero commento fraudis id usurpet legis illusio, quod in originariis saepe actitatum est, ut, parva portio terrae emptori tradita, omnis integri fundi cultura adimatur».

⁴ *Ibidem*: «Cum soliditas fundorum vel certa portio ad unumquemque perveniat, tanti quoque originarii transeant, quanti apud superiores dominos in soliditate vel in parte manserunt».

еще разъ обнаруживаемъ общее начало, котораго придерживается законодатель: колонъ долженъ сохранить навсегда свой участокъ.

Вскорѣ потомъ, законъ Граціана запретилъ покупателю земли приводить на нее новыхъ колоновъ съ нарушеніемъ интересовъ прежнихъ, или замѣнять ихъ рабами ¹. Мы не можемъ привести закона, который прямо говорилъ владѣльцу: ты никогда не будешь сгонять колоновъ съ земли. Но намъ кажется, что такой принципъ подразумѣвается въ тѣхъ трехъ текстахъ, которые мы только что привели. Если землевладѣльцу воспрещается отдѣлять колоновъ отъ ихъ поля въ тотъ моментъ, когда онъ продаетъ помѣстье, или когда онъ его покупаетъ, этимъ предполагается тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ права лишать ихъ надѣловъ въ обыкновенное время.

Одинъ византійскій юристъ, жившій въ эпоху, гораздо болѣе позднюю, чѣмъ изучаемая нами, но весь пропитанный идеями Дигестъ и оставившій намъ точный анализъ послѣднихъ, такъ формулируетъ указанную двустороннюю природу колоната: «Человѣка, просидѣвшаго на моей землѣ тридцать лѣтъ въ качествѣ вольнаго съемщика, я принуждаю, уже помимо его воли, оставаться на ней и дальше навсегда; но за то и наоборотъ не могу и я въ свою очередь помѣщать ему обрабатывать участокъ или согнать его» ².—Не знаю, откуда Герменопуль извлекъ эту формулу: онъ не указываетъ ни ея изобрѣтателя, ни времени ея возникновенія. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что вообще у нея нѣтъ автора, и нельзя указать даты ея появленія: она, возможно, сложилась и жила подъ видомъ обычая. Но интересно отмѣтить, что онъ помѣщаетъ это правило между двумя другими, также относящимися къ обработкѣ земли, которыя оба извлечены изъ Дигестъ ³.

¹ *Ibidem*, XI, 63, 3: «Cognovimus a nonnullis... colonos antiquissimos proturbari atque in eorum locum vel servos proprios vel alios colonos subrogari. Sancimus eos, qui deinceps huiusmodi aliquid crediderint attentandum, iisdem possessionibus esse privandos».—Настоящій эдиктъ касается специально покупателей императорскихъ земель.

² *Hermenopol.* III, 8, 11, p. 267: «Ὅτι τὸν ἐπὶ τριάκονταετία ἐπιμειναντα τῷ ἀγρῷ μισθωτὸν, ἀντιτάξω καὶ ἄκοντα γερουρεῖν, καὶ οὐ δύναμαι: κωλύειν ἢ ἐκδιώκειν αὐτόν».

³ Именно — между тѣмъ, которое обязывало владѣльца слагать часть оброка съемщику въ случаѣ неурожая (*Ulpian. Dig.* XIX, 2,

Одинъ законъ Гонорія допускаетъ владѣльцу двухъ помѣстій переводить колоновъ изъ одного въ другое. Но, повидимому, законъ этотъ требуетъ, чтобы точно устанавливалось каждый разъ, что одно изъ нихъ преизобиловало колонами, а въ другомъ ихъ не хватало ¹. Такое переселеніе колоновъ не могло, стало быть, совершаться по пустой прихоти владѣльцевъ. Тотъ же императоръ предписываетъ всегда принимать мѣры, чтобы, въ случаѣ подобныхъ переводовъ колоновъ на новыя мѣста, семьи ихъ не раздѣлялись.

Всѣ подобныя распоряженія, какъ видно, благопріятствовали колонамъ. Итакъ, разсмотрѣнные выше законы, которые отняли у нихъ право перехода и наказывали ихъ за бѣгство, обнаруживаютъ лишь одну изъ сторонъ, опредѣлявшихъ ихъ положеніе. Послѣдніе показываютъ другую. Было бы преувеличеніемъ утверждать, что колонны пріобрѣли извѣстное право на занятые ими участки, нѣчто вродѣ собственности. Законодатель никогда не высказывался въ подобномъ смыслѣ. Такое право никогда не было признано и записано. Весьма вѣроятно, что никто здѣсь и не затрагивалъ правового вопроса. Послѣдній даже не представлялся умамъ. Но практика, обычай (кутюма) сложились именно такъ: колона, оказалось, нельзя сгонять съ земли.

Юстиніанъ часто и открыто высказывается по отношенію къ колонамъ съ большою суровостью. Онъ сравниваетъ ихъ съ рабами—и приближаетъ ихъ къ рабству, какъ только можетъ. Но, среди этихъ суровостей, онъ напоминаетъ, что господинъ «можетъ вывести колону изъ сферы своего права, лишь отказавшись также отъ права на землю» ². Что же значатъ эти слова, если не то, что колонъ не могъ быть отдѣленъ отъ поля, которое обрабатывалъ? Форма языка жесткая, но сущность мысли такова, что колонъ не можетъ лишиться своей земли. Законодатель говоритъ еще,

15, § 4) и тѣми, которыя регулировали положеніе съемщика, у котораго пострадали усадьбы отъ непріятели или сосѣдей.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 13: «Si quando utriusque fundi idem dominus de possessione referta cultoribus ad eam, quae laborabat tenuitate colonos transtulerit».

² *Cod. Iust.* XI, 48, 21.—Такъ же говорится въ законѣ Аркадія: «Ipsos utpote a dominis una cum possessionibus distrahi posse non dubium est».

что колонъ составлялъ нераздѣльную часть земли, *membrum terrae*¹. Вотъ слово съ двойнымъ смысломъ. Оно означаетъ, съ одной стороны, что колонъ не могъ оставить поля; оно означаетъ, съ другой, что у него нельзя было отнять поле. Онъ составлялъ съ надѣломъ одно тѣло. Это значитъ, что никакая воля не можетъ его оторвать отъ надѣла, ни воля землевладѣльца, ни его собственная.

Итакъ, обязательство, которое привязывало колону къ почвѣ, было закономъ и для него, и для господина. У колона не было надежды когда-нибудь освободиться отъ земли; но онъ могъ и не бояться, что его сгонятъ съ нея. Это—принудительное держанье, но за то держанье обезпеченное. На немъ лежитъ наслѣдственный трудъ, но за то онъ обладаетъ и наслѣдственнымъ пользованіемъ. Ни колонъ не отстанетъ никакъ отъ земли, ни земля отъ колона. Земля держитъ его, но и онъ держитъ землю.

¹ *Ibid.* XI, 48, 23: «Cum satis inhumanum est terram suis quodammodo membris defraudari».

ГЛАВА VIII.

Обязательства колоновъ по отношенію къ собственнику. — Барщины и оброки. — „Помѣстные уставы“.

До сихъ поръ мы встрѣчались только съ тѣмъ колономъ, который пытался разорвать цѣпь, связавшую его съ землею и уйти съ нея; кодексы главнымъ образомъ и занимаются именно этимъ «бѣглымъ» колономъ. Но чтобы уразумѣть колоната въполнѣ, надобно изучить его, такъ сказать, въ нормальномъ состояніи. Надо постараться увидѣть, несмотря на бѣдность документовъ, колона, какъ онъ мирно и въ неизвѣстности жилъ на помѣстьяхъ, къ которымъ былъ прикрѣпленъ.

Онъ былъ подчиненъ господину, и намъ важно прежде всего знать, какова была природа власти послѣдняго надъ нимъ. Его называли *dominus*; но мы знаемъ, что на латинскомъ языкѣ того времени слово это значило столько же собственникъ, сколько и господинъ. Мы должны даже отмѣтить, что въ текстахъ о колонатѣ слово *dominus* обыкновенно сопровождается какимъ-нибудь другимъ, которое очень опредѣленно показываетъ, что оно понималось именно въ смыслѣ собственника земли. Онъ не называется *dominus coloni*, но *dominus fundi*, *dominus possessionis* или *possessor*¹.

¹ «Domino fundi teneatur» (*Cod. Iust.* XI, 51). — «Domini praediorum» (*Ibid.* XI, 48, 5). — «Dominus possessionis, cui (possessioni) colonus fuerat adscriptus» (*Ibid.* I, 3, 20). — «Fundi dominus» (*Ibid.* XI, 48, 13). — «Invito agri domino» (*Ibid.* I, 3, 16). — «Contra voluntatem dominorum fundorum» (I, 3, 36). — Замѣтьте одинъ законъ 366 г., въ которомъ вмѣсто «domini colonorum» сказано «ii, penes quos fun-

Быль ли онъ въ самомъ дѣлѣ господиномъ колона? Приглядитесь къ колебаніямъ законодателя. Въ 365 г. онъ рѣшается назвать его лишь «патрономъ колона»¹. Позже Θεодосій именуеть его «патрономъ и господиномъ»²; только Юстиніанъ прямо говоритъ, что колонъ находится «подъ властью господина»³. На самомъ дѣлѣ дѣйствительно онъ былъ скорѣе собственникомъ земли, чѣмъ господиномъ по отношенію къ колону⁴. Онъ очень отличался отъ господина раба. Послѣдній приобрѣталъ самую личность чело-вѣка и располагалъ ею непосредственно и безъ ограниченія. Господинъ же колона не покупалъ его и не обладалъ прямою властью надъ его личностью. Колонъ былъ слугою земли, а не господина. Блаженный Августинъ даетъ мимоходомъ опредѣленіе колона въ томъ видѣ, конечно, какъ его сдѣлали бы его современники. «Мы называемъ колонами тѣхъ, кто обязанъ своимъ положеніемъ землѣ, на которой онъ родился, и которую обрабатываетъ подъ помѣстной властью ея собственника»⁵.

Достойно замѣчанія, что римскіе своды законовъ въ многочисленныхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ говорится о колонатѣ, никогда не указываютъ, каковы были обязательства колоновъ по отношенію къ господину. Они довольствуются требованіемъ неподвижности ихъ на землѣ; дальше они не идутъ. Они никогда не опредѣляютъ, что же колонъ долженъ на ней дѣлать.

Значить ли это, что повседневныя отношенія между

dorum dominium est» (*Cod. Iust.* XI, 48, 4). — «Si coloni contra dominos terrae declamaverint» (*Ibid.* XI, 48, 20). — «Caveant possessionum domini, in quibus coloni constituti sunt» (*Ibid.* XI, 48, 23, § 2). — «Ignorante domino praedii» (*Ibid.* XI, 50, 2).

¹ *Cod. Theod.* V, 11, 1.

² *Cod. Iust.* XI, 52: «Possessor... utatur et patroni sollicitudine et domini potestate». — Такъ выражается еще Аркадій: «Dominos vel patronos» (*Ibid.* XI, 50, 2).

³ *Ibidem*, XI, 48, 21: «In domini sui positus est potestate».

⁴ Таковъ смыслъ этого закона: «Possessionis domino revocandi eius plena tribuatur auctoritas» (*Cod. Iust.* XI, 51).

⁵ *S. Augustini*, De civ. Dei X, 1, 2 (éd. Gaume, t. VII, p. 382): «Appellantur coloni, qui conditionem debent genitili solo propter agriculturam sub dominio possessorum». — Намъ нѣтъ надобности преду-преждать, что, на языкѣ четвертаго и пятаго вѣковъ, слово *possessor* безусловно приобрѣло значеніе «собственникъ» и примѣнялось преимущественно къ собственникамъ крупнымъ.

мелкимъ земледѣльцемъ и крупнымъ землевладѣльцемъ устанавливались по произволу послѣдняго? Былъ ли колонъ обязанъ повиноваться всѣмъ его приказаніямъ? Нѣсколько текстовъ, которые мы приведемъ дальше, покажутъ, что такое предположеніе было бы неосновательно. Колонъ, прежде всего, никогда не являлся рабомъ. Онъ поселялся на помѣстьѣ первоначально какъ человѣкъ свободный, и самые законы, которые прикрѣпили его къ землѣ, ясно обнаруживаютъ, что положеніе его по отношенію къ свободѣ тѣмъ самымъ не измѣнилось. Тридцатилѣтнее пребываніе, которое привязывало его къ землѣ, не отнимало у него свободы; оно дѣлало ее только неподвижною.

Какими способами принужденія обладалъ собственникъ надъ колономъ? Не вижу, чтобы законы предоставляли ему судебныя права надъ нимъ. Два закона допускаютъ возможность наказанія колона господиномъ, но только въ случаѣ бѣгства. Еще третій законъ, примѣнительно къ одному спеціальному случаю, даетъ право господину подвергнуть колона «умѣренному (тѣлесному) наказанію»¹. Но отъ этого очень далеко до права жизни и смерти, которымъ господинъ пользовался надъ рабомъ всегда и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Землевладѣлецъ настолько мало обладалъ юрисдикціею надъ колономъ, что послѣдній наоборотъ могъ вчинать противъ перваго процессы передъ обыкновеннымъ судомъ. Право призывать владѣльца къ суду признается за колономъ вполнѣ до конца IV-го вѣка. Только во время царствованія Аркадія законодатель спохватился, что такое право являлось чрезмѣрнымъ, и до насъ сохранился одинъ рескриптъ, въ которомъ раскрывается затрудненіе власти по этому поводу. Императоръ начинаетъ съ заявленія, что положеніе колона настолько низко рядомъ съ большимъ и могущественнымъ собственникомъ, что онъ «не долженъ осмѣливаться» поднимать искъ противъ него². Вслѣдствіе этого онъ заявляетъ, что колону закрывается «доступъ въ преторій» и запрещается «открывать уста» противъ того, кто въ одно и то же время являлся «его

¹ Законъ этотъ находится въ *Cod. Iust.* XI, 48, 24. Онъ предоставляетъ господину (*dominus*) власть (*potestas*) «*corrighendi castigatione moderata*».

² *Cod. Iust.* XI, 50, 2: «*Non est ferendum, ut eos audeant lite pulsare*».

господиномъ и патрономъ»¹. Очевидно, что законъ не отдавалъ этого колона въ полную власть господскаго произвола. Одинъ текстъ, предоставляющій колону обращаться къ общественному правосудію въ случаѣ «несправедливыхъ вымогательствъ» со стороны собственника или даже жаловаться на него въ уголовномъ порядкѣ за «нанесеніе обидъ ему или его близкимъ», показываетъ, что существовали правила, хорошо извѣстныя и достаточно опредѣленныя, которыя устанавливали легальныя отношенія между этими двумя категоріями людей².

Если кодексы молчатъ о такихъ правилахъ, то происходитъ это оттого, что колонатъ вообще не былъ созданіемъ власти законодателей. Его выработалъ обычай. Онъ же поэтому и формулировалъ правила управленія институтомъ. Законодательная власть вступилась въ дѣло лишь для того, чтобы обезпечить землевладѣльцу постоянное присутствіе колона на землѣ. Во всемъ остальномъ она предоставила просторъ слагавшемуся обычаю. Отсюда и происходитъ, что мы такъ мало знаемъ о колонатѣ именно то, что знать было бы особенно важно. Ибо недостаточно знать, что положеніе колона являлось неизмѣннымъ, и онъ неподвижно прикрѣпленъ былъ къ землѣ: необходимо было бы раскрыть самыя условія его существованія. Его повседневная жизнь, реальное положеніе, обязанности и права, высота напряженія его труда, пропорція между его службами и доходами,—вотъ, въ чемъ заключается наиболѣе любопытная для историка сторона всего вопроса. Но именно здѣсь намъ особенно мало извѣстно по той причинѣ, что все это не входило въ кругъ законодательства. Нѣсколько словъ, случайно подбирающихся въ текстахъ законовъ, нѣсколько строкъ въ надписи, по счастью начертанной группою колонновъ,—этимъ исчерпываются наши памятники, а этого очень недостаточно для выясненія интереснаго и важнаго предмета.

¹ *Ibidem*. «Licentiam submovemus, ne quis audeat domini nomen in iudicio lacessere... adversus dominos vel patronos et aditum intercludimus et vocem negamus».

² *Cod. Iust.* VI, 30, 2: «Exceptis superexactionibus, in quibus retro principes facultatem eis super hoc interpellandi praebuerunt, ita in criminum accusatione, quae publica est, non adimitur eis propter suam suorumque iniuriam experiendi licentia».

Попытаемся извлечь изъ такихъ отрывковъ, по крайней мѣрѣ, весь свѣтъ, какой они могутъ дать.

Первый пунктъ, какой можно установить съ достовѣрностью, заключается въ слѣдующемъ: на колонѣ лежали, какъ обязательныя, только земледѣльческія работы. Это можно было бы вывести, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, уже изъ самаго его наименованія. Но въ одномъ законѣ сказано о немъ и прямо, что онъ долженъ исполнять земледѣльческія повинности, *ruralia obsequia*¹. Другой законъ выражается еще яснѣе. Разрѣшая землевладѣльцамъ брать, въ качествѣ земледѣльцевъ, варваровъ изъ Германіи, онъ поясняетъ, что господа должны будутъ разсматривать ихъ не какъ рабовъ, а именно подчиняться по отношенію къ нимъ правиламъ о колонатѣ (*iure colonatus*), и въ силу этого не налагать на нихъ никакихъ обязанностей, кромѣ земледѣльческихъ работъ. Они лишены будутъ права принуждать новыхъ поселенцевъ къ ремесленному труду на себя или обязывать ихъ личными услугами себѣ, сажать, такъ сказать, во дворъ².

Однако въ какихъ формахъ слагался трудъ колоновъ? Работали ли они большими группами, какъ рабы? Можно ли было ихъ видѣть, какъ Колумелла описываетъ сельскихъ рабовъ³, раздѣленными на *decuriae* подъ начальствомъ *magister operarum*, вспахивающими или убирающими поля въ различныхъ частяхъ помѣстья? Или каждый, наоборотъ, въ отдѣльности обрабатывалъ специальный участокъ, всегда одинъ и тотъ же? Въ отвѣтъ на эти вопросы мы не могли бы привести ни одного формальнаго текста. Съ одной сто-

¹ *Ibidem*, I, 3, 16: «Ruralibus obsequiis fungatur».

² *Cod. Theod.* V, 4, 3: «Ita ut omnes sciant non alio iure quam colonatus apud se futuros... nullique liceat eos urbanis obsequiis addicere». — Чтобы вѣрно понять смыслъ слова *urbanis* въ этомъ текстѣ, надобно вспомнить выраженія—*villa urbana, familia urbana, servus urbanus*. — «*Villa urbana*» называлось обиталище господина въ помѣстьѣ. — «*Servus urbanus*» назывался рабъ, который, хоть и жилъ въ деревнѣ, былъ привязанъ къ личной службѣ господину, какъ *portitor* или *cubicularius*. Всѣ эти выраженія противопологаются такимъ, какъ *villa rustica, familia rustica, servi rustici*, которыя обозначали части помѣстья, находившіяся подъ земледѣльческою обработкою, и рабовъ-земледѣльцевъ. Законъ, который только что цитированъ, запрещаетъ, стало быть, привязывать колона, даже въ деревнѣ, къ чему-нибудь другому кромѣ *obsequia rustica*.

³ *Columell.* De re rust I, 7; 8.

роны, нѣтъ въ источникахъ ни одной строки, изъ которой можно было бы вывести, что колоны работали толпами или большими группами вмѣстѣ. Никогда не видимъ мы ихъ подъ приказаніями *magister*, *actor* или *vilicus*. Въ большей части помѣстій существовали, правда, и *actor* и *vilicus*; но они наблюдали за общимъ состояніемъ помѣстья, сосчитывали урожай, хранили господскую часть, но вовсе не руководили хозяйствомъ колоновъ и не вызывали ихъ на работу. Впрочемъ, и обратно, повидимому, законодатель нигдѣ опредѣленно не высказывался въ томъ смыслѣ, что каждый колонъ долженъ получать индивидуальный надѣлъ, который будетъ сохраненъ за нимъ навсегда. Отмѣчаю даже, что законы, преслѣдующіе колона въ случаѣ бѣгства, собственно, не говорятъ, что онъ будетъ возвращенъ «на его надѣлъ»; они предписываютъ его водвореніе назадъ «на помѣстье господина»¹. Такимъ образомъ, легально, колону не принадлежало опредѣленнаго, ему предоставленнаго участка. Мы даже видѣли, что законъ, при извѣстныхъ условіяхъ, позволялъ владѣльцу нѣсколькихъ помѣстій переводить колоновъ изъ одного въ другое. Тѣмъ болѣе не могъ онъ противиться тому, чтобы и внутри помѣстья производились перемѣщенія колоновъ съ надѣла на надѣлъ. Стало быть, нельзя доказать, что колонъ работалъ всегда уединенно на индивидуальномъ участкѣ, ни, особенно, того, что за нимъ навсегда сохранялся одинъ и тотъ же надѣлъ.

Однако, именно такое общее заключеніе съ необходимостью вытекаетъ изъ всего, что мы знаемъ фактически о колонатѣ. Не надо забывать, что очень многіе колоны первоначально были съемщиками. Еще въ концѣ пятого вѣка только тридцатилѣтнее непрерывное пребываніе человека на чужой землѣ превращало свободного арендатора въ крѣпостного колона. Ничто не побуждаетъ насъ предполагать, что такое прикрѣпленіе къ помѣстью могло приводить къ отобранію у колона участка, который онъ раньше снималъ. Напротивъ, обнаруживается какъ разъ обратное. Законы нигдѣ не объявляютъ, что колону будетъ принадлежать одинъ опредѣленный надѣлъ, ибо установленіе вну-

¹ «Fundo esse reddendos» (*Cod. Iust.* XI, 48, 11).—«Agrorum iuri revocari» (*Cod. Theod.* V, 10, 1).—«Apud dominos remanere» (*Cod. Iust.* XI, 48, 12).

трянного распорядка въ помѣстномъ хозяйствѣ не входило въ область права. Но во всѣхъ текстахъ, относящихся къ вопросу, ясно подразумѣвается, что такова именно была общераспространенная практика.

Одинъ законъ 365 г., гдѣ рѣчь идетъ о землѣ, которую колонъ могъ обладать какъ собственностью, напоминаетъ въ то же время, что онъ никоимъ образомъ не имѣетъ права отчуждать ту, которую онъ обрабатываетъ какъ колонъ ¹. Этимъ какъ бы указывается, что онъ продолжалъ сидѣть на надѣлѣ. Если бы колонны работали группами, то здѣсь, то тамъ на помѣстьѣ, не зачѣмъ было бы говорить, что они не могутъ отчуждать землю, совершенно такъ же какъ это было излишне говорить о рабахъ, толпами воздѣлывавшихъ барскія поля. Разъ законъ считалъ нужнымъ напомнить, что колонъ отнюдь не допускается распоряжаться полемъ, которое онъ обрабатывалъ, очевидно, что онъ сидѣлъ на немъ въ продолженіе довольно длиннаго ряда лѣтъ и тѣмъ самымъ только могъ прійти къ мысли о томъ, что участокъ становился какъ бы его собственностью. Или, по крайней мѣрѣ, онъ давно привыкъ считать себя вѣчнымъ пользователемъ того же клочка, такъ что пытался присваивать себѣ право передачи «узуфрукта» другому лицу. Повидимому, такія попытки происходили довольно часто, если законъ находилъ важнымъ бороться съ ними опредѣленными запретами.

Другіе законы упоминаютъ о «поборахъ» или «доходахъ», которые колонъ уплачивалъ ². Это также безспорно показываетъ, что у колоновъ были отдѣльные участки. Въ одномъ текстѣ сказано, что онъ «пользуется плодами» ³, чего нельзя было говорить о прежнемъ сельскомъ рабѣ. Онъ продавалъ свой урожай. Нѣсколько разъ прямо указано, что онъ самъ возилъ свои продукты на рынокъ ⁴.

Итакъ, намъ кажется несомнѣннымъ, что колонъ не былъ только земледѣльцемъ по неволѣ, какъ рабъ, но что

¹ *Cod. Theod.* V, 11, 1: «Non dubium est colonis arva, quae subigunt, alienandi ius non esse».

² *Cod. Theod.* X, 1, 11: «Coloni... reditus debitos quotannis iuxta consuetudinem arcanis tradunt». — *Cod. Iust.* XI, 42, 20: «Redituum praestatio». — Cfr. *Symmach.* Epist. VII, 126.

³ «Quorum fructu relevantur» (*Cod. Iust.* XI, 51).

⁴ *Cod. Theod.* XIII, 1, 3, 8, 10.

онъ являлся держальцемъ. Онъ занималъ и воздѣлывалъ на территоріи крупнаго помѣстья выдѣленный ему клочокъ, которымъ онъ и владѣлъ подъ условіемъ уплаты назначеннаго оброка. Одинъ законъ Юстиніана особенно отчетливо изображаетъ такое именно его положеніе. Законодатель предполагаетъ, что возникъ споръ между колонами и землевладѣльцемъ по вопросу о собственности на данную землю. Если обнаружится, что колоны много лѣтъ подрядъ платили за нее ренту помѣщику, судья, достаточно освѣдомленный этимъ доказательствомъ, долженъ былъ присудить землю ему. Если же этого нельзя было подтвердить, судья предлагалось отложить рѣшеніе. Колонъ же обязывался дать залогъ, обезпечивавшій годовой оброкъ, пока будетъ окончательно выяснено, долженъ ли онъ его вносить. Могло случиться еще, прибавляетъ законъ, что колонъ не въ состояніи будетъ или не захочетъ внести залогъ. Тогда онъ долженъ уплатить сумму оброка судья, и она будетъ положена въ сохранности, а затѣмъ, по окончаніи тяжбы, передана землевладѣльцу или возвращена колону¹. Таковы черты, которыя вполнѣ освѣщаютъ вопросъ и убѣждаютъ насъ, что колонъ былъ въ самомъ дѣлѣ держальцемъ и сидѣлъ на оброкѣ. Слѣдуетъ даже отмѣтить одну содержащуюся въ законѣ подробность, именно указаніе, что размѣръ оброка устанавливался «по обычаю»².

Когда идетъ рѣчь объ обычаѣ по отношенію къ явленіямъ, связаннымъ съ колонатомъ, мы должны понимать, что дѣло не можетъ идти о какомъ-нибудь общемъ порядкѣ, составлявшемъ будто бы обычное право («кутюму») для всей имперіи. Отношенія между колонами и собственниками регулировались мѣстными и совершенно частными соглашениями. Въ каждомъ помѣстьѣ вырабатывались свои порядки, которые мало по малу формулировались какъ бы въ помѣстномъ уставѣ, *consuetudo praedii*³.

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 20: «Si coloni contra dominos terrae declamaverint, utrum is terrae dominus est necne... talem esse super redituum praestatione formam censemus... Reditus deponantur in cimeterio civitatis, ut remaneant cum omni cautela et post definitionem vel dominis dentur vel colonis restituantur».

² *Cod. Iust.* XI, 48, 20: «Per officium iudicis reditus annui exigantur per solita tempora, in quae dominis dependebantur».

³ *Ibid.* XI, 48, 5: «Consuetudo praedii». — *Ibid.* XI, 48; 23, § 2:

Такие обычаи или уставы, особые для отдельных помѣстій, устанавливались издавна, очевидно, съ той эпохи, когда на нихъ сажались первые колонны. Тогда между помѣщикомъ и вновь прибывавшими заключались не форменные контракты, а устные договоры. Въ послѣднихъ опредѣлялись подробности о работахъ, обязательствахъ и правахъ каждаго. Колонны принимали условія свободно, потому что они были людьми свободными, и потому что, чаще всего, ничто не принуждало ихъ садиться именно на данномъ помѣстьѣ. Они вступали на землю, подчиняясь выработаннымъ правиламъ, а потомъ мало по малу силою привычки или тридцатилѣтней давности оказывались привязанными къ ней навсегда. Такой уговоръ, принятый первыми колоннами при ихъ вступленіи, сохраненный ихъ потомками и подтвержденный наследниками собственника, превращался въ обычай. Послѣдній могъ различаться въ отдельныхъ помѣстьяхъ, но внутри каждаго оставался неизмѣннымъ. Онъ и являлся мѣстнымъ закономъ. Одинъ изъ императоровъ, въ 367 г. пытался было установить по этому пункту болѣе или менѣе общее правило; но и онъ оговаривается: «Если только помѣстный уставъ (*consuetudo praedii*) не требуетъ противоположнаго»¹. Такъ, всякая земля какъ бы обладала собственнымъ закономъ, въ который императорскіе указы не вносили перемѣнъ.

Истинное законодательство о колонатахъ не содержится поэтому въ кодексахъ. Оно вмѣщалось именно въ тысячахъ такихъ обычаевъ или уставовъ, сложившихся на мѣстахъ внутри помѣстій. Въ ихъ текстахъ мы бы и нашли весь организмъ института отчетливо и полно отпечатаннымъ, если бы только эти документы не погибли навѣкъ.

Очень возможно, что такіе уставы иногда редактировались письменно. Есть данныя, позволяющія предполагать, что такъ дѣлалось, по крайней мѣрѣ, на императорскихъ помѣстьяхъ. Мы знаемъ, напримѣръ, о существованіи одного подобнаго устава, составленнаго по распоряженію Адриана для крестьянъ, поселенцевъ африканскаго имѣнья *saltus Burunitanus*. Текстъ его былъ выставленъ въ этомъ по-

«Veterem consuetudinem».—Cfr. XI, 50, 1: «Plus quam consueverat».—XI, 68, 5: «Adversus consuetudinem».

¹ «Nisi consuetudo praedii hoc exigat» (*Cod. Iust.* XI, 48, 5).

мѣстѣ для всеобщаго свѣдѣнія, начертанный на бронзовой доскѣ. Но и здѣсь было бы неосновательно предполагать, что существовалъ одинъ порядокъ для фискальныхъ земель во всей имперіи. Напротивъ, весьма вѣроятно, что въ каждомъ имѣннѣ вырабатывался собственный обычай. Условія жизни колоновъ мѣнялись по провинціямъ, по характеру почвы, особенностямъ хозяйства или бытовымъ чертамъ мѣстности, по племенному происхожденію ихъ самихъ, а также въ зависимости отъ условий, при которыхъ колонны первоначально поселились на данной землѣ. Что касается помѣстій частныхъ лицъ, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не знаемъ ни одного образца такихъ записанныхъ *consuetudines praediorum*.

Мы не отыскиваемъ въ кодексахъ ни одного закона, который точно опредѣлялъ бы природу и размѣры поборовъ, возлагавшихся на колоновъ. Это объясняется именно тѣмъ, что все такое устанавливалось помѣстными уставами. Кажется, что чаще всего оброкъ уплачивался въ видѣ доли продукта. Въ 366 г. одинъ императоръ счелъ нужнымъ напомнить это землевладѣльцамъ, которые, видимо, уклонялись отъ такого порядка. «Собственники земли должны принимать оброки натурою, если только помѣстный обычай не устанавливаетъ, что они будутъ вноситься деньгами»¹. Другой еще законъ подчеркиваетъ, что рента, *reditus*, уплачивается колоннами въ однихъ помѣстьяхъ продуктомъ, въ другихъ деньгами, въ третьихъ, частью натурою, частью деньгами². Наконецъ, въ одномъ законѣ есть намекъ на барщины, *operae*, которыя также требовались съ колоновъ³.

О размѣрахъ такихъ рентъ (денежныхъ сборовъ за землю), натуральныхъ оброковъ и обязательныхъ работъ (барщинъ) кодексы не даютъ ни одной цифры, и мы остаемся по этому

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 5: «Domini praediorum id quod terra praestat accipiant, pecuniam non requirant, nisi...»

² «Sin autem reditus non in auro, sed in speciebus inferuntur, vel in totum, vel in parte» (*Ibid.* XI, 48, 20, § 2)

³ «Redhibitio operarum» (*Cod. Iust.* XI, 53, 1). Законъ этотъ постановляетъ, что если землевладѣлецъ принялъ къ себѣ колону, который ему не принадлежитъ, онъ долженъ былъ возратить законному собственнику этого колона стоимость работъ, которыя обязанъ былъ произвести колонъ и вознаградить его за убытки, которые онъ могъ понести отъ несвоевременности ихъ исполненія.

вопросу въ полной темнотѣ. Всѣ мѣстные уставы или обычаи, относящіеся къ колонату, остаются и, вѣроятно, навсегда останутся намъ неизвѣстны. Изъ тысячъ такихъ «кутюмъ» только одна дошла до насъ и то въ отрывкѣ— это *consuetudo praedii*, установленная для колоновъ *salutis Burunitanus*. Обратимся къ этому тексту. Крестьяне этого имѣнья, около 181 г. по Р. Х., направили къ своему собственнику, слѣдующую просьбу: «Не позволяй твоему съемщику (арендатору—*conductor*; онъ какъ бы замѣщаль собственника въ помѣстьѣ, являясь здѣсь тѣмъ же, чѣмъ былъ бы самъ владѣлецъ на частной землѣ) увеличивать къ невыгодѣ колоновъ доли съ полей (*partes agrariae*), такъ же какъ барщины или извозныя повинности; но пусть всѣ эти поборы остаются такими же, какими они установлены въ нашемъ уставѣ»¹.

Не трудно понять, что означаетъ въ приведенномъ отрывкѣ выраженіе *partes agrariae*: сблизимъ это мѣсто съ однимъ письмомъ Плинія Младшаго и съ однимъ фрагментомъ изъ Дигестъ, въ которомъ читаются тѣ же термины, открывается то же содержаніе, и тогда увидимъ ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о доляхъ урожая съ полей, обрабатывавшихся колонами, которыя уплачивались въ видѣ натуральныхъ сборовъ владѣльцу земли². Въ Кодексѣ Феодосія также обозначается словомъ *agraticum* часть дохода, которая вносится помѣщику послѣ уборки³. Въ одномъ законѣ Валентиніана III въ Юстиніановомъ кодексѣ это названо «долею плодовъ, должною за землю»⁴. Очевидно,

¹ См. надпись изъ *Souk el-Khmis* (C. I. L. VIII, 10570), III, 6: «Ademptum sit ius... conductori adversus colonos ampliandi partes agrarias aut operarum praebitionem iugorumve; et ut se habent litterae procuratorum, quae sunt in tabulario... sine ulla controversia sit».—Обратимъ вниманіе, что частица *aut*, поставленная между словами «partes agrarias» и «operarum praebitionem», не означаетъ, что колоны должны были вносить либо поставлять то или другое. *Aut* не всегда является союзомъ раздѣлительнымъ и часто употребляется въ смыслѣ *et*. Къ тому же всѣ эти слова относятся къ «ademptum sit ius», и фраза должна пониматься въ томъ смыслѣ, что *conductor* не можетъ увеличивать ни того, ни другого.

² *Plin.* Epist. IX, 37: «Non nummo, sed partibus locem». — *Dig.* XIX, 2, 25, 6: «partarius colonus».

³ *Cod. Theod.* VII, 20, 1 (законъ 373 г.): «Qui messium tempus adsolent aucupari, agratici nomine».

⁴ *Cod. Iust.* XI, 48, 8: «Excolentes terras, partem fructuum pro solo debitam praestiterunt».

это натуральные оброки, взимавшіеся за участки, которые занимали колонны.

Надпись не указываетъ, лежала ли на колонахъ какая-нибудь денежная плата. Она не опредѣляетъ также и величины сборовъ натурою. Устанавливалась ли заранѣе часть, на которую имѣлъ право помѣщикъ? Или она составляла въ точномъ смыслѣ долю, пропорціональную полученному валовому доходу съ поля? Въ послѣднемъ случаѣ, который кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, желательно было бы знать, какая пропорція устанавливалась обычно. Отдавалъ ли колонъ половину, четверть, десятую части всего урожая? Мы не можемъ этого сказать.

У насъ есть, правда, сборникъ земельныхъ уставовъ (такъ называемый «крестьянскій законъ»), составленный въ VIII-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. въ Византійской имперіи на греческомъ языкѣ. По нему приблизительно можно судить о помѣстныхъ обычаяхъ, практиковавшихся во всей римской имперіи во времена Анастасія и Юстиніана ¹. Но я очень сомнѣваюсь, чтобы можно было бы принять какъ общее правило установленную тамъ норму: «Часть, причитающаяся колону-дольщику, составляетъ девять сноповъ (то-есть, изъ десяти), владѣлецъ получаетъ одинъ; тотъ, кто взыскиваетъ больше, проклятъ будетъ Богомъ» ². Приведенныя слова формулируютъ скорѣе пожеланіе, чѣмъ твердое правило; они скорѣе указываютъ на «лучшій», чѣмъ на

¹ Это такъ называемые «Νόμοι γεωργικοί κατ' ἐκλογὴν βιβλίων τοῦ Ἰουστινιάνου βασιλέως». Сборникъ содержитъ въ себѣ скорѣе обычаи, чѣмъ законы; онъ приложенъ къ трактату Герменопула Слѣдуетъ отмѣтить, что слово γεωργός употребляется въ данномъ текстѣ во всѣхъ различныхъ значеніяхъ, которыя съ нимъ связаны. Онъ прилагается здѣсь, впрочемъ, чаще къ мелкимъ собственникамъ, чѣмъ къ держальцамъ. О колонатѣ мы найдемъ въ этомъ памятникѣ немного матеріала.

Недавно вышло русское изслѣдованіе Б. А. Панченко, Крестьянская собственность въ Византіи (1903). Въ немъ данныя изъ «Νόμος γεωργικός» систематически сравниваются съ аграрными порядками Римской имперіи, при чемъ отыскиваются многочисленныя аналогіи и опредѣляется чрезвычайно интересная генетическая связь.

Прим. ред. перевода.

² Νομ. γεωργ. I, § 21 (ed. Heimbach, p. 834): «Μορτίτου μέρος δερμάτιον θ'. Χωροδότης μέρος δερμάτιον ἐν; ὁ δὲ ἐκτός τούτων μερίζόμενος θεοχάτατος».

«всеобщій» обычай. Мы можемъ предположить, что на многихъ помѣстьяхъ взималась дѣйствительно лишь десятая доля продукта. Низкій уровень этого сбора могъ бы объясниться тѣмъ фактомъ, что колонны должны были еще платить (вмѣсто помѣщика) государственныя подати, которыми обложены были земли. Но вѣроятно же думать, что сота долей колебалась въ различныхъ мѣстностяхъ и отдѣльныхъ помѣстьяхъ, и что по данному пункту не установилось общаго правила.

Что касается дней принудительныхъ работъ, то мы знаемъ точнымъ образомъ число ихъ, налагавшихся на колонновъ въ помѣстьѣ *saltus Burunitanus*. На основаніи устава, текстъ котораго былъ начертанъ на мѣдной доскѣ, они повинны были «шестью днями (обязательныхъ работъ въ годъ), изъ которыхъ два шли на пахоту, два на бороньбу (или полку), два на уборку»; каждый разъ они должны были являться съ своими быками или лошадьми ¹.

Упомянутіе такихъ трудовыхъ повинностей требуетъ спеціальнаго замѣчанія. Никто не подумаетъ, что эти дни пахотной или жатвенной работы, которые полагались отъ каждаго колона, производились на его собственномъ надѣлѣ. Ясно, что на участкѣ, который онъ самъ занималъ, и съ котораго урожай шелъ въ главной части на его потребленіе, ему приходилось отдавать земледѣлю гораздо болѣе шести дней въ году. Не было даже основанія считать эти дни, такъ какъ никто, кромѣ него, не былъ заинтересованъ хорошею обработкою нарѣзаннаго ему клочка. Работа, которая требовалась землевладѣльцемъ, очевидно, выполнялась внѣ предѣловъ земли, отданной колону. А тогда ясно, что не все помѣстье роздано было малыми долями держальцамъ. Оно распадалось на двѣ половины: одна заселена была колонами, которые и хозяйствовали каждый для себя на отведенныхъ участкахъ; другая воздѣлывалась за счетъ собственника. Часть, оставленная себѣ владѣльцемъ, обрабатывалась также колонами. Такой способъ эксплуатаціи былъ простъ и практиченъ. Если нельзя сказать, что онъ давалъ наивысшій доходъ, то можно думать, что онъ наилучшимъ образомъ обезпечивалъ его сред-

¹ Надпись изъ Сукъ-Эль-Кмисъ, IV, 5—6: «Ne plus quam ter binas operas curabunt»; III, 11—13: «Non amplius annuas quam binas aratorias, binas sartorias, binas messorias operas debeamus».

ній уровень, охраняя отъ рѣзкихъ колебаній. Доходъ владѣльца слагался изъ оброковъ, взыскивавшихся съ колонновъ за ихъ участки, и изъ урожая съ барской части, обработка которой производилась безъ спеціальнаго расхода трудомъ ихъ же рукъ. Колонъ же пользовался большею частью изъ совокупности всего сбора съ своего надѣла. Повинности его за занятую землю, стало быть, заключались въ оброкъ и барщинъ (въ приведенномъ примѣрѣ послѣдняя равнялась шести днямъ обязательнаго труда на помѣщичьемъ полѣ).

Достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что хозяйственные порядки, ясно описанные въ римской надписи, относящейся къ 181 г. по Р. Хр., обнаруживаются существующими въ различныхъ мѣстностяхъ европейскаго Запада и послѣ варварскихъ нашествій. Подвинемся впередъ на пять-шесть вѣковъ: мы по прежнему увидимъ помѣстья, раздѣленные на двѣ половины. Въ одной, которая именуется «манзами», земля раздѣлена на небольшіе надѣлы, розданные крестьянамъ, большинство которыхъ является колонами. Другая, которая называется «господскою», *dominicum*, составляетъ непосредственное владѣніе собственника. Такимъ образомъ, римскіе порядки сохранились въ далекомъ средневѣковѣ; остались неизмѣненными самые термины. Римскія *partes agrariae* узнаются въ средневѣковомъ *champart* (= *campi pars*); *operae* превратятся въ *corvées*, которыя на средневѣковой латыни продолжаютъ носить имя *manoperae* («main-d'oeuvre»). Даже *iuga*, «подводы», фигурируютъ въ средневѣковыхъ писцовыхъ книгахъ. Число барщинныхъ дней въ послѣднихъ будетъ также точно устанавливаться, съ тою разницею, что въ средніе вѣка ихъ будетъ требоваться, обычно, больше, чѣмъ требовалось въ римской имперіи. Отмѣтимъ еще одну черту сходства: крестьянскія повинности не будутъ и тогда опредѣляться общими законами; онѣ будутъ устанавливаться уставами, особыми въ каждомъ помѣстьѣ и въ каждомъ отличными отъ другихъ, но твердо неизмѣнными внутри cadaго. Такіе уставы будутъ именоваться «земельными кутюмами», какъ римляне говорили «*consuetudo praedii*».

Государственная власть въ римской имперіи, которая не создавала такихъ «помѣстныхъ обычаевъ», заботилась только о томъ, чтобы они соблюдались. Если законъ воспре-

шаль колонамъ нарушать ихъ, то онъ распространялъ такой запретъ и на собственниковъ. Когда нѣкоторые землевладѣльцы нашли болѣе удобнымъ получать за землю деньгами и пытались оброкъ натуральный перевести на денежный, императорское законодательство воспротивилось такому нововведенію. Другіе землевладѣльцы пробовали повышать оброки и барщины: мы можемъ легко себѣ представить, что злоупотребленія, на которыя жаловались въ 181 г. колонны *saltus Burunitanus*, повторялись много разъ во многихъ мѣстахъ, а не въ одной Африкѣ. Владѣльцы могли даже приводить достаточно серьезныя основанія въ оправданіе такой тенденціи. Часто случалось, навѣрно, что невоздѣланное помѣстье (новъ, *saltus* въ буквальномъ смыслѣ) сдавалось первоначально колонамъ въ расчистку за весьма низкіе, почти ничтожные оброки или повинности. Но прошло много времени, прожило нѣсколько поколѣній, земля сдѣлалась очень плодородною, а колонны сильно поднялись въ своемъ довольствѣ. Тогда землевладѣльцу очень просто приходило на мысль, какъ воспользоваться и ему происшедшимъ возвышеніемъ доходности его земли. Въ наши дни при подобныхъ обстоятельствахъ неминуемо оказались бы повышенными арендныя цѣны. Но римское императорское правительство никогда не шло навстрѣчу подобнымъ притязаніямъ. Можно привести законъ Константина съ такимъ содержаніемъ: «Всякій колонъ, съ котораго землевладѣлецъ будетъ взыскивать больше, чѣмъ установлено по старому обычаю, явится къ ближайшему представителю судейской власти, и послѣдній не только воспретитъ владѣльцу впредь повышать установившіеся оброки, но и заставитъ возратить колону то, что было съ него неправильно взято» ¹.

Аркадій напоминаетъ это правило ²; Юстиніанъ вновь подтверждаетъ его: «Пусть землевладѣльцы строго воздерживаются отъ всякихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ

¹ *Cod. Iust.* XI, 50, 1: «Quisquis colonus plus a domino exigitur quam ante consueverat et quam in anterioribus temporibus exactus est, adeat iudicem... et facinus comprobet, ut ille, qui convincitur amplius postulare quam accipere consueverat, hoc facere in posterum prohibeatur, prius reddito quod superexactione perpetrata noscitur extorsisse.

² *Ibid.* XI, 50, 2, 4: «Superexactionibus, in quibus retro principes facultatem eis super hoc interpellandi praeberunt».

судья принудитъ ихъ вознаградить колона за понесенный убытокъ, и будетъ заботиться, чтобы не нарушались старые обычаи»¹. Законодатель прибавляетъ тутъ же характерную фразу, открывающую начало, которымъ руководствовало имперское правительство по данному вопросу, и показывающую истинную сущность колоната: «Настоящій нашъ законъ будетъ примѣняться не только къ теперешнимъ колонамъ, но и къ будущему ихъ потомству всякаго возраста и обоого пола. Мы хотимъ, чтобы это потомство, разъ родившись въ данномъ помѣстьѣ, оставалось бы навсегда въ его принадлежности въ томъ же положеніи и на тѣхъ же условіяхъ, по какимъ жили тамъ ихъ предки»².

Установилась, стало быть, неизмѣняемость социальнаго состоянія; но она направлена была столько же къ выгодѣ колона, сколько и господина. Законодатель какъ будто видитъ въ фактическомъ состояніи колоновъ послѣдствіе первоначальнаго, далекаго соглашенія, подобіе контракта, и онъ требуетъ, чтобы таковое оставалось навѣкъ нерушимо. Онъ удерживаетъ колоновъ на землѣ, но настаиваетъ, чтобы по отношенію къ нимъ во всѣ времена соблюдались безъ перемѣны тѣ обязательства, которыя они, предполагалось, сами приняли, когда, еще свободные, сѣдлись на помѣстье.

Настойчивою заботою государства являлось уваженіе сложившихся обычаевъ. Оно замѣчается даже въ отношеніи къ податному вопросу. Мы уже видѣли, что особымъ приемомъ кадастральнаго распредѣленія, правительство подвело колона такъ сказать, подъ понятіе земельной единицы; но оно не подумало установить повсюду однородную форму для уплаты подати. Иногда землевладѣлецъ платилъ за своихъ колоновъ. Иногда сами колонны непосредственно вносили лежащій на нихъ государственный сборъ въ казну. Иногда еще колонны вручали сумму налога землевладѣльцу, а по-

¹ *Ibidem*, XI, 48, 23, 2: «Caveant possessionum domini, in quibus tales coloni constituti sunt, aliquam innovationem vel violentiam eis inferre. Si enim, hoc approbatum fuerit et per iudicem pronuntiatum, ipse provinciae moderator praevideat et laesionem eis resarcire et veterem consuetudinem in redditibus praestandis eis observare».

² *Ibidem*: «Hoc tam in ipsis colonis quam in sobole eorum qualiscunque sexus vel aetatis sancimus, ut et ipsa semel in fundo nata remaneat in possessione sub iisdem modis iisdemque condicionibus, sub quibus genitores eius manere in alienis fundis definivimus».

слѣдній передавалъ ее правительственнымъ органамъ. Такъ власть допустила образование въ различныхъ мѣстностяхъ и внутри отдѣльныхъ помѣстій особыхъ способовъ уплаты подати. Намъ незачѣмъ много говорить, что на практикѣ всѣ три способа сводились къ тому же самому. Легко предположить, что, гдѣ оброкъ, платившійся помѣщику, не превышалъ нормы десятого снопа и барщина составляла лишь шесть либо восемь рабочихъ дней въ годъ, государственная поземельная подать вносилась также колономъ. Тамъ, гдѣ она уплачивалась землевладѣльцемъ, помѣстные сборы и обязательныя повинности повышались. Какъ бы то ни было, правительство дозволяло каждому землевладѣльцу выбирать любую изъ трехъ указанныхъ формъ. Но разъ она была выбрана, требовалось сохранять ее на будущія времена. Въ одномъ любопытномъ законѣ, въ которомъ регулируется ходъ процесса между помѣщикомъ и колономъ, законодатель прежде всего высказывается о томъ, какъ будутъ уплачиваться оброки; затѣмъ онъ продолжаетъ: «Установивъ въ такомъ смыслѣ вопросъ объ уплатѣ оброковъ, перейдемъ къ внесению государственныхъ податей. Если въ помѣстьѣ, гдѣ происходитъ тяжба, было въ обычаѣ, чтобы колонъ платилъ подать непосредственно въ казну, онъ будетъ и впредь дѣлать такъ же, и не должны никоимъ образомъ затрогиваться интересы владѣльца, который до тѣхъ поръ ея не платилъ ¹. Но если дѣйствуетъ другой обычай, что колонъ передаютъ землевладѣльцу и оброки, и подати, а послѣдній отдѣляетъ изъ общей совокупности полученнаго двѣ части, одну оставляетъ себѣ въ качествѣ оброка, другую передаетъ въ казну въ качествѣ подати,—въ такомъ случаѣ, колонъ (при возникновеніи тяжбы, о которой идетъ рѣчь) внесетъ намѣстнику провинціи обѣ суммы, оброкъ и подать, и тотъ произведетъ раздѣлъ и будетъ ждать, пока исходъ тяжбы не покажетъ, надо ли будетъ вручить росписку о внесении подати колону или землевладѣльцу» ².

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 20, 3: «Haec de rebus definitis, ad publicas transeantur functiones. Si quidem coloni more solito eas dependant, ipsi maneat in pristina consuetudine, nullo praedictio dominis generando, qui colonis non contradicentibus, ad publicum tributarias functiones minime inferebant».

² *Ibidem*: «Sin autem moris erat dominos totam summam accipere et ex ea partem quidem in publicas vertere functiones, partem autem

Не находится ни одного закона, который препятствовалъ бы землевладѣльцу уменьшать участокъ, выдѣленный для колона. Никакой законъ не понуждалъ его передавать тотъ же участокъ сыну колона. Не существовало, повидимому, наконецъ, и закона, который обезпечивалъ бы наслѣдственныя права дѣтей колона и устанавливалъ бы формы раздѣла между ними земли, занятой отцомъ. Всѣ эти вопросы не входили въ область права, опредѣлявшагося государствомъ. Они и не разрѣшались законами. На практикѣ же, мы склонны думать, разъ выдѣленный участокъ обезпечивался навсегда за колономъ въ цѣлости и не подвергался уменьшенію безъ какихъ-нибудь очень важныхъ побужденій. Намъ представляется также, что держанье колоновъ было наслѣдственно. Для послѣдняго у насъ нѣтъ, правда, другого доказательства кромѣ правила, принуждавшаго сына «оставаться на землѣ, которую отецъ разъ принялъ для обработки»¹; и другого правила, объявлявшаго, что онъ будетъ сидѣть на ней «съ тѣми же обязательствами, что отецъ»². Но болѣе или менѣе ясно, что здѣсь рядомъ съ обязанностью для него открывалось и право.

Мы можемъ, стало быть, допустить, что колонъ былъ увѣренъ, хотя бы законъ того и не гарантировалъ,—что земля его окажется переданною его дѣтямъ. Заставлялъ ли помѣщикъ при этомъ послѣднихъ уплачивать какой-нибудь поборъ за переходъ земли или перемѣну держальца,—этого мы не знаемъ, и ни одинъ текстъ не разъясняетъ даннаго пункта.

Одинъ законъ напоминаетъ, что колонъ не имѣетъ права отчуждать поле, которое обрабатываетъ³. Слишкомъ

in suos reditus habere, tunc, si quidem fideiussor a colonis detur, fideiussorem dominis tantam summam inferre quantam tributa publica faciunt, ut a dominis publicis rationibus persolvantur... Sin autem pecuniae deponantur, ex earum summa tantum iudices separare quanta ad publicas sufficiat functiones, reliqua quantitate, quae in reditus puros remanet in tuto collocanda et litis terminum exspectante... donec iudicialis sententia ostendat, quis dominus terrae constitutus est et ad quam publicarum functionum securitas debet in posterum fieri seu reditus pervenire».

¹ *Ibid.* XI, 48, 23: «Semper terrae inhaereant, quam semel colendam patres susceperunt».

² *Ibidem*: «Sub iisdem modis iisdemque conditionibus, sub quibus genitores eius...»

³ *Cod. Theod.* V, 11, 1.

очевидно, что онъ не могъ продавать землю, ему не принадлежавшую, на началахъ собственности. Можетъ быть, слѣдуетъ понимать законъ въ томъ смыслѣ, что колонамъ запрещалась передача пользованія занятымъ участкомъ другому лицу. Если обычай разрѣшалъ колонамъ и даже принуждалъ ихъ оставлять надѣлы дѣтямъ, легко понять, что онъ же не допускалъ завѣщать ихъ чужимъ людямъ или располагать ими путемъ продажи или дара на сторону. Колонъ не могъ промышлять занятою землею. Стало быть, если онъ умиралъ бездѣтнымъ, участокъ возвращался въ непосредственное распоряженіе землевладѣльца.

Колоны, впрочемъ, могли владѣть имуществомъ и на правахъ собственности. У нихъ были движимости, деньги, скоть. Держальцы на какомъ-нибудь имѣньѣ, они могли въ другомъ мѣстѣ даже обладать своею землею. Это то и обнаруживаетъ законъ, когда говоритъ, что колонъ заносился въ податныя книги здѣсь, какъ держалець, тамъ, какъ собственникъ ¹.

Находилось ли въ рукахъ ихъ полное распоряженіе имуществомъ послѣдней категоріи? Для разъясненія вопроса у насъ есть только одинъ законъ, относящійся къ 434 г. Онъ касается священниковъ и монаховъ, умиравшихъ безъ завѣщанія. Постановивъ, что имущества такихъ лицъ, передавались ихъ церкви или монастырю, законодатель дѣлаетъ исключеніе для того, случая, когда они принадлежали къ разряду колоновъ. Тогда имущество ихъ «должно отходить» не къ церкви, а «къ владѣльцу имѣнья, гдѣ они родились» ². Эти слова, по первому взгляду, могли бы привести къ заключенію, что колоны не владѣли ничѣмъ, и что все ихъ имущество было собственностью господъ. Но всматриваясь въ контекстъ, убѣждаемся, что рѣчь идетъ здѣсь именно лишь «о священникахъ и монахахъ, у которыхъ не оставалось ни дѣтей, ни родичей, и которые къ тому же умирали, не составивъ

¹ *Ibid.* XI, 1, 14: «Quibus terrarum erit quantulacunque possessio, qui proprio nomine libris censualibus detinentur».—*Novell. Iustin* 128, 14: «Si contingat agricultores alicui competentes aut adscripticios propriam habere possessionem».

² *Cod. Iust.* I, 3, 20: «Exceptis his facultatibus, quas censibus adscripti relinquunt; nec enim iustum est bona seu peculia, quae debentur domino possessionis, cui quis eorum fuerat adscriptus, ab ecclesiis vel monasteriis detineri».—*Cfr. Cod. Theod.* V, 3, 1.

завѣщаній»¹. Нужно было соединеніе двухъ этихъ условій, чтобы наслѣдство колоновъ доставалось землевладѣльцу. Далеко отъ того, стало быть, чтобы предписывать нѣчто вродѣ средневѣковой «мертвой руки» (*mainmorte*) по отношенію къ имуществамъ колоновъ,—законъ этотъ, наоборотъ, констатируетъ, что дѣти, послѣ смерти ихъ, наслѣдовали родителямъ; за отсутствіемъ дѣтей право передавалось восходящимъ или боковымъ родственникамъ. Въ немъ заключается даже допущеніе для колоновъ права завѣщанія. Землевладѣлецъ наслѣдовалъ отъ колона только въ случаѣ отсутствія законныхъ наслѣдниковъ или завѣщанія.

Такое правило не примѣнялось только къ надѣламъ, которые колоны держали отъ помѣщика. Здѣсь, какъ кажется, допускалось лишь наслѣдованіе по прямой нисходящей линіи. Что касается собственнаго имущества колоновъ, то правила наслѣдованія ими оставались въ ихъ кругу тѣми же, какъ у свободныхъ людей. Замѣчалась здѣсь лишь одна особенность: выморочныя имущества колоновъ переходили къ ихъ землевладѣльцамъ, а не къ государству.

Надобно, впрочемъ, отмѣтить, что и такія собственныя имущества колоновъ называются иногда въ кодексахъ пекуліями². Конечно, не слѣдуетъ понимать здѣсь это выраженіе буквально въ томъ же смыслѣ, какъ оно употреблялось примѣнительно къ рабамъ³. Извѣстно, что пекулій рабовъ такъ мало принадлежалъ имъ, даже при жизни ихъ, что господинъ могъ отобрать его во всякое время. Ничего подобнаго не замѣчается по отношенію къ колонамъ. Колонъ пріобрѣталъ для себя. На его имущество нельзя было наложить руку въ обезпеченіе уплаты долговъ господина⁴; это—черта, которая рѣзко отличаетъ его отъ

¹ *Cod. Iust.* I, 3, 20: «Qui nullo condito testamento decesserit, nec ei parentes vel liberi vel si qui agnationis cognationisque iure iunguntur vel uxor exstiterit».

² *Ibidem* XI, 50, 2; XI, 52, 1 (ed. Krüger). Cfr *Lex Romana Burgundionum*, XIV, 6; *Codex Hermogenianus* (ed. Haenel), p. 77.

³ Законъ Анастасія, который мы выше приводили, говоритъ объ *adscripti*, пекулій которыхъ принадлежалъ господину. Но мы видѣли также, что *adscripti* могли быть и рабами. Здѣсь мы встрѣчаемся, должно быть, именно съ такимъ случаемъ.

⁴ Таковъ былъ старый принципъ, который формулируется и въ кодексѣ Юстиніана (IV, 10, 3): «Ob causas proprii debiti locatoris conveniri colonos pensionibus ex placito satisficientes perquam iniuriosum

рабскаго пекулія. Съ другой стороны, мнѣ кажется, такое употребленіе слова *peculium* примѣнительно къ имуществу колоновъ заставляетъ предполагать, что въ умахъ людей того времени представлялась нѣкоторая аналогія между двумя этими категоріями благъ: собственность колоновъ такъ или иначе должна была подчиняться верховному праву господина. Послѣднее въ самомъ дѣлѣ обнаруживается изъ одного закона 365 г. Изъ него видно, что колоны не могли отчуждать то, что принадлежало имъ какъ собственность, «не извѣстивъ» землевладѣльца или «не совѣтовавшись» съ нимъ ¹. Какъ сложилась такая необычайная особенность? Развѣ то, чѣмъ колонъ владѣлъ какъ собственностью, разсматривалось какъ обезпеченіе его обязательствъ за землю ²? Или мысль исходитъ здѣсь изъ того соображенія, что, явившись бѣднымъ на землю, колонъ могъ обогатиться только ею и потому долженъ оставлять землѣ то, что она ему дала? Или, наконецъ, землевладѣлецъ, какъ «патронъ» пользовался правомъ блюсти за интересами колоновъ и не допускать ихъ до легкомысленныхъ отчужденій имущества. Вѣрнѣе всего, не былъ ли самъ владѣлецъ реально заинтересованъ, чтобы колоны находились въ довольствѣ, чтобы ихъ рабочій скотъ хорошо откармливался, работы исполнялись тщательно, и тѣмъ самымъ все помѣстье благоденствовало? Очень многіе мотивы побуждали законодателя предоставить землевладѣльцу право контроля надъ отчужденіями, которыя производились колонами. Законъ не говоритъ прямо, что господинъ могъ отказать колону въ правѣ продажи. Но въ рукахъ его, безъ сомнѣ-

est.» — Я склоненъ думать, что это правило, которое было установлено въ 285 г., относилось скорѣе къ свободнымъ съемщикамъ, чѣмъ къ колонамъ; но оно распространено было и на послѣднихъ. Мы находимъ ее и въ законѣ, относящемся къ податямъ: «*Colonos nunquam fiscalium nomine debitorum ullius exactoris pulset intentio*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 15).

¹ *Cod. Theod.* V, 11, 1: «*Si qua propria habeant, inconsultis atque ignorantibus dominis, in alteros transferre non liceat*». — Законъ этотъ возобновляется или напоминаетъ Аркадіемъ (*Cod. Iust.* XI, 50): «*Ne quid de peculio suo cuiquam colonorum ignorante domino praedii aut vendere aut alienare liceret*».

² *Cod. Iust.* IV, 65, 5. — Это правило, раньше примѣнявшееся къ свободному съемщику, естественно могло распространиться и на колоновъ.

нія, находились средства не допустить колона до отчужденія того, что полезно было для хозяйства. Думаю, что особенно строго преслѣдовались продажи за предѣлы помѣстья, то-есть, человѣку, который самъ не былъ колономъ того же господина. Возможно, что это и составляетъ главный предметъ приведеннаго закона.

Мы можемъ, стало быть, допустить, что колонамъ затруднялись продажи или завѣщанія имущества людямъ, не входившимъ въ составъ «людей помѣстья». Онъ могъ владѣть собственностью, но, вѣроятно же всего, подъ молчаливымъ условіемъ, что не будетъ ничего выводить изъ помѣстья¹. Все это понятно, ибо все это согласуется съ суммою фактовъ, стремленій и идей, которыя мы вскрыли, какъ силы, слагавшія колонатъ. Образовалась такая тѣсная связь между колонами и землею, что въ концѣ концовъ умъ съ трудомъ могъ допустить, чтобы нѣчто, принадлежавшее колонамъ, могло быть отдѣлено отъ помѣстья. Имущество ихъ должно было оставаться прикрѣпленнымъ къ нему, какъ и его личность. Это имущество рисовалось какъ бы накопленіемъ плодовъ отъ ихъ держанья. Оно составляло одно цѣлое со всѣмъ имѣніемъ.

¹ Въ такомъ-то смыслѣ одинъ законъ Аркадія (*Cod. Iust. XI, 50, 2*) утверждаетъ, что колонъ имѣетъ право приобрѣтать, но не передавать, «*acquirendi tantum, non transferendi potestate permissa*».

ГЛАВА IX.

Нѣсколько замѣчаній о колонатѣ.

Мы сдѣлали обзоръ всѣхъ текстовъ, относящихся къ колонату. Мы настойчиво подчеркиваемъ, однако, что эти тексты не сообщаютъ намъ всей требуемой истины. Нѣкоторые элементы института ускользаютъ отъ нашего взгляда, другіе открываются намъ лишь одной стороной своей природы. Мы могли обнаружить лишь нѣкоторые изъ источниковъ колоната и опредѣлить только нѣсколько обычаевъ, которые управляли его жизнью. Специально мы убѣдились, что колонатъ былъ учрежденіемъ частнаго, а не публичнаго права. Онъ созданъ дѣйствительно самъ собою. Государство наложило на него руку лишь поздно. Оно допустило и сохранило скорѣе, чѣмъ установило колонатъ.

Мы не чувствуемъ себя обязанными опредѣлить, было ли учрежденіе колоната хорошо или дурно само по себѣ. Врядъ ли съ насъ спрашивается моральный приговоръ о немъ. Да и было бы ребячествомъ оцѣнивать его по умственнымъ критеріямъ современности. Историкъ стремится понимать, а не судить.

Конечно, было бы интересно убѣдиться, являлись ли колоны классомъ бѣдствующихъ, и до какой степени глубоко шли его бѣдствія. Но если бы мы задались цѣлью произвести въ такомъ направленіи опросъ имѣющихся документовъ, то скоро бы убѣдились, что для прочнаго сужденія совершенно не хватаетъ свидѣтельствъ. Литературныя произведенія эпохи почти ничего не сообщаютъ о колонахъ. Въ

нихъ не изображается ихъ бытъ, ничего не говорится о волновавшихъ классъ чувствованіяхъ.

Правда, въ Кодексѣ Θεодосія упоминается о «бѣглыхъ» колонахъ. Отсюда нѣкоторые историки заключаютъ, что всѣ колоны силились уйти изъ своего положенія или находились «въ бѣгахъ». Но они плохо вчитались въ кодексъ. Размѣры или пропорція явленія ускользаютъ отъ нихъ, и они плохо чуютъ реальную картину колонатной дѣйствительности. Если въ законодательствѣ преслѣдуется какое-нибудь дѣяніе, это не значитъ, непременно, что большинство населенія оказывается въ немъ повинно. Гораздо лучше выяснимъ мы вопросъ, если прибѣгнемъ къ подсчету: о бѣгствѣ колоновъ говорятъ 13 императорскихъ рескриптовъ на протяженіи двухъ вѣковъ и касаясь различныхъ провинцій имперіи. Этого недостаточно, чтобы прийти къ заключенію, что всѣ колоны искали спасенія отъ колоната. Такъ какъ статистическія данныя отсутствуютъ, то намъ и невозможно возстановить отношеніе между тѣми, кто убѣгалъ, и тѣми, кто оставался.

Отмѣтимъ, къ тому же, что тѣ же указы, которые открываютъ намъ «бѣглыхъ» колоновъ, обнаруживаютъ также причины такого «бѣгства». Ихъ было двѣ. Мы видимъ, во-первыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ пытались проникнуть въ ряды войска, даже въ замѣтные чины арміи, искали административныхъ должностей, добивались духовныхъ званій¹. Освободиться отъ колоната ихъ толкала, такъ сказать, социальная цѣпкость. Они рвались къ обществу по своему положенію, болѣе высокому и менѣе трудовому. Подобные факты врядъ ли доказываютъ, что колоната былъ особенно тяжелымъ и несчастнымъ социальнымъ положеніемъ. Вполнѣ естественно для человѣка стремиться перейти изъ худшихъ въ лучшія условія существованія. Когда мы читаемъ въ одной новеллѣ Валентиніана о колонахъ, которымъ удалось достигнуть высокихъ достоинствъ въ правительственныхъ канцеляріяхъ (*in praeclara scriniorum officia*)²,—что же можно вывести изъ фактовъ подобнаго рода для неблагоприятной оцѣнки характера колоната?

Существовали, однако, еще и другіе бѣглые колоны и въ

¹ *Cod. Iust.* I, 3, 16; 36; XI, 48, 18; XI, 68, 3.

² *Novell. Valentin.* XXVI, ed. Haenel, p. 213.

гораздо болѣе значительномъ числѣ. То были перебѣжчики изъ одного помѣстья въ другое. Именно эту категорію ихъ кодексы занимаютъ больше всего. Замѣтимъ, что мѣнять помѣстье не значитъ стремиться къ перемѣнѣ общественаго положенія. Подобные переходы могли повторяться очень часто, и они объясняются совершенно естественными побужденіями. Мѣ видѣли, что условія работы и обязательства колоновъ не были вездѣ одинаковы. Въ каждомъ помѣстьѣ вырабатывался свой уставъ. Колонъ могъ присмотрѣть въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія отъ своего мѣста другое имѣнье, въ которомъ колоны жили на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Онъ старался перебраться туда. Но онъ не бѣжалъ отъ колонатнаго состоянія вообще. Каждый разъ, когда законы упоминаютъ вамъ о такомъ бѣгломъ колонѣ, вы должны представить себѣ его между двумя господами: отъ одного онъ уходитъ, у другого ищетъ пріюта.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Всѣ императорскіе рескрипты, въ которыхъ идетъ рѣчь о подобныхъ *coloni fugitivi*, стремятся наложить узду на злоупотребленія землевладѣльцевъ, которые «заманиваютъ ихъ къ себѣ» или «удерживаютъ ихъ у себя». Они преслѣдуютъ господъ гораздо сильнѣе, чѣмъ самихъ колоновъ¹. Они наказываютъ землевладѣльцевъ, а не колоновъ. Истинно виновнымъ при подобныхъ проступкахъ признавался, повидимому, собственникъ земли, укрывшій бѣглеца. Дѣйствительно, было очень вѣроятно, что владѣльцы, у которыхъ часто не хватало земледѣльческаго населенія на помѣстьяхъ, оттягивали нужныя рабочія руки у другихъ. Самое существованіе такой конкуренціи заставляетъ думать, что колонамъ не могло житься черезчуръ плохо.

Слѣдующее обстоятельство особенно убѣждаетъ насъ въ томъ, что бѣдствія и угнетеніе колоновъ врядъ ли были очень остры: въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ вѣковъ, непрерывно вновь появлялись въ имперіи люди, добровольно

¹ *Cod. Theod.* V, 9, 1; 2.—*Cod. Iust.* XI, 48, 8.—Замѣтьте тутъ слѣдующія выраженія: «*Quisquis colonum iuris alieni sollicitatione susceperit*» (*Theod.* V, 9, 2); «*Si quis alienum colonum suscipiendum crediderit*» (*Iust.* XI, 52, 1); «*Si quis colonus seu sponte seu sollicitatione transductus*» (*Theod.* V, 10, 1); «*Profugis in lucrum suum usi sunt*» (*Cod. Iust.* XI, 48, 8).

вступавшіе въ колонатъ. Въ концѣ V-го вѣка императоръ Анастасій говоритъ о «свободныхъ людяхъ», которые оставались тридцать лѣтъ на одномъ и томъ же помѣстьѣ и не думали уходить, хотя прекрасно знали, что по истеченіи этого срока они станутъ колонами уже на вѣчныя времена. Они свободно могли въ продолженіе тридцати лѣтъ перейти въ другое мѣсто, но, однако, остались на томъ же. Ничего не было легче, какъ не допустить давность, хотя бы при помощи временнаго отсутствія. Только послѣ добровольнаго тридцатилѣтняго держанія даннаго участка, они превращались въ колоновъ поневолѣ.

Одинъ законъ Валентиніана III показываетъ намъ людей, которые добровольно просятъ о принятіи ихъ въ помѣстье, чтобы жить на его землѣ въ качествѣ колоновъ. Эти люди «объявляютъ свою волю стать колонами официальнымъ актомъ, который заносится въ муниципальный архивъ»¹. Они поступаютъ такъ, хотя и знаютъ, что послѣ заключенія такого договора ни имъ, ни дѣтямъ ихъ уже нельзя будетъ покинуть помѣстье.

Еще во времена Юстиніана видимъ мы, какъ свободные люди по доброй волѣ вступаютъ въ колонатъ. Законодатель даже беретъ на себя заботу предупѣдомлять ихъ о возможной неожиданности и удержать отъ необдуманнаго шага. Онъ предупреждаетъ этихъ людей, что недостаточно будетъ словесно выразить свое согласіе вступить въ колонатъ, а потребуется составить объ этомъ письменный актъ. Для вящей предосторожности предписывается и публичное устное заявленіе, и подтверждающая его грамота. Письмо или запись должна быть ими собственноручно подписана. Въ ней они свидѣтельствуютъ, что рѣшеніе ихъ добровольно, и они «не принуждаются силою или нуждою». Они

¹ *Novell. Valentin.* XXX, 1, § 5 (p. 226—227, Haenel). — Законъ направленъ къ предупрежденію злоупотребленія: люди входили въ помѣстье, чтобы жениться тамъ на женщинахъ колонатнаго состоянія, а вслѣдъ затѣмъ уходили. Законодатель стремится нѣсколько затруднить вступленіе въ колонатъ, а не только закрыть свободу выхода изъ него: «Si quis ad praedium cuiuscunque se collegerit et mulieri obnoxiae sociari voluerit, gestis municipalibus profiteatur habitandi ubi elegerit voluntatem, ut, hoc vinculo praecedente, nec habitaculum deserat nec consortium mulieris abrumpat... Salva ingenuitate, licentiam non habeat recedendi».

констатируютъ, что «хотятъ быть колонами». Грамота должна быть занесена въ архивъ подлинныхъ оффиціальныхъ актовъ даннаго муниципія¹.

Хорошо представляю себѣ, что, могло случиться, подобныя формальности прикрывали лишь подъ маскою легальности искусное насиліе. Факты послѣдняго рода, весьма вѣроятно, повторялись не слишкомъ рѣдко. Но все же мы принуждены предположить, что, разъ существовалъ законъ, требовавшій отъ новаго колона двухъ спеціальныхъ, публично совершенныхъ актовъ, одного устнаго, другого письменнаго, было нелегко ввести человѣка въ колонатъ противъ его воли. Люди становились, слѣдовательно, колонатами добровольно и сознательно, даже въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ, когда никто уже не могъ оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что такое было состояніе колоната.

Обратимся къ свидѣтельству Сальвіана². Правда, въ своемъ длинномъ обличеніи, направленномъ противъ богачей, онъ не упускаетъ случая метнуть въ нихъ нѣсколько стрѣлъ именно по поводу отношенія къ колонатамъ. На его языкѣ, всегда декламаторскомъ и преувеличенномъ, колонатамъ оказывается «игомъ». Колонъ называется человѣкомъ, у котораго «насилъственно отняты имущество и свобода». Онъ «превращенъ въ раба подобно тому, какъ вступившіе въ жилище Цирцеи превращались въ животныхъ»³. Таковы громкія слова писателя, который лучше бы услужилъ намъ, сообщивъ, вмѣсто нихъ, нѣсколько точно опредѣленныхъ фактовъ. Впрочемъ, и изъ Сальвіана можно извлечь зерно истины, если мы умѣемъ очищать его свидѣтельства отъ ораторскихъ украшеній и противорѣчій. Колонъ, о которомъ

¹ *Cod. Iust.* XI, 48, 22: «Sin autem et scriptura et post scripturam confessio seu depositio, sine vi et necessitate tamen, intervenerit, tunc... talem eum esse credendum qualem et scripsit et inter acta deposuit».

² *Salvian.* De gubern. Dei, V, 8, ed. Halm, p. 63.

³ *Salvian.* De gubern. Dei, V, 8: «Fundos maiorum expetunt et coloni divitum fiunt... Perdito incolumitatis statu... desperatione confugiunt... iugo se inquilinae abiectiois addicunt, in hanc necessitatem redacti, ut extorres non facultatis tantum, sed etiam conditionis suae, non a rebus tantum suis, sed etiam a se ipsis, ac perdentes secum omnia, et rerum proprietate careant, et ius libertatis amittant... Fiunt praeiudicio habitationis indigenae... quasi Circaei poculi transfiguratione mutantur... Vertuntur in servos».

говорить авторъ въ данномъ мѣстѣ, былъ раньше мелкимъ земельнымъ собственникомъ. Онъ отказался отъ своего маленькаго поля, чтобы сдѣлаться колономъ богача. Сальвианъ обвиняетъ богача, что чувствуется, что именно бѣднякъ предпочелъ превратиться въ колона. Онъ даже отдалъ, стремясь вступить въ колонатъ, свое маленькое поле богатому барину, а этого никакой законъ не принуждалъ его дѣлать. Сальвианъ не сообщаетъ намъ еще одного, но дѣло видно изъ совокупности сообщенныхъ имъ фактовъ: чловѣкъ, который отдалъ свой клочекъ земли, получилъ взамѣнъ того для «держанья» участокъ на барскомъ полѣ. Этотъ участокъ, по меньшей мѣрѣ, такой же величины, какъ тотъ, который онъ отдалъ. Возможно даже, что онъ больше того: изъ послѣднихъ словъ Сальвиана выясняется, что колонъ, при такой мѣнѣ, далеко не остался въ убыткѣ. «Тѣ люди, которые переходятъ въ колонатъ, — опытные люди, и они умѣютъ хорошо разсчитывать»¹. Они, очевидно, сообразили, что ихъ мелкая собственность, съ которой они обязаны были платить подать, ихъ еле-еле прокармливаетъ, и «они укрылись въ крупномъ помѣстьѣ богатаго собственника, какъ въ убѣжищѣ»².

Чтобы понять все это, необходимо представить себѣ, какъ была нарѣзана тогда и распредѣлена земля. Мелкая собственность попадалась рѣдко. Преобладало именно крупное помѣстье съ его многочисленнымъ рабочимъ персоналомъ, частью рабскимъ. Мелкая собственность съ трудомъ могла держаться рядомъ съ крупною. Происходило это не только оттого, что внутри послѣдней находилось много хлѣбопашцевъ, пастуховъ и виноградарей, а, быть можетъ, даже еще скорѣе оттого, что на ней сидѣли и всякаго рода необходимые ремесленники, какъ мельники, плотники, кузнецы и т. д. Такъ, мелкій собственникъ оказывался во власти крупнаго, хотя бы въ силу подобной монополизациі послѣднимъ орудій производства. Онъ находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ бы очутился нынѣ рабочій-одиночка среди большихъ фабрикъ. Плохо снабженный хозяй-

¹ *Ibidem*: «Aut consultiores sunt, aut consultos necessitas facit».

² *Ibidem*: «Cum agellos suos aut pervasionibus aut fugati ab exactoribus perdunt, quia tenere non possunt, fundos maiorum expetunt... ad asylum confugiunt».

ственнымъ инвентаремъ, вынужденный платить за все дороже, терпѣть затрудненія при сбытѣ, много теряя времени и силъ безъ плода, рискуя пропорціонально гораздо больше, онъ мало-по-малу погружался въ нужду, а земля его также хирѣла и истощалась подъ его руками. Если вѣрить Сальвиану буквально, то богачъ заставилъ бѣдняка отдаться ему; на дѣлѣ, здѣсь не требовалось никакого насилія. Самъ бѣднякъ, въ большинствѣ случаевъ, соображалъ, что доброе и прочное держанье на чужой землѣ большаго стоитъ и принесетъ ему лучшую пользу, чѣмъ шаткое владѣніе собственнымъ захудалымъ клочкомъ. Стараясь избѣгнуть заботы и сомнѣній, онъ спасался въ колонатѣ «какъ въ убѣжище». Еще нынче, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, сравните мелкаго собственника, съ трудомъ вырабатывающаго свой хлѣбъ, съ фермеромъ, часто живущимъ въ довольствѣ.

Итакъ, можемъ ли мы думать, что если бы колонатѣ былъ дѣйствительно такимъ бѣдственнымъ состояніемъ, какимъ предполагали его нѣкоторые современные историки, еще въ шестомъ вѣкѣ встрѣчались бы свободные люди, по собственному почину вступавшіе въ его ряды? Правильно будетъ, скорѣе, другое: тогда, какъ и во всякое время существовали люди, которые были счастливы найти землю для обработки. Формы колоната предоставляли имъ обезпеченное «земледержаніе», притомъ, на условіяхъ, которыя исключали, по крайней мѣрѣ, произволь; они принимали такое положеніе. Вѣчное крѣпостное право вызываетъ въ насъ теперь особое отвращеніе и возмущенное чувство, но можемъ ли мы утверждать, что оно вызывало недовольство въ людяхъ тѣхъ временъ?

Легко говорить: было бы лучше, если бы колоната не возникало; но это—пустыя слова. Безъ колоната земля продолжала бы обрабатываться рабами, какъ въ эпоху Колумеллы. Разъ сложилась въ аграрномъ строѣ римской имперіи система крупной собственности, какъ мы только что констатировали, вопросъ ставился лишь такъ: будутъ ли большія помѣстья обрабатываться, какъ раньше, «декуріями» рабовъ, которые выполняли большими группами пахоту и жатву для прибыли одного богатаго владѣльца земли, почти всегда отсутствовавшаго, — или то же крупное помѣстье, раздѣленное на мелкіе участки, будетъ воздѣлываться многими держальцами, въ интересахъ ихъ собствен-

наго обезпеченія. Въ силу утвержденія колоната возобладалъ именно второй порядокъ.

Этотъ колонатъ, повидимому, не оказался пагубенъ ни для человѣка, ни для земли. Онъ не былъ пагубенъ для человѣка потому, что поставилъ на мѣстѣ раба вольнаго держальца. Пространство, на которомъ раньше работали декуріи изъ рабовъ, теперь дало мѣсто шести или восьми надѣламъ-держаньямъ, а на нихъ, стало быть, шести или восьми семьямъ, которыя зажили жизнью, независимою, правильною, упроченною. Онъ не оказался пагубенъ для земли потому, что, въ силу его утвержденія, вмѣсто рабовъ, трудившихся безъ энергіи и одушевленія, на ней испомѣстились настоящіе земледѣльцы. Послѣдніе были въ самомъ дѣлѣ заинтересованы въ улучшеніи почвы, такъ какъ ихъ подерживала увѣренность, что ихъ нельзя съ нея согнать. Для нихъ рисовалось цѣлесообразнымъ поднимать новыя, садить и строить, ибо они знали, что трудятся для своихъ дѣтей, и что производимыя улучшенія принесутъ гораздо больше выгоды для нихъ самихъ, чѣмъ для землевладѣльца.

Въ сущности, колонатъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ установленіемъ на крупныхъ помѣстьяхъ мелкаго хозяйства отдѣльныхъ свободныхъ держальцевъ на мѣстѣ культуры массовой, осуществлявшейся руками рабовъ. Тѣ, кто восхваляетъ нынѣ съ нѣкоторыми основаніями крупную (плантаціонную) культуру, должны бы представить себѣ, что въ эпоху, когда не извѣстны были сельскохозяйственныя машины, мелкая культура обладала неоспоримыми преимуществами сравнительно съ крупною. Итакъ, два экономическихъ фактора царили въ занимающую эпоху надъ жизнью людей. Первымъ былъ непрерывный ростъ крупной собственности въ ущербъ мелкой; вторымъ, наблюдавшимся внутри каждаго большого помѣстья, — было преобладаніе мелкаго свободного хозяйства надъ крупнымъ рабскимъ. Изъ этихъ двухъ факторовъ второй являлся коррективомъ перваго.

ГЛАВА X.

Послѣ-римскіе памятники о римскомъ колонатѣ.

Принимаясь за изслѣдованіе римскаго колоната, не слѣдуетъ ограничиваться данными, извлекаемыми изъ документовъ римской эпохи. Поступая такъ, мы лишили бы себя нѣсколькихъ источниковъ свѣдѣній о вопросѣ. Необходимо разъяснить, продолжалъ ли колонатъ существовать послѣ имперіи, и если такъ, не сохранилось ли памятниковъ, которые его описываютъ. Конечно, возможно, что новые своды продолжаютъ хранить нѣкоторыя правила стараго колоната. Возможно даже представить себѣ, что, разъ продолжали дѣйствовать писцовыя книги помѣстій, нѣкоторыя изъ нихъ дошли и до насъ. Подобные тексты могутъ не только обнаружить продолженіе существованія колоната, но и поставить передъ нашими глазами нѣкоторыя изъ его жизненныхъ особенностей и при этомъ дать подмѣтить именно такія стороны института, которыхъ болѣе ранніе документы не показали. Нужно продолжать разысканіе. Мы не можемъ оставить предметъ нашего изслѣдованія, не исчерпавъ всѣ средства для его познанія.

Прежде всего, приходится удостовѣрить, что въ памятникахъ V-го, VI-го, VII-го вѣковъ нельзя найти ни строчки, которая бы указала, чтобы колонатъ былъ уничтоженъ. Не вскрывается ни одного признака, чтобы колонны возставали противъ своего положенія, подъ шумъ нашествій и безпорядковъ. Не видно также, чтобы правительства новыхъ государствъ ихъ освободили.

Еще одного нельзя усмотрѣть, чтобы новопришельцы привели съ собою новыхъ колоновъ. Фактъ этотъ возможенъ, даже вѣроятенъ, но отъ него не отыскивается слѣдовъ. Можно констатировать вступленіе въ общество германскихъ рабовъ, германскихъ вольноотпущенниковъ. Но появленія спеціальнаго класса германскихъ колоновъ установить не удастся. Нѣтъ ни одного мѣста въ законахъ или хроникахъ, изъ котораго можно было бы вывести, что варварскія государства выработали новый колонатъ.

Въ то же время цѣлый рядъ текстовъ, которые мы сейчасъ пересмотримъ, показываетъ намъ переживаніе колоната римскаго.

Начинаемъ обзоръ съ Италіи и открываемъ письма папы Григорія Великаго, которыя были написаны въ послѣдніе годы VI-го и въ первые VII-го вѣка. Въ нихъ мы находимъ колонатъ въ полной силѣ. Авторъ сообщаетъ, на примѣръ, о собственникахъ, помѣстья которыхъ населены колонами; при этомъ онъ подчеркиваетъ, что эти колонны—люди свободные, а не рабы¹. Съ другой стороны, онъ упоминаетъ, что, «прикрѣпленные къ землѣ долготнѣю ея обработкою, они должны оставаться всегда на своихъ участкахъ, точно вносить оброки и подчиняться всѣмъ обязанностямъ колонатнаго состоянія»². Папа прибавляетъ къ этому, что «владѣлецъ не имѣетъ никогда права увеличивать ихъ повинностей»³. Изъ указанныхъ чертъ легко узнается именно римскій колонатъ.

Церковь, совершенно естественно, приняла его на своихъ земляхъ. Или, вѣрнѣе, она принуждена была сохранить колоновъ, населявшихъ отдѣльныя имѣнья, которыя переходили въ ея руки. Одно изъ писемъ Григорія Великаго особенно любопытно заключающеюся въ немъ картиною управленія

¹ *Greg. Magni*, Epist. IV, 21 (въ изд. *Migne*, *Patrologia latina*). Папа говоритъ здѣсь прежде всего о христіанскихъ рабахъ, принадлежавшихъ евреямъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ колонамъ послѣднихъ: «*Hi vero, qui in eorum possessionibus sunt*». И онъ устанавливаетъ о нихъ: «*Legum districtione sunt liberi*».

² *Ibidem*: «*Quia colendis eorum terris diutius adhaeserunt, utpote conditionem loci debentes, ad colenda quae consueverant rura permanent, pensiones praedictis viris praebeant, et cuncta, quae de colonis vel originariis iura praecipunt, peragunt*».

³ *Ibidem*: «*Extra quod nihil eis oneris amplius iudicatur*».

помѣстьями римской церкви. Послѣднія были разсѣяны по всей Италіи, а также и въ другихъ сосѣднихъ странахъ, даже въ Галліи. Въ большинствѣ случаевъ то были обширныя владѣнія изъ категоріи, которая на языкѣ того времени именовалась—*massae* ¹. Подобная *massa* цѣликомъ сдавалась арендатору (откупщику), *conductor*, по писанному договору, называвшемуся *libellus*, и за цѣну, опредѣлявшуюся на деньги ². Это старая римская аренда въ томъ же самомъ видѣ, какъ мы изучали ее еще на большихъ имѣніяхъ императорскаго фиска. Частные крупные собственники, оказывается, не отрѣшились отъ такой системы ³. Но если правильная аренда продолжала практиковаться примѣнительно къ имѣнью во всей его совокупности, то отдѣльные участки, на которые оно обыкновенно было разбито, эксплуатировались иначе: здѣсь царили по прежнему начала колоната. Такъ, на земляхъ римской церкви, подъ главнымъ съемщикомъ располагалось множество мелкихъ земледѣльцевъ, которыхъ Григорій называетъ попеременно и одинаково то *coloni*, то *rustici*. Они составляли *familia ecclesiae*, то-есть, являлись подданными, людьми церкви. Но они не были рабами. Григорій не называетъ ихъ ни *servi*, ни *mancipia* ⁴.

¹ Такая *massa* представляла то одну большую виллу (помѣстье), то соединеніе нѣсколькихъ *villae* либо *fundi*. См. примѣръ у *Greg. Epist. XIV*, 14: «Massam, quae Aquas Salvias nuncupatur, cum omnibus fundis suis, id est, Cella Vinaria, Antoniano, villa Portusa, Cassiano Silonis, Corneliano, Thesselata, cum omni iure suo et omnibus ad eam pertinentibus». Другіе многочисленныя примѣры можно найти въ различныхъ мѣстахъ *Liber Pontificalis* (см. ed. Duchesne).

² *Greg. Magni*, Epist. I, 44: «Cognovimus in aliquibus massis Ecclesiae exactionem iniustam fieri, ut... conductores exigantur... Volumus, ut securitatis libellos ita de pensionibus facias... Quoties conductor aliquid colono suo abstulerit».—Григорій заканчиваетъ совѣтомъ не мѣнять часто *conductores*; это самое обнаруживаетъ, что ихъ арендные договоры были срочные. Авторъ говоритъ также о *libellus*, то-есть, письменномъ актѣ аренды, въ которомъ была обозначена *summa pensionis*.

³ *Cod. Th. X*, 5: X, 26. — О сохраненіи той же практики послѣ римской имперіи см. любопытное письмо *Cassiodor. Var. V*, 7, въ которомъ король Теодерихъ пишетъ: «Patrimonii nostri praedia illud et illud honesto viro Thomati libellario titulo commisimus...»

⁴ *Greg. Ibidem*: «Cognovimus rusticos Ecclesiae gravari.. Nihil aliud volumus a colonis Ecclesiae exigere... Si quis ex familia culpam fecerit».

Положеніе колона довольно ясно очерчено въ данномъ письмѣ. Ему предоставленъ клочокъ земли, и совершенно очевидно, что онъ воздѣлываетъ его въ свою пользу, ибо говорится, что онъ самъ продаетъ свой урожай ¹. Онъ платитъ оброкъ, который обозначался словомъ *tributum*. Онъ вноситъ его арендатору имѣнья, ибо послѣдній, въ силу своего контракта, отправляетъ всѣ права собственника. Оброкъ этотъ — наполовину денежный, наполовину натуральный. Мы узнаемъ, что онъ выражался въ деньгахъ, изъ того же письма. Въ немъ показывается одно изъ злоупотребленій, которое позволялъ себѣ крупный арендаторъ: онъ принуждалъ колона вносить причитавшійся съ него сборъ до реализаціи урожая. Это значило заставлять его обращаться къ займу, и можно легко представить себѣ, что ссуда производилась охотно самимъ кондукторомъ. Небезполезно отмѣтить, что оброкъ колона именовался тогда *burdatio* ². По отношенію къ одной *massa* сумма, получавшаяся въ видѣ такой *burdatio*, поднималась до 507 солидовъ золотомъ ³. Впрочемъ, намъ неизвѣстна ея площадь. Но есть также опредѣленныя указанія, что колоны обязывались вносить сборъ и зерномъ. При этомъ откупщикъ-арендаторъ допускалъ другое злоупотребленіе: такъ какъ обычный уставъ опредѣлялъ для каждаго колона количество «мѣръ» подлежавашаго съ него сбора, не устанавливая точно емкости этихъ «мѣръ», то арендаторъ неправильно увеличивалъ размѣры употреблявшихся въ помѣстьѣ *modii* ⁴. вмѣсто модіевъ въ 16 или 18 секстаріевъ, которые были легально установлены, произвольно вводились въ дѣло болѣе значительные, въ 20 или даже въ 25 секстаріевъ ⁵. Письмо папы и на-

¹ *Ibidem*: «Labores suos venumdat».

² *Greg. Ibidem*: «Cognovimus, quod prima illatio burdationis rusticos nostros angustat, ut, priusquam labores suos venumdare valeant, compellantur tributa persolvere».

³ См. въ концѣ этого письма то, что сказано о кондукторѣ Феодосіи, который получилъ съ колоновъ *burdatio*, поднимавшуюся до этой цифры, но самъ не внесъ въ церковь должной платы. Колоновъ заставили-было заплатить во второй разъ, но Григорій заставилъ вернуть имъ принадлежавшія имъ деньги.

⁴ *Ibidem*: «Ad maiorem modium dare compelluntur quam in horrea Ecclesiae infertur... Ne iniusta pondera in exigendis pensionibus ponantur».

⁵ *Greg. Ibidem*: «Praecipimus, ut plus quam decem et octo sexta-

правлено къ устраненію подобныхъ несправедливостей. Въ текстѣ его не упоминается ни о полевыхъ работахъ «на господской землѣ», ни о другихъ трудовыхъ обязательствахъ. Но это еще не доказываетъ, что подобная повинности вообще не ложились тогда на колоновъ. Папа говоритъ здѣсь лишь о тѣхъ пунктахъ, по поводу которыхъ необходимо было исправить укorenившіяся притѣсненія крестьянъ крупными съемщиками.

Колоны въ VI-мъ вѣкѣ такъ же какъ V-мъ не имѣли права сходить съ земли. Въ другомъ письмѣ Григорій опредѣленно напоминаетъ это правило и требуетъ его соблюденія. «Не допускается, предписываетъ онъ одному изъ завѣдывавшихъ церковными помѣстьями должностныхъ лицъ, чтобы колоны покидали имѣнье, къ которому ихъ привязало и подчинило рожденіе. Мы никогда не позволимъ, чтобы они жили внѣ имѣнья, гдѣ родились»¹. Параллельное правило, запрещавшее владѣльцу земли выгнать колона, отчетливо не повторено папою. Но совершенно очевидно, что они работаютъ на тѣхъ же участкахъ отъ отца къ сыну, и нигдѣ ни намекомъ не указывается на возможность ихъ выдворенія съ земли.

Колоны не имѣютъ права заключать браки внѣ предѣловъ помѣстья, на которомъ сидѣли. Мы уже выше отмѣчали, что такой порядокъ установленъ еще въ римской имперіи, не въ силу законодательнаго мѣропріятія, но въ силу реальной недопустимости соединенія брачными узами колоновъ изъ различныхъ помѣстій. Григорій Великій даетъ яркій примѣръ сохраненія и при немъ разсматриваемаго правила. Онъ возвысилъ одного изъ своихъ колоновъ до занятія важной должности въ административной іерархіи церкви и тѣмъ самымъ далъ ему выйти изъ предѣловъ помѣстья, къ которому тотъ раньше былъ прикрѣпленъ. Однако,

giorum modios nunquam a rusticis Ecclesiae frumenta debeant accipi».— Въ другомъ письмѣ (XIII, 34) онъ еще разъ порицаетъ *fraudes conductorum*, которыя, между прочимъ, выражались въ увеличеніи размѣровъ *modius* до *25 sextarii*. Все это показываетъ, какъ непрочно было фактическое положеніе колона.

¹ *Greg. Epist. XII, 25*: «Ut qualibet occasione de ea possessione cui oriundo subiecti sunt, exire non debeant. Nunquam consensus noster illi aderit, ut foris de massa in qua nati sunt habitare debeant».

этотъ человекъ тѣмъ самымъ не пересталъ быть колономъ и принадлежать къ церковной землѣ. Тѣмъ больше оставались крѣпкими ей его сыновья. Вслѣдствіе этого папа или секретарь, редактировавшій посланіе отъ имени папы, напоминаетъ, что этотъ человекъ не имѣетъ права «женить своихъ сыновей на сторонѣ»; «они должны заключать браки въ предѣлахъ имѣнья, на которомъ родились» ¹.

Кажется даже, что крестьяне, обитавшіе внутри даннаго помѣстья, не имѣли права заключать браки безъ разрѣшенія господина, и послѣдній взыскивалъ за такое разрѣшеніе особую плату. Существовалъ, такимъ образомъ, свадебный налогъ, *commodum nuptiale*, входившій въ составъ доходовъ собственника, или въ число правъ съемщика, когда господинъ передавалъ ему свои преимущества. При этомъ открывался новый поводъ для производства несправедливыхъ поборовъ. До свѣдѣнія Григорія Великаго дошло, что нѣкоторые арендаторы (*conductores*) взымали въ подобныхъ случаяхъ черезчуръ высокія суммы, и онъ постановилъ, что налогъ на бракъ никогда не долженъ превышать одного солида ². Этотъ же налогъ, *maritagium*, зародившійся, какъ видно, очень рано, обнаружится намъ въ средневѣковомъ общественномъ строѣ. Чрезвычайно интересно встрѣтить его и подъ именемъ *commodum nuptiarum* на земляхъ римской церкви ³.

¹ *Ibidem*: «Petrus, quem defensorem fecimus, quia de massa iuris Ecclesiae nostrae, quae Vitelas dicitur, oriundus sit... tibi mandamus, ut eum districte commoneas, ne filios suos foris alicubi in coniugio sociare praesumat, sed in ea massa cui lege et conditione ligati sunt, socientur... Nunquam consensus noster illi aderit, ut foris de massa in qua nati sunt sociari debeant».

² *Gregorii Magni*, Epist. I, 44: «Pervenit etiam ad nos, quod de nuptiis rusticorum immoderata commoda percipiuntur; de quibus praecipimus, ut omnia commoda nuptiarum unius solidi summam nullatenus excedant». — Дальнѣйшій текстъ показываетъ, что сборы этого *nuptiale commodum* не вносились въ церковную казну, а доставались кондуктору.

³ Долженъ признаться, что соотвѣтствующее мѣсто въ письмѣ папы Григорія оставляетъ во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Онъ говоритъ: «de nuptiis rusticorum». — Дѣло въ томъ, что слово *rustici*, прилагавшееся иногда къ колонамъ, могло обозначать также и земледѣльцевъ низшихъ категорій, какъ сельскихъ рабовъ *mancipia, servi*. — Интересно было бы установить, все ли сельское населеніе подлежало такому свадебному налогу, или только тѣ, кто находился въ рабскомъ состояніи. По отношенію къ послѣднимъ

Здѣсь обнаруживается одна черта, которою не слѣдуетъ пренебрегать, ибо необходимо извлекать изъ памятниковъ рѣшительно все, что они могутъ дать. Папа опредѣляетъ для налога на бракъ максимумъ въ одинъ солидъ по отношенію къ колонамъ, которые были «состоятельны»; но онъ хотѣлъ, чтобы съ «бѣдныхъ» взыскивалось меньше¹. Такое различіе показываетъ намъ, что существовала большая разница между семействами колоновъ. Происходило различіе не только оттого, что занимавшіеся ими участки были неодинаковой величины. Порядокъ жизни или распушенность, разумное трудолюбіе или нерадѣніе, неравномѣрное размноженіе и раздѣлы наслѣдства, все это приводило къ значительнымъ неравенствамъ. Послѣднія же подтверждаютъ вполне осязательно одинъ выводъ, который намѣчается и данными временъ имперіи: не производилось періодическихъ передѣловъ участковъ, занятыхъ колонами внутри каждаго помѣстья. Никто не думалъ возстановлять изъ поколѣнія въ поколѣніе равенство имущества между личностями и семьями. Разъ усѣвшись на опредѣленномъ надѣлѣ, такая то семья колоновъ обитала на немъ всегда, работая на свой рискъ или свою выгоду, бѣднѣя или богатѣя.

Итакъ въ колонатѣ не царило начало равенства или коллективизма, которое скоро привело бы всѣхъ къ общей бѣдности и общему взаимному отвращенію. Въ быту колоновъ господствовало начало личнаго труда со всѣми достоинствами и недостатками, которые ему присущи.

Длинное письмо папы Григорія, которое мы разобрали, является для насъ документомъ, аналогичнымъ надписи *saltus Burunitanus*. Папа сталъ обладателемъ обширныхъ имѣній, какимъ раньше былъ императоръ. Какъ и у послѣдняго, на каждомъ изъ его помѣстій обнаруживаются крупный арендаторъ (*conductor*) и мелкіе крестьяне (*coloni*). Какъ и тотъ, онъ получалъ жалобы отъ своихъ колоновъ и удовлетворялъ ихъ прошеніямъ. У него нѣтъ мысли уничтожить колонатъ, и никто отъ него не требуетъ такого

такой порядокъ объяснялся бы самъ собою: во всѣ времена господинъ имѣлъ право разрѣшать или запрещать брачные союзы своимъ рабамъ. Что касается колоновъ, которые были свободными людьми, подобный порядокъ могъ установиться лишь въ силу превышенія власти, не оправдываемаго закономъ.

¹ *Ibidem*: «Pauperes minus dare debeant».

уничтоженія. Онъ только хочетъ устранить злоупотребленія, которыя допускали крупные съемщики. На разстояніи четырехъ вѣковъ папское посланіе напоминаетъ собою рескриптъ императора Коммода въ пользу «маленькихъ земледѣльцевъ» африканскаго помѣстья. Еще одна черта сходства: папа требуетъ, чтобы колонны были оповѣщены о его рѣшеніи, чтобы письмо его было имъ прочтено и даже переданъ имъ экземпляръ его, «дабы они хорошо знали, что имъ слѣдуетъ защищаться противъ всякой несправедливости» ¹.

Церковь никогда не осуждала колоната. Она сохранила его на своихъ земляхъ, такъ какъ невозможно было устроить другой системы ихъ обработки. Она признавала колонатъ и на чужихъ владѣніяхъ. Она не видѣла въ немъ учрежденія несправедливаго и зловреднаго. Если она часто рекомендовала отпущекъ на волю рабовъ, то, наоборотъ, мы не замѣчаемъ никогда чтобы она совѣтовала освобождать колоновъ. Да и вообще не доказано, чтобы и сами колонны добивались когда-нибудь освобожденія, то-есть, потери своихъ участковъ. Второй орлеанскій церковный соборъ установилъ какъ вполнѣ естественный порядокъ, чтъ колона нельзя посвящать въ священнической санъ, если владѣлецъ земли, на которой онъ сидитъ, не избавитъ его отъ крѣпостной зависимости ². Второй толедскій соборъ 669 г. напомнилъ, что «мирскіе законы требуютъ вѣчнаго прикрѣпленія колона къ полю, которое онъ обрабатывалъ», и въ этомъ актѣ не высказывается отцами никакого неодобренія подобному порядку вещей ³.

¹ *Greg. Magni*, Epist. I, 44, in fine: «Scripta mea, quae ad rusticos direxi, per omnes massas fac relegi, ut sciant quod sibi contra violentias debeant defendere ex auctoritate nostra, eisque vel authentica, vel exemplaria eorum dentur».

² Акты второго орлеанскаго собора 538 г. (*Sirmond*, I, 255): «Ut nullus servilibus colonariisque conditionibus obligatus... ad honores ecclesiasticos admittetur, nisi aut testamento aut per tabulas constiterit absolutum». — Отмѣтимъ здѣсь новую черту — возможность освобожденія колоновъ. Въ документахъ римской императорской эпохи она не обнаруживается. Правда, такая способность быть освобождаемымъ сильно сближаетъ колоновъ съ рабами.

³ Акты второго толедскаго собора, гл. 3 (*Mansi*, X, 558): «Scribitur enim in lege mundiali de colonis agrorum, ut ubi esse iam quisque coepit, ibi perduret».

Переберемъ соотвѣтствующія постановленія въ различныхъ сводахъ, редактированныхъ въ различныхъ варварскихъ государствахъ. Ихъ существуетъ двѣ категоріи: именно въ разсматриваемую эпоху составлялись, съ одной стороны, сборники, называвшіеся римскими законами, съ другой стороны, своды («правды»), содержащіе обычаи германскихъ племенъ.

Lex Romana, составленная въ королевствѣ бургундовъ ¹, заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся къ колонатамъ. По этому своду колонъ обозначалъ челоуѣка, не имѣющаго права сходить съ земли. Принимать къ себѣ чужого колона было преступнымъ дѣяніемъ, которое подвергалось по данному закону особому наказанію. Если какой-либо собственникъ допускаетъ въ свой домъ или на свою землю колона, принадлежащаго другому, онъ подлежитъ пенѣ» ².

Lex Romana, составленная въ странѣ вестготовъ по приказу Алариха II ³, воспроизводитъ главныя правила, начертанныя по вопросу о колонахъ въ *codex Theodosianus*. «Земельный собственникъ, на помѣстьѣ котораго будетъ найденъ колонъ, принадлежащій другому, долженъ будетъ не только возратить его, но и заплатить причитающуюся съ него подать» ⁴. Это—точное повтореніе стараго закона Константина. Новый сводъ сохраняетъ также законъ Валентиніана II, который каралъ высокимъ штрафомъ похитителя колона ⁵; кромѣ того еще—законъ Гонорія, установившій въ пользу колона тридцатилѣтнюю, въ пользу его жены—двадцатилѣтнюю давность ⁶, и законъ Валентиніана II, позволявшій колону располагать собственнымъ

¹ *Lex romana Burgundionum* (vulgo *Papianus*), см. у *Pertz*, *Leges*, III; помѣщена вслѣдъ за варварскою правдою бургундовъ (*lex Burgundionum*).

² *Ibidem*, VI, 2 (*Pertz*, p. 599): «Si dominus servum aut colonum alienum sciens in domo vel in agro suo consistentem iudicibus non praesentat, aut admonitus a fugitivi domino eum adsignare dissimulat, mulctam retentatoris incurrat...» — Законъ этотъ извлеченъ изъ кодекса Θεодосія. — Въ *Papianus* идетъ еще рѣчь о колонахъ въ главахъ XIV, XXXVII и XLVI.

³ *Lex romana Wisigothorum*, ed. Haenel, 1849.

⁴ *Ibidem*, V, 9, 1.

⁵ *Ibidem*, V, 9, 2.

⁶ *Lex romana Wisigothorum*, V, 10.

имуществомъ лишь съ согласія господина ¹. Здѣсь вскрывается лишь нѣсколько чертъ древняго колоната, но ихъ достаточно, чтобы убѣдиться въ сохраненіи всего организма даннаго института. Надобно представлять себѣ, что указанныя положенія, извлеченныя изъ римскаго законодательнаго сборника, но обнародованныя вестготскимъ королемъ, обладали силою закона: мы знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, что *lex romana Wisigothorum* царила въ значительнѣйшей части Галліи въ продолженіе четырехъ вѣковъ.

Составлялись и другіе сборники и сокращенные своды (*breuiaria*) въ восьмомъ и девятомъ вѣкахъ. То были произведенія юристовъ-практиковъ, которые вносили въ нихъ лишь то, что непосредственно было полезно для жизни ². Во всѣхъ этихъ кодексахъ содержатся узаконенія о колонатахъ, и всѣ они представляютъ собою старые римскіе законы. Текстъ ихъ испорченъ, самый смыслъ не всегда очень хорошо понятъ компиляторами; но ихъ продолжали примѣнять, потому что самый колонатъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде.

Германцы, занявшія имперскія территоріи, не могли замышлять уничтоженіе колоната. Въ ихъ старой родинѣ уже выработались подобныя отношенія. Къ тому же они встрѣчали и внутри имперіи множество людей, своихъ соплеменниковъ, которые добровольно вступили уже раньше въ рамки колоната. Наконецъ, эти воины, становившіеся распорядителями страны, не могли устранить институтъ, помимо котораго нельзя было обезпечить обработку ихъ собственныхъ помѣстій. Дѣйствительно, тѣ изъ варваровъ, которые стали собственниками, приобрѣли вмѣстѣ съ землями рабовъ и колоновъ.

Такъ, видимъ мы, что въ сводахъ, составленныхъ по распоряженію германскихъ королей, римскій колонатъ ока-

¹ *Ibidem*, V, 11. — «Interpretatio», сопровождающая эти статьи законовъ, которая является дѣломъ рукъ юрисконсультовъ изъ южной Галліи, приводитъ къ мысли, что колонатъ не только не былъ смягченъ, но, наоборотъ, оказался усиленъ новыми строгостями. Напримѣръ, выраженіе Константина—«ferro ligari in servilem conditionem» превратилось здѣсь въ «in servitium redigatur».

² См. *Epitome Aegidii* и *Lex dicta Utinensis* или *Epitome S. Galli* въ изд. *Haenel*, напечатано параллельно съ *Lex romana Wisigothorum*.

зался признанъ и сохраненъ. Бургундская Правда нѣсколько разъ называетъ колоновъ. Она поименовываетъ его тѣми же словами, которыя были наиболѣе общеупотребительны во времена имперіи,—*originarius* или *colonus*. Она ставитъ его рядомъ съ рабомъ, *servus*, но всегда различаетъ ихъ другъ отъ друга¹. Она показываетъ, что колонны сидѣли на земляхъ бургундовъ точно такъ же, какъ и на земляхъ туземцевъ-собственникововъ². Она же обнаруживаетъ еще, что среди этихъ колоновъ были люди и варварскаго происхожденія³. Отмѣтимъ, что бургундскіе короли, инициаторы изданія даннаго свода, не составили ни одного новаго закона о колонатѣ; они говорятъ о немъ лишь какъ о существующемъ порядкѣ, который они сохраняютъ въ выработавшемся видѣ. Здѣсь не идетъ дѣло о новомъ колонатѣ; здѣсь только продолжаетъ жить старый.

То же самое наблюдалось у остготовъ. Эдиктъ Теодориха нѣсколько разъ упоминаетъ о колонахъ, которые обозначаются въ нихъ попеременно то *coloni*, то *originarii*⁴, и которые занимаютъ мѣсто между вполне свободными людьми и рабами⁵. Въ данномъ сводѣ упоминаются и поддерживаются римскія особенности института: запрещается землевладѣльцу переманивать къ себѣ чужого колона⁶;

¹ *Lex Burgundionum*, VII: «Non compellatur dominus sacramenta praebere neque pro servo neque pro originario; sed cum crimen obiectum fuerit seu servi seu coloni...»—Сближеніе двухъ членовъ приведенной фразы показываетъ, что *colonus* здѣсь синонимично съ *originarius*.—*Ibidem*: «Dominus, cuius servus est aut colonus».—*Ibid.* XXI, 1: «Si quis, inconsulto domino, originario aut servo solidos commodaverit».—*Ibid.* XXXIX: «Si, inconscio domino, ignotus veniens ab actore aut colono receptus fuerit».

² *Ibid.* XXXVIII, 10: «Quod de Burgundionum et Romanorum omnium colonis praecipimus custodiri».

³ *Ibid.* XVII, 5: «Romanus ingenuus, qui causam cum barbaro habuerit, aut dominum (barbari) admoneat aut actorem. Et si actor iterato admonitus ad causam dicendam pro originario sibi commisso non venerit, centum fustes accipiat».—Мы видимъ въ данномъ отрывкѣ, что человекъ, названный въ началѣ *barbarus*, въ концѣ именуется *originarius*. Это—колонъ, и онъ подчиненъ *actor*у, то-есть, доверенному рабу господина, который завѣдывалъ хозяйствомъ въ его имѣньѣ.

⁴ *Edictum Theodorici*, 21, 22, 48, 104, 121, 146, 148.

⁵ *Ibidem*, 65.

⁶ *Ibidem*, 84: «Quisquis colonum alienum sciens fugitivum susceperit aut occultaverit, ipsum domino cum mercedibus et peculio eius et eiusdem meriti alterum reddat».

подтверждается двадцатилѣтняя давность для женщины-колоники¹; повторяется, что въ случаѣ брака между колонами двухъ разныхъ землевладѣльцевъ дѣти будутъ принадлежать въ двухъ третяхъ владѣльцу мужа, въ одной трети—владѣльцу жены².—Изъ этого перечисленія ясно, что сохраненъ весь римскій колонатъ.

Вестготская Правда не упоминаетъ колоновъ. Но акты Толедскаго собора 619 г. хорошо показываютъ, что онъ продолжалъ существовать и въ этомъ государствѣ; въ нихъ напоминаетъ одинъ изъ древнихъ императорскихъ законовъ, который удерживалъ силу, какъ правило о колонатѣ и тогда.

Даже въ чисто германскихъ странахъ, подчиненныхъ, правда, влiянiямъ, шедшимъ изъ франкскаго королевства, находимъ мы колонатъ. Аламаннскiй сводъ, записанный въ первые годы VII-го вѣка, упоминаетъ тѣхъ, «кого именуютъ колонами». Правда, въ немъ говорится лишь о колоннахъ церкви и короля. Они отличаются отъ рабовъ: о нихъ опредѣленно объявляется, что они люди свободные³.

Отличiя между отдѣльными классами общества хорошо отмѣчены въ варварскихъ правдахъ высотой виры (*wergeld*) или правовую цѣную личности, которая установлена для каждаго изъ нихъ. И вотъ *Lex Alamannorum* опредѣляетъ для колона церкви правовую цѣнность, гораздо болѣе значительную, чѣмъ для раба⁴. *Lex Baiuvariorum*, изданная

¹ *Ibidem*, 68: «Originaria intra vicennii spatia repetatur».

² *Edictum Theodorici*, 67: «Si originarius alienus se originariae coniunxerat, duas filiorum partes originarii dominus et tertiam originariae dominus consequatur».

³ *Lex Alamannorum*, VIII, 6 (*Pertz, Leges*, III, p. 48; IX, ed. Walter): «Si quis liberum Ecclesiae, quem colonum vocant, occiderit».—*Ibidem*, XXII (Walter, XXIII): «De liberis autem Ecclesiae, quos colonos vocant... sicut et coloni regis».—Объ эти статьи слѣдуютъ каждая за статьею, относящеюся къ *servi Ecclesiae*. Такимъ образомъ, невозможно смѣшивать оба класса: здѣсь обнаруживается одновременное существованiе сельскихъ рабовъ и колоновъ.

⁴ *Ibidem*, VIII, 6: «Quicumque liberum Ecclesiae, quem colonum vocant, occiderit, sicut alii Alamanni ita componatur».—Это значитъ, что вира за него равнялась 160 солидовъ. Ср. tit. LXVIII.—Наоборотъ *wergeld* раба не поднимался выше 40 солидовъ (tit. LXXIX). Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ выводить, что колонъ всегда цѣнился одинаково съ свободнымъ челоувѣкомъ: приведенная статья примѣнима лишь специально къ колонамъ церковнымъ и ко-

болѣе или менѣе при одинаковой обстановкѣ, какъ и предшествующая Аламманская Правда заключаетъ цѣлый рядъ статей о церковныхъ колонахъ. Она ставитъ ихъ бокъ-обокъ съ рабами, но не смѣшиваетъ съ послѣдними¹.

Упомянутое о колонахъ не встрѣчается ни въ Салической, ни въ Рипуарской Правдахъ, которыя вообще являются сводами далеко не полными по содержанию. Но мы узнаемъ изъ другихъ современныхъ документовъ, что именно въ эпоху, когда эти правды примѣнялись, колонаты оставался въ полной силѣ. Возможно прослѣдить за его продолжающимся существованіемъ по грамотамъ, начиная отъ VI-го и до IX вѣка.

Св. Ремигій реймскій называетъ въ своемъ завѣщаніи многихъ колоновъ. Одни изъ нихъ носятъ римскія имена, какъ Профутуръ, Пруденцій, Провинціанъ; другіе—германскія, какъ Теннаикъ и Бауделейфъ. Очевидно изъ контекста, что эти люди не были свободными фермерами. Они прикрѣплены наслѣдственно къ такому-то помѣстью, ибо св. Ремигій получилъ ихъ какъ наслѣдство отъ отца. Но они различаются отъ другихъ людей, которыхъ завѣщатель называетъ рабами, *servi*². Такъ же точно Аредій въ 572 г., Гадоиндъ въ 642 г., Ницезій въ 680, Ансбертъ въ 696 завѣщаютъ помѣстья «съ колонами» или «съ повинностями и сборами отъ колоновъ», которые на нихъ сидятъ³.

ролевскимъ, а обѣ эти категоріи ихъ всегда являлись привилегированными.

¹ *Lex Baiuvariorum*, I, 13 (*Pertz*, III, p. 278). Самая рубрика озаглавлена: «De colonis vel (et) servis Ecclesiae, qualiter servant». Глава содержитъ четыре статьи: три первыя трактуютъ о *coloni*, четвертая—о *servi*. Полезно сравнить съ этимъ акты, исходящіе изъ традицій той же страны, въ которыхъ различаются *servi* и *tributales*, *mansi serviles* и *mansi tributales*,—въ «пролегоменахъ» *Guérard* къ «Polyptyque d'Irminon», p. 971—972.

² *Testamentum Remigii* (anni 533?) въ «Diplomata» изд. Pardessus, № 118.

³ *Testamentum Aredii*, *Diplomata*, № 180. — *Testamentum Hadoindi*, *Ibid.* № 300.—*Charta Ansberti*, *Ibid.* № 437.—*Testamentum Nizezii*, *Ibid.* № 393: «Cum merito libertorum et colonorum utriusque sexus».—Точно такъ же постоянно встрѣчаются упоминанія о *colonicarum* или *coloniae*, то-есть, о земляхъ, занятыхъ колонами. См. напр. *Testamentum Bertramni*, въ «Diplomata», № 230 (p. 205, 206); *Charta Theodetrudis*, № 241 (p. 227) и т. д.

Эти колонны, не являвшіеся рабами, не были тѣмъ не менѣ людьми вполне независимыми. Они прикрѣплены къ помѣстью. Они составляютъ его часть. Они передаются вмѣстѣ съ нимъ каждому новому пріобрѣтателю или наслѣднику земли. Они не имѣютъ права сходить съ почвы. Если они ее покидаютъ, то ихъ преслѣдуютъ, разыскиваютъ и приводятъ назадъ либо просто силою, либо на основаніи постановленія суда.

Среди формулъ меровингской эпохи мы находимъ два текста, относящихся къ данному предмету. Они воспроизводятъ передъ нашими глазами процессы, въ которыхъ заявляется притязаніе на колону со стороны лица, который является его господиномъ или, по крайней мѣрѣ, называетъ себя такъ: «Симъ объявляется, что такой-то человѣкъ предсталъ къ государственному суду передъ графомъ и большимъ числомъ *boni homines*, которые приложили ниже свои подписи. Онъ призывалъ къ отвѣту такого-то, утверждая, что его отецъ и мать были его колонами и что таковымъ долженъ быть онъ самъ, но что онъ безъ всякаго права уклонился отъ такого положенія колона. Судьи спросили у отвѣтчика, можетъ ли онъ доказать, что онъ не колонъ. Тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что онъ не можетъ устраниваться отъ положенія колона и призналъ себя колономъ истца. Въ силу чего судьи рѣшили, что онъ долженъ быть колономъ, и графъ передалъ его въ руки истца»¹.

Въ другомъ случаѣ отвѣтчикъ противится: «Я не колонъ, говоритъ онъ, я родился отъ свободныхъ отца и матери, и готовъ въ томъ присягнуть»². Дѣло рѣшается при помощи той же процедуры, какъ если бы вопросъ касался

¹ *Formulae*, ed. Rozière, № 459; ed. Zeumer, *Senonicae*, № 20, p. 194).

² *Formulae*, Rozière, № 479: «Et ipse fortiter denegabat, et taliter dedit in responso, quod de patre franco fuisset generatus et de matre franca fuisset natus, unde tale sacramentum per suam fistucam visus fuit adhramire».—Думаю, что нѣтъ надобности специально предупреждать, что въ VIII в. слово *francus* не имѣетъ этническаго значенія. Оно обозначаетъ иногда принадлежность къ государству франковъ, иногда указываетъ на состояніе гражданской свободы; здѣсь онъ употребляется именно въ послѣднемъ смыслѣ. Нельзя доказать, чтобы тогда слово *francus* гдѣ-нибудь встрѣчалось въ смыслѣ франкскаго происхожденія.

раба: требуется, чтобы человекъ, подвергшійся обвиненію, доказалъ, что его родители были свободными людьми. Онъ достигаетъ этого, приводя къ присягѣ 12 своихъ ближайшихъ родичей, 8 съ отцовской, 4 съ материнской стороны¹. Если эти двѣнадцать родственниковъ оказываются не колонами, ясно, что онъ долженъ быть свободенъ отъ такого состоянія. Если у него нѣтъ больше въ живыхъ родныхъ людей, онъ долженъ привести для присяги вообще двѣнадцать человекъ, извѣстныхъ, какъ несомнѣнно свободныхъ, то-есть, принадлежащихъ къ тому социальному состоянію, къ какому онъ причисляетъ себя самъ»².

Въ другой формулѣ мы находимъ женщину, которую монастырь требуетъ къ себѣ, утверждая, что она его колонка. Она твердо отвѣчаетъ, что ни отецъ, ни дѣдъ ея, которыхъ она называетъ по именамъ, не принадлежали къ «колонамъ этого Святого», стало быть, и она не подлечитъ колонатной зависимости, что она родилась свободною, поистинѣ свободною и черезъ отца, и черезъ мать. Графъ и его судъ объявляютъ, что она будетъ признана правою, если принесетъ клятву вмѣстѣ съ двѣнадцатью родичами, или, если она не имѣетъ требуемаго числа живыхъ родичей, то съ двѣнадцатью «вполнѣ свободными людьми», *bene francos salicos*³.—Такія формулы судебныхъ актовъ ясно показываютъ намъ одну изъ сторонъ положенія колона. Онъ является колономъ принудительно и наслѣдственно. Человекъ становился колономъ уже въ силу одного того факта, что въ такомъ состояніи находились его отецъ и мать.

¹ *Ibidem*: «Fuit iudicatum, ut hac causa apud (*apud* — въ языкѣ «формуль» значитъ — *cum*) proximiores parentes suos, octo de parte genitore suo et quattuor de parte genetrice suae... debeat coniurare». — См. примѣненіе той же процедуры по отношеніи къ рабу въ *Formulae*, № 481, 482, 483.

² «Si fermortui sunt, apud duodecim francos tales qualem se esse dixit».

³ *Formulae*, Rozière, № 480: «Fortiter denegavit et dixit, quod avus suus ille quondam nec genitor suus ille quondam coloni sancti illius de villa illa nunquam fuissent... Sed de patre et de matre bene ingenua fuisset. Fuit iudicatum, ut... Si fermortui sunt, apud duodecim homines bene francos salicos hoc coniurare debeat». — Выраженіе *bene francos salicos* является, очевидно, синонимомъ съ *bene ingenua*, встрѣчающимся нѣсколько строкъ выше. Точно такъ же въ *Formulae*, 481 находимъ: «Bene ingenuus sive salicus».

Другая сторона колонатнаго состоянія, а именно обезпеченіе за колономъ навсегда его надѣла, обнаруживается изъ текстовъ съ меньшею ясностью. До насъ не дошло судебныхъ приговоровъ, которые произносились бы въ офиціальномъ трибуналѣ противъ собственника земли за выдвореніе колона. Дѣло понятное, что подобнаго рода дѣла возникали рѣже, и акты ихъ сохранялись хуже. Но, по крайней мѣрѣ, мы обладаемъ однимъ протоколомъ дѣлопроизводства на судѣ короля по процессу, въ которомъ истцами оказываются простые колоны. Эти люди жалуются, что господинъ ихъ земли повысилъ таксу ихъ оброка и другія ихъ обязательства. «Онъ требуетъ съ насъ, говорятъ они, большихъ поборовъ, чѣмъ сколько платили наши предшественники. Онъ не соблюдаетъ примѣнительно къ намъ правилъ, которыми пользовались наши предки»¹. Королевскій судъ выслушалъ обѣ стороны и, послѣ состязательныхъ преній обѣихъ и чтенія оправдательныхъ документовъ, произнесъ приговоръ противъ колоновъ. Достойно отмѣтить въ этомъ случаѣ, что рѣшеніе суда опиралось лишь на томъ, что землевладѣльцу удалось доказать фактъ непревышенія имъ высоты взыскивавшихся имъ поборовъ сравнительно съ установленными въ прошломъ. Онъ представилъ дѣйствительно документъ съ подписями отцовъ тѣхъ же колоновъ, которымъ констатировалась древность требуемыхъ имъ оброковъ. Колоны признали подлинность грамоты². Мнѣ кажется, что описанная процедура и произнесенное рѣшеніе точно возстановляютъ правовую норму. Землевладѣлецъ выигралъ тяжбу лишь въ силу того, что доказалъ давность взима-

¹ Данный актъ находится вслѣдъ за *Polyptyque d'Irminon* (р. 344). Онъ относится къ 828 году: «Cum in palatio nostro ad multorum causas audiendum resideremus, ibi venientes Aganbertus, Aganfredus, Frotfarius et Martinus, coloni de villa Antoniaci... proclamabant, quod abba... eis super quaeisissent vel exactassent amplius de censu vel de prosoluta quam ipsi per strictum solvere non debebant nec eorum antecessores fecerant nec solserant, nec talem legem eis conservabant quomodo eorum antecessores habuerant». — Это напоминаетъ законъ Константина, о которомъ выше приходилось говорить (*Cod. Iust.* XI, 50).

² *Polyptyque d'Irminon*, р. 344: «Descriptionem obtulit ad reicendum, in quo continebatur quomodo sub tempore Alcuini abbatis ipsi coloni cum iuramento dictaverunt, quid per singula mansa desolvere debebant... Ipsi coloni ipsam descriptionem veram et bonam esse dixerunt vel recognoverunt.

вшихся имъ псборовъ. Стало быть, онъ не имѣлъ права ихъ увеличивать.

Колоны никогда не обнаруживаются намъ какъ люди, вмѣстѣ обрабатывающіе какую-нибудь общую землю. По крайней мѣрѣ, источники не даютъ намъ ни одного примѣра подобной коллективной культуры. Колонъ всегда занималъ на большомъ помѣстьѣ маленькій участокъ, который выдѣленъ специально ему. Этотъ клочекъ именовался, обыкновенно, *colonica*, надѣломъ колона. Такъ Бертрамнъ завѣщаетъ свою вилу *Pariliacum* со включеніемъ принадлежащихъ къ ней *colonicae*. Теотруда, Гадоиндъ, Эрминетруда точно такъ же жалуютъ свои *villae* Матрій, Верницеллы, Латиніакъ со включеніемъ колонскихъ надѣловъ, къ нимъ причитающихся. Вигилій упоминаетъ о *colonica*, занятой женщиной, по имени Квинтиллою, наконецъ, Видерадъ завѣщаетъ *colonica*, которую держитъ колонъ Сикбертъ».

Мы нигдѣ не видимъ, чтобы владѣлецъ производилъ передѣлы участковъ и перетасовку держальцевъ. Даже когда собственникъ земли мѣнялся по случаю продажи ея или завѣщанія, незамѣтно, чтобы онъ вводилъ новыхъ колоновъ къ невыгодѣ прежнихъ или производилъ перераспредѣленіе земли.

Землевладѣлецъ могъ продать землю, но съ нею вмѣстѣ онъ продавалъ занимавшихъ ее колоновъ. Такъ поддерживается и здѣсь старое правило, которое, мы видѣли, практиковалось уже въ римской имперіи. Завѣщатель или пожалователь не всегда даютъ себѣ трудъ опредѣленно за-

¹ *Testamentum Bertramni*, a. 627 (Diplomata, № 241): «Villam Pariliacum cum colonicas ad se pertinentes».

² *Testamentum Vigilli*, anno 670, № 363.

³ *Testamentum Wideradi*, anno 721, № 514 (t. II, p. 324): «Cum manso et colonica illa, quae fuit Anseberto, et modo tenet illam Sicbertus». — Иногда слово *colonica* прилагается къ помѣстью въ его цѣломъ, вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно все разбито на колонскіе участки. См. напримѣръ, «colonia Passiacum» у св. Ремигія, «colonica Relate» у Бертрамна, «colonia Auduniaca» у Палладія, «colonica Ferrariae» у Вигилія (*Diplomata*, № 230, 273, 363).

⁴ *Testamentum Bertramni* (Diplomata, t. I, p. 200): «Tam in terris et vineis, quam colonis et servis». — *Charta Nizezii*, a. 680: «Cum merito libertorum et colonorum». — *Charta Ansberti*, anno 696 (№ 437): «Cum servis, libertis, colonis». — *Testamentum Abbonis*, № 559 (t. II, p. 372): «Cum mancipiis, libertis, colonis... cum omni iure earum (villarum) ac colonis, servis et libertis».

являть въ грамотахъ, что они уступаютъ съ землею и колоновъ; но это, очевидно, подразумѣвается, и у насъ нѣтъ ни одного примѣра земли, завѣщанной или пожалованной безъ колоновъ, на ней обитавшихъ.

Точно такъ же, когда мы читаемъ въ документахъ, что владѣлецъ уступаетъ другому колону, мы должны понимать это въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ нимъ передается и участокъ земли, на которомъ тотъ сидитъ. Отчужденіе колона отдѣльно не имѣло бы ни цѣли, ни смысла, ибо оброки, которые тотъ платитъ хозяину, вытекаютъ исключительно изъ обработки имъ земли. Пожаловать или продать колону, — это значило пожаловать или продать барщины, службы и оброки, поборы, которые онъ несъ за землю, имъ занятую. Ницезій отчетливо выясняетъ это въ своемъ завѣщаніи: «Жалую настоящія земли вмѣстѣ съ ихъ колонами и съ доходами, происходящими отъ колоновъ!» Цидеридъ пишетъ: «завѣщаю участокъ, который держитъ Сикбертъ, и завѣщаю также Сикберта вмѣстѣ съ женою его и дѣтьми съ обязательствомъ для него и для семьи его работать на данномъ виноградникѣ»². Такимъ образомъ, колонъ не могъ, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ ни сойти съ участка, который онъ держалъ, ни потерять его. Его держанье было безусловно наслѣдственнымъ. Его дѣти имѣли право и обязанность перенять участокъ отъ него.

Колонъ обрабатывалъ свой надѣлъ по собственному разумѣнію. Совсѣмъ не замѣтно, чтобы трудъ его подвергался надзору или, тѣмъ болѣе, руководству. Разъ онъ внесъ оброкъ, всѣ плоды оставались въ его распоряженіи.

Во всѣхъ документахъ, оставшихся отъ шестого, седьмого и восьмого вѣковъ, не отыскивается ни одной строки, въ которой бы выражалась мысль, что колонатныя обязанности были возложены сильнымъ на слабыхъ, и чтобы поэтому они носили характеръ утѣсненія. Присмотримся къ терминамъ, которыми обозначались подобныя соціальныя отношенія: они вызываютъ скорѣе понятіе, что

¹ *Charta Nizezii*, № 393: «Cum colonis ibidem commorantibus et merita colonorum».

² *Testamentum Wideradi*, № 514: «Dono colonicam... tenet illum Sicbertus... et ipsum Sicbertum cum uxore sua et infantes suos... Et Sicbertus et infantes eius ipsam vineam procurare debent».

такія обязанности являлись цѣною, которою колонны оплачивали уступленные имъ права пользованія. Въ самомъ дѣлѣ въ памятникахъ пользуются словами *reddere* или *solvere* для обозначенія всей совокупности повинностей колона. *Tenet et inde reddit*, онъ держитъ землю и за то отдаетъ (то-есть, оброкъ). *Tenet et inde solvit*, держитъ и платитъ за держанье ¹. Его обязанности именуются чаще всего, рентою, цѣною, воздаяніемъ, *redditus*, *redhibitio*, иногда *census*, *tributum*, *debitum* ².

Всѣ подобные поборы не были установлены никакимъ закономъ, даже никакимъ общимъ обычаемъ. Съ этой стороны не существовало единообразія въ положеніи колонновъ не только въ цѣлой странѣ, но и въ предѣлахъ отдѣльной области. Колонатныя отношенія видоизмѣнялись внутри каждаго помѣстья. Часто даже замѣчались различія между колонами одной и той же земли. Это обстоятельство подтверждаетъ наблюденіе, которое мы уже сдѣлали относительно римской имперіи, то-есть, что условія колонатнаго держанья первоначально опредѣлялись собственникомъ даннаго помѣстья въ тотъ моментъ, когда онъ впервые при-

¹ *Lex Baiuvariorum*, I, 13: «De colonis... qualiter tributa reddant... Pascuarium solvunt... Reddant decimum fascem... quattuor pullos reddant» — *Lex Alamannorum*, XXIII: «Coloni ita reddant» — *Polyptyque d'Irminon*, IX, 231: «Reddere census debuerat... reddit census». — Выраженіе *inde solvit* постоянно повторяется въ «полиптихѣ Ирминона». — Слова *reddere* и *redditus* въ старомъ латинскомъ языкѣ употреблялись для обозначенія «ренты», того, что земля «давала» земледѣльцу, или что земледѣлецъ «отдавалъ» собственнику (см. *Colum. De re rust.* II, 17; III, 2; 3; IV, 3). Тѣ же слова встрѣчаются въ средневѣковыхъ текстахъ. См. напр. *Lex Longobardorum*, Aistulph. 12: «Redditum faciant». — *Redibutiones* находимъ, какъ равнозначашій терминъ, въ актѣ 828 г., который цитированъ выше.

² *Tributa* въ смыслѣ ренты, платимой колономъ владѣльцу, встрѣчается уже у Григорія Великаго (*Epist.* I, 44). Его же находимъ еще въ одной статьѣ *Lex Alamannorum* (XXIII), очевидно, введенной въ сводъ подъ вліяніемъ церкви (ср. *Lex Baiuvarior.* I, 13). — *Census*, въ томъ же значеніи оброка съ колонновъ, часто попадаетъ въ «полиптихахъ» *St. Germain des Près* и *St. Remi de Reims*, и слово это примѣняется равнымъ образомъ къ натуральнымъ сборамъ и барщинамъ, какъ и къ денежнымъ оброкамъ. См. *Polypt. d'Irminon*, IX, 283, 284; XIII, 100; XXI, 22; 29. *Polypt. de St. Remi*, VII, 4; XVII, 20; XX, 9. — Что касается слова *debitum*, также употреблявшагося для обозначенія колонатныхъ повинностей, то оно часто встрѣчается въ томъ же полиптихѣ Ирминона (см., напр., IX, 253; XIII, 94; XXV, 8).

нималъ колоновъ на свою землю. По личному желанію онъ могъ установить либо одинаковыя правила для всѣхъ, либо различныя для каждаго. Такъ какъ большая часть этихъ колоновъ вступала на его землю по доброй волѣ, то, весьма вѣроятно, подобныя правила свободно принимались ими. Когда же нѣкоторые становились колонами по принужденію, на нихъ возлагались, должно быть, даже суровыя обязательства. Отсюда и возникли весьма значительныя неравенства, которыя мы сейчасъ и рассмотримъ.

Прежде всего необходимо констатировать, что разъ первоначально установленныя правила вошли въ жизнь и повинности опредѣлились, — положеніе больше ужъ не мѣнялось. Порядки, выработавшіеся на данномъ участкѣ, для данной семьи, передавались въ томъ же видѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Любопытное примѣненіе этого принципа находимъ въ полиптихѣ сень-жерменскаго аббатства. Два помѣстья, именовавшіяся *Vitriacus* и *Valliacus*, раньше чѣмъ вошли въ составъ монастырскихъ владѣній, принадлежали Жермену (Герману), который получилъ ихъ по наслѣдству отъ отца Элевтерія и матери Евсебіи. Онъ завѣщалъ ихъ аббатству, естественно вмѣстѣ съ колонами, которые на нихъ сидѣли. И вотъ эти колонны во времена Карла Великаго платили точнымъ образомъ тотъ же оброкъ, какой они вносили около 550 г., и они продолжали пользоваться тѣми же самыми преимуществами ¹.

Не говорю о нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые могли появляться, какъ исключенія изъ общаго правила. Ясное дѣло, что землевладѣлецъ могъ облегчать тягости колона въ награду за какую-нибудь оказанную тѣмъ услугу. Онъ могъ также поднять высоту сбора, если предоставлялъ колону для пользованія болѣе обширную площадь. Далѣе, если онъ ссужалъ колона деньгами, то могъ обезпечить возвратъ ихъ повышеніемъ оброка. Измѣненія происходили еще и другимъ путемъ; именно колонъ могъ добиваться перевода личныхъ трудовыхъ повинностей въ денеж-

¹ *Polyptyque d'Irminon*, X, 1, 2, 3 (p. 117—118). То, что утверждается нами, вытекаетъ изъ чтенія трехъ указанныхъ параграфовъ и особенно изъ слѣдующихъ словъ: «Coloni, qui ipsam inhabitant villam, ita adhuc sunt ingenui sicut fuerunt temporibus S. Germani... quatenus omnibus annis solvant ad ipsam ecclesiam 8 sextarios olei aut 22 cerae libras».

ный сборъ. Но рядомъ съ такими частичными уклоненіями неизбежно сохранялось общее правило неизмѣнности первоначально фиксированной суммы оброка.

Намъ важно было бы знать хоть съ нѣкоторою отчетливостью, какова была природа и цифра этихъ оброковъ, которые неслись колоннами, въ первые вѣка послѣ римской имперіи. — Грамоты шестого, седьмого и восьмого вѣковъ, которыя такъ часто упоминаютъ колонновъ, никогда не указываютъ, каковы были ихъ обязательства. Невозможно основываться на одномъ дипломѣ, приписываемомъ Хлодовеху и относящемся будто бы къ 499 г. Это текстъ, очевидно, подложный, и нельзя пользоваться имъ, какъ источникомъ ¹. Въ одномъ отрывкѣ изъ жизни Дезидерія, епископа Кагорскаго, появляются колонны, разводившіе виноградники и обязанные отдавать помѣщику десятину отъ полученнаго ими вина. Но больше ничего не сказано, подлежатъ ли они какимъ-нибудь другимъ повинностямъ. Стало быть, это мѣсто даетъ слишкомъ неполныя и неопредѣленныя свѣдѣнія, чтобы мы могли вывести изъ него твердое заключеніе ².

Первый разъ находимъ мы точныя данныя по занимающему насъ предмету въ сводѣ баваровъ. Извѣстно, что этотъ сборникъ былъ составленъ по приказу королей франкскихъ и подъ вліяніемъ понятій и обычаевъ, господствовавшихъ въ государствѣ Меровинговъ. Можетъ быть, покажется удивительнымъ, что у баваровъ колонатныя отношенія регулировались закономъ, между тѣмъ какъ мы удостовѣряли, что законы никогда не занимались этимъ предметомъ. Но дѣло въ томъ, что Баварская Правда въ той формѣ, которая осталась въ нашемъ распоряженіи, сложилась подъ сильнымъ внушеніемъ церкви. Потому то она открывается цѣлою книгою, которая посвящена интересамъ духовенства. Именно въ эту книгу церковь побудила внести рядъ статей объ обязанностяхъ рабовъ и колонновъ, сидѣвшихъ на ея земляхъ. Слѣдовательно, порядки, которые мы сейчасъ будемъ изучать, характеризовали

¹ Пардессю внесъ этотъ текстъ въ свой сборникъ «*Diplomata*» подъ № 65, но съ оговоркою, что онъ не заслуживаетъ никакого довѣрія.

² *Vita Desiderii Caturc. ep.* с. 14 (Dom Bouquet, III, 527).

жизнь не всѣхъ колоновъ баварской страны, а только тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали церкви.

«Колонъ церкви, читаемъ мы въ данномъ сводѣ, долженъ прежде всего вносить *agrarium*, то-есть, если онъ соберетъ 30 мѣръ, то обязанъ отдать 3; онъ долженъ также десятую часть отъ своего льна и отъ меда своихъ пчелъ ¹. Кромѣ того онъ вспашетъ своему господину площадь въ сорокъ футовъ ширины на 400 футовъ длины, именуемую *andecena*; онъ засѣетъ, взборонитъ и уберетъ ту же площадь и свезетъ урожай въ амбаръ ². Онъ скоситъ ариппень луга и свезетъ сѣно въ сарай ³. Онъ будетъ садить виноградники, окапывать ихъ, разводить отводки, подрѣзывать лозу и собирать плоды ⁴. Онъ обязанъ либо доставлять лошадь, либо самъ отправляться, куда его посылаютъ; онъ выполняетъ извозную службу до разстоянія въ 50 лейгъ, но не далѣе ⁵. Наконецъ, онъ долженъ исправлять домъ хозяина, его гумно, конюшни, по мѣрѣ надобности».—Аламманнская Правда, составленная при тѣхъ же условіяхъ и вліяніяхъ, что и баварская, также свидѣтельствуетъ, что на колоновъ церкви возлагались одновременно и оброки, и барщины ⁶.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что рассмотрѣнные только-что положенія о колонатѣ были германскаго происхожденія, ибо мы ихъ находимъ въ германскихъ странахъ, и не доказано, что колонатъ не существовалъ въ древней Германіи. Но слѣдуетъ съ большею вѣроятностью предположить, что этотъ колонатъ, наличность котораго мы кон-

¹ *Lex Baiuvariorum*, I, 13 (*Pertz, Léges*, III, 278): «De colonis Ecclesiae... qualia tributa reddant, hoc est agrarium... secundum quod habet, donet. De triginta modiis tres donet... reddant (decimum) fascem de lino, de apibus decimum vas». Ср. *Polyptyque d'Irminon*, Prolégomènes, p. 716, 726.

² *Ibidem*, § 2: «Andecenas legitimas, hoc est, pertica decem pedes habente, quatuor perticas intransverso, quadraginta in longo arare, seminare, claudere, colligere et trahere et recondere».

³ *Ibidem*: «Pratum arpeno uno claudere, secare, colligere, claudere».

⁴ *Ibidem*: «Et vineas plantare, fodere, propaginare, praecidere, vindemiare».

⁵ *Ibidem*: «Parafredos donent aut ipsi vadant, ubi eis iniunctum fuerit. Angarias cum carra faciant usque quinquaginta (?) leugas, amplius non minentur».

⁶ *Lex Alamannorum*, XXIII.—Первый параграфъ трактуетъ здѣсь о *tributum*, второй упоминаетъ объ *opera imposita*.

статированъ лишь на земляхъ церковныхъ и королевскихъ ¹, былъ въ данныхъ странахъ довольно позднимъ явленіемъ, принесеннымъ извнѣ. Потому то, съ другой стороны, вполне допустимо мнѣніе, что изученныя правила проникли сюда изъ Галліи, и, что въ нихъ нѣкоторымъ образомъ отображается древній римскій колонатъ.

Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что тягости церковныхъ колоновъ въ странѣ аламанновъ и баваровъ составлялись изъ двухъ элементовъ. Прежде всего, они отдавали собственнику земли десятую часть продукта полученнаго имъ съ удѣленнаго имъ участка. Затѣмъ, онъ выполнялъ нѣкоторыя работы на землѣ, которую хозяинъ оставилъ въ собственномъ распоряженіи, или въ его усадьбѣ. Вспомнимъ тутъ, что въ римской имперіи колонъ-держалецъ также обязанъ былъ, во-первыхъ, вносить владѣльцу извѣстную долю отъ своего урожая, во-вторыхъ, отдавать ему нѣсколько дней труда на барскомъ полѣ ². Совершенно одинаковыя условія вновь открылись передъ нами здѣсь сейчасъ. То, что римскій документъ во второмъ вѣкѣ называлъ *pars agraria*, то и баварскій именуется *agrarium* ³. Мы видѣли, что колоны африканскаго *saltus Burunitanus* несли по два дня пахотной работы, по два дня бороньбы и по два жатвы въ пользу собственника; теперь замѣчаемъ, что обязательство колоновъ въ странѣ баваровъ вспахать, засеять, взборонить и убрать площадь около 16 аровъ земли довольно близко соотвѣтствуетъ этимъ шести днямъ барщины римскаго колона. Правда, на колона въ Баваріи наложены еще другія обязательства, о которыхъ ничего не упомянуто въ римскомъ документѣ II-го вѣка. Можетъ быть, такое различіе происходитъ просто оттого, что въ послѣднемъ, по самой его природѣ, не должны были перечисляться всѣ тягости колоновъ ⁴; можетъ быть также, и самыя тягости увеличились

¹ Колоны королевскаго фиска (*coloni regis*) названы въ *lex Alamannorum*, XXIII, 1.

² См. выше, гдѣ говорится о колонахъ Бурунитанскаго помѣстья.

³ *Agrarium* упоминается также въ *charta Aegliberti* 692-го года. См. *Diplomata*, № 427 и *Form. Marculfi*, II, 36.

⁴ Въ прошеніи крестьянъ и отвѣтѣ императора пришлось указать среди этихъ тягостей лишь тѣ, относительно которыхъ допущены были злоупотребленія. Потому то данный документъ оставляетъ въ тѣни многія стороны колоната.

въ промежутокъ между вторымъ и шестымъ вѣками. Церковь, устраивая «колонатное держанье» на своихъ земляхъ внутри Германіи, могла установить нѣсколько новыхъ правилъ, которыя были раньше неизвѣстны или примѣнялись лишь рѣдко во времена имперіи.

Карлъ Великій не издалъ ни одного закона о колонахъ; да ему и не представлялось для того поводовъ. Но ему важно было знать состояніе земель и состояніе личностей въ его имперіи. Вотъ онъ и повелѣлъ составить краткіе инвентари каждаго помѣстья, въ которыхъ было бы показано рядомъ съ протяженіемъ и природою земель также соціальное положеніе обитавшихъ на нихъ людей. Его приказанія были осуществлены на казенныхъ земляхъ и еще на монастырскихъ и епископскихъ; остается неизвѣстнымъ, оказалась ли такая работа выполнена на помѣстьяхъ частныхъ собственниковъ ¹.

Такимъ образомъ тысячи помѣстій пріобрѣли свои «писцовыя книги» (*descriptions*). Таково наименованіе, какимъ пользовался Карлъ Великій для обозначенія подобныхъ описей ². Это — тотъ же самый терминъ, который употреблялся въ римской имперіи для наименованія тѣхъ кадастровъ, въ которыхъ каждому помѣстью предоставлялась особая страница, и гдѣ каждый колонъ былъ «записанъ» (*adscriptus*). Такъ какъ въ системѣ управленія помѣстьями церкви никогда не прекращалась практика составленія подобныхъ инвентарей-описей, то можно думать, что такого рода документы, редактированные во время Карла Великаго, по крайней мѣрѣ, со стороны формы, на болѣе ранніе. Въ нихъ, прежде всего, показывалась площадь части помѣстья, оставленной въ непосредственномъ распоряженіи собственника, которая тогда стала называться — *mansus dominicatus*, съ специальнымъ обозначеніемъ отдѣльныхъ угодій, полей, виноградниковъ,

¹ Это приказаніе было отдано Карломъ, когда онъ сдѣлался императоромъ. Оно выполнялось въ первые годы IX-го вѣка. Намъ извѣстны точныя даты составленія писцовыхъ книгъ въ нѣкоторыхъ аббатствахъ: «Anno trigesimo quarto regnante Karolo rege», такъ сказано въ одномъ судебномъ приговорѣ отъ 828 г., относящемся къ колонамъ одного помѣстья. См. въ приложеніи къ *Polyptyque d'Irminon*, p. 345.

² См. судебный приговоръ 828 года: «Descriptionem obtulerunt ad relegendum». — Терминъ *descriptio* повторенъ въ немъ четыре раза.

луговъ и лѣсовъ, изъ которыхъ она составлялась. Далѣе перечислялись болѣе мелкіе *mansi* (участки, надѣлы), находившіеся въ пользованіи у держальцевъ. Если *descriptio* было составлено обстоятельно, въ немъ содержалось также обозначеніе для каждаго манза входившихъ въ него пахотной земли, виноградника, луга, а еще ставилось имя держальца, его жены и дѣтей. Съ особенною отчетливостью заносились въ книгу повинности каждаго держальца и службы, которымъ онъ былъ подчиненъ ¹.

Описи отдѣльныхъ имѣній одного и того же собственника, напримѣръ, монастыря, объединялись въ одинъ общій регистръ со многими листами, который потому и назывался *polyptychum*. Самое это названіе древнее точно такъ же, какъ и предметъ, который оно обозначало. «Полиптихи» существовали уже въ римской имперіи, и церковь поддерживала непрерывно филиацію такихъ писцовыхъ книгъ ². Тѣ изъ нихъ, которыя были составлены по распоряженію Карла Великаго, не исчезли для насъ совсѣмъ. Сохранились отрывки отъ полиптиховъ аббатствъ *Saint Amand* *Saint-Maur les Fossés*, *Corbie* ³ и нѣчто въ родѣ образца— типа (или формулы) для тѣхъ, которые должны были вестись въ королевскихъ помѣстьяхъ ⁴. Кромѣ того до насъ дошли два полиптиха почти въ цѣльномъ видѣ, это уже цитировавшіяся писцовыя книги монастырей—*St Germain des Près* и *St Remi de Reims*. Первый былъ редактированъ во время управленія аббата Ирминона, въ послѣдніе годы царствованія Карла Великаго. Второй возникъ не раньше правленія Карла Лысаго и епископата Гинкмара ⁵. Но мнѣ кажется, что послѣдній воспроизводитъ съ вставкою лишь новыхъ именъ держальцевъ и съ незначительными дополне-

¹ *Polyptyque d'Irminon*, p. 345: «Descriptionem... in qua continebatur... quid per singula mansa ex ipsa curte desolvere debebant».

² *Cod. Theod.* XI, 26, 2; XI, 28, 13.—*Veget.* De re milit. II, 19.—*Cassiod.* Var. V, 14; 39.—*Greg. Magni*, Epist. IX, 40.—*Form. Marculf.* I, 19.

³ Они изданы Гераромъ (*B. Guérard*) въ видѣ приложения къ сенъ-жерменскому полиптиху (см. стр. 292, 283, 306—340, 396) и вслѣдъ за его введеніемъ (*prolégomènes*), стр. 925.

⁴ Это—*Specimen breviaril rerum fiscalium Caroli Magni*, также напечатанный вслѣдъ за текстомъ полиптиха Ирминона у Герара (см. также въ капитуляріяхъ, изд. *Boretius* въ «*Mon. Germ. Historica*»).

⁵ Это доказано Гераромъ (*Polypt. d'Irminon*, préface, p. 7—8).

ніями тотъ регистръ, который былъ составленъ здѣсь по приказу Карла Великаго. Это та же писцовая книга, только обновленная данными, накопившимися за полвѣка и съ регистраціею тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли за этотъ промежутокъ времени въ составѣ обитателей имѣній монастыря¹. Чтеніе обоихъ названныхъ полиптиховъ было облегчено благодаря превосходному изслѣдованію, произведенному надъ ихъ текстами Бенжаменомъ Гераромъ, однимъ изъ самыхъ глубокихъ и истинныхъ европейскихъ ученыхъ XIX-го вѣка. Оба памятника обладаютъ неисчислимою цѣною для историка, который хочетъ познать, какъ слагается вообще жизнь общества. Въ настоящую минуту мы стараемся лишь разыскать, каково было тогда положеніе колонновъ.

Въ разсматриваемыхъ документахъ нѣтъ почти ни одной страницы, на которой бы не было записано нѣсколько колонновъ. Такъ, не только классъ колонновъ, оказывается, продолжалъ существовать, но онъ являлся даже самою многочисленною категоріею сельскихъ жителей. Можно сдѣлать расчетъ, по которому обнаружится, что изъ числа приблизительно 3200 семействъ крестьянъ, упомянутыхъ въ сенъ-жерменскомъ полиптихѣ, болѣе 2000 находились въ колоннатномъ состояніи.

Рядомъ съ колоннами сидѣли другіе классы крестьянъ.— То были рабы (или сервы) и лиды. Около имени каждого мужчины и каждой женщины составитель регистра обозначилъ его соціальное положеніе. Забота объ этомъ свидѣтельствуешь, что колонъ продолжалъ сильно отличаться и отъ раба, и даже отъ вольноотпущенника. Въ IX-мъ вѣкѣ колонъ не больше смѣшивался съ рабомъ, чѣмъ въ четвертомъ. На дѣлѣ, впрочемъ, по нѣкоторымъ признакамъ приходится убѣдиться, что разница между ними начинала слабѣть². По праву же она сохранялась въ полной силѣ.

¹ Къ тому же составитель, современникъ Гинкмара, позаботился оставить въ рукописи бѣлыя страницы, которыя его преемники заполнили новыми данными. Они занесли на нихъ указанія новыхъ приобрѣтеній и пожалованій. Вотъ почему мы находимъ въ этомъ полиптихѣ страницы, написанныя въ X-мъ вѣкѣ.

² Такъ, напримѣръ, колонъ часто занималъ уже рабскій надѣлъ (*mansus servilis*) и обратно—рабъ надѣлъ колона. Другимъ симптомомъ прогрессирувавшаго сближенія между колоннатомъ и рабствомъ въ изучаемую эпоху были смѣшанные браки.

Важно отмѣтить, что въ писцовой книгѣ аббатства св. Ремигя (St. Remi) реймскаго колонъ уже не называется больше этимъ именемъ (*colonus*). Его почти вездѣ обозначаютъ терминомъ — *ingenus*. Было бы большою ошибкою переводить это слово — «свободный человѣкъ». Кто хорошо освоился съ языкомъ эпохи, тому извѣстно, что многіе старые термины приобрѣли новое условное значеніе, выросшее исключительно подъ вліяніемъ обычая. — Люди, которые въ тысячахъ мѣстъ регистра Сень-Реми именуется *ingenus*, очень походятъ на тѣхъ, кто также въ тысячахъ статей сень-жерменскаго полиптиха обозначены, какъ *coloni*. И тѣ, и другіе одинаково являются земледержальцами на совершенно тождественныхъ условіяхъ: они платятъ тѣ же поборы, несутъ одинаковыя работы, подчинены аналогичнымъ повинностямъ ¹.

Уже въ римскихъ сводахъ законовъ устанавливается *ingenuitas* колонновъ. Мы читаемъ тамъ: «хорошо извѣстно, что они рождены свободными». Неудивительно поэтому, что къ нимъ примѣнялось слово *ingenui*, чтобы отличить ихъ отъ рабовъ (*servi*). Рабы и колонны обитали бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, одинаково какъ держальцы, обложенные болѣе или менѣе однородными тягостями. Поэтому, совершенно естественно, что ихъ различали другъ отъ друга по наиболѣе замѣтному признаку. Колонны дорожили квалификаціей ихъ, какъ «свободныхъ», и обозначеніе *ingenui* удержалось въ нѣсколькихъ областяхъ. Оно не составляетъ исключительной особенности помѣстій, принадлежавшихъ аббатству Сень-Реми; его же встрѣчаемъ въ полиптихѣ Ситіускаго монастыря (*Sithiu*). Колонны тамъ постоянно называются *ingenui*, женщины изъ ихъ класса — *ingenuae* ². Я даже склоненъ думать, что такое словоупотребленіе было распространено очень широко: въ самомъ дѣлѣ, почти вездѣ

¹ Тождество между *colonus* сень-жерменскаго полиптиха и *ingenius* сень-реймійскаго доказано Гераромъ (préface къ «Polyptyque de l'abbé Imminon», p. 14, 15). Сравненіе между этими двумя писцовыми книгами не оставляетъ по этому пункту никакого сомнѣнія. Только въ описи одного изъ всѣхъ помѣстій монастыря, именно двадцать восьмого, въ регистрѣ употребляется слово *colonus*.

² *Polyptyque de Sithiu* (въ приложеніи къ «Polyptyque de St. Germain», p. 292): «*Servi faciunt in ebdomada dies tres, ingenui dies duas. Ancillae faciunt ladmones novem et illae ingenuae feminae septem*». — Ср. еще *ibid.* p. 294, 295.

участки колоновъ именуются *mansi ingenuiles*, такъ что этотъ терминъ въ концѣ концовъ и долженъ пониматься специально какъ *mansus colonicus*. Подобнаго рода реченія, которыя шли, конечно, очень издалека, обладали смысломъ, который не ускользаетъ отъ историка.

Положеніе колона было и здѣсь наслѣдственно; мы заключаемъ такъ изъ нашихъ полиптиховъ, хотя прямо этого нигдѣ не указано ¹. Семьи колоновъ, списки которыхъ даются въ регистрахъ, поселились на занятыхъ мѣстахъ очень давно, такъ что память о первоначальномъ прибытіи давно изгладилась изъ ихъ сознанія. Такъ, напримѣръ, колоны, которые обрабатывали помѣстье Витриакъ, являлись потомками тѣхъ, которые уже сидѣли на немъ въ то время, когда оно составляло еще собственность Елевтерія и Евсебіи. Стало быть, по крайней мѣрѣ два вѣка назадъ, эти семьи испомѣстились на данной землѣ. Во многихъ статьяхъ или параграфахъ мы видимъ, что составитель тщательно выдѣляетъ челоувѣка, котораго онъ квалифицируетъ какъ *extraneus*, *advena* или *forensis*, то-есть, называетъ его пришедшимъ извнѣ, первымъ изъ семьи его сѣвшимъ на данномъ помѣстьѣ ². Такое заботливое обозначеніе исключительнаго случая само по себѣ подтверждаетъ, что другіе люди находятъ въ помѣстьѣ издавна; они въ немъ родились; они происходятъ отъ старыхъ колоновъ.

Наслѣдственности колоната соотвѣтствуетъ наслѣдственность держанія. Это начало также прямо не выражено въ писцовой книгѣ, потому что на счетныхъ регистрахъ не записывается ходячая, неоспоримая истина. Но внимательное чтеніе текста полиптиховъ не оставляетъ по этому вопросу никакого сомнѣнія. Если дѣти такъ тщательно записывались рядомъ съ отцами при описяхъ отдѣльныхъ манзовъ, ясно, что они въ извѣстный моментъ замѣщали на нихъ послѣднихъ. Еще и другіе признаки обнаруживаютъ передъ нами наслѣдственность держанья. Многіе изъ манзовъ, хотя и не очень протяженныя, оказываются заняты двумя, тремя,

¹ Это выводится косвенно изъ текста: когда какой-нибудь манзь оказывается пустымъ, составитель заноситъ отмѣтку: «Deest heres» («Polyptyque d'Irminon, XIV, 39—42).

² *Polypt. d'Irminon*, IX, 13; XII, 47; XIII, 19, 26, 41; XXI, 54, 64, 81; XXII, 25; XXIV, 50.—*Forenses* болѣе многочисленны въ *Polyptyque de St. Remi*, I, 14; III, 7; VI, 16 etc.

четырьмя колонами. Такіе раздѣлы могли происходить отъ различныхъ причинъ, но главною должно было быть размноженіе семьи первоначальнаго колона. Держалець умиралъ, оставляя нѣсколько человѣкъ дѣтей; они продолжали занимать вмѣстѣ отцовскій надѣлъ. Иногда въ полиптихѣ отмѣчено, что такіе-то два-три колона, занимающіе одинъ манзъ, братья между собой ¹. Находимъ одинъ манзъ, который держать четыре брата и одна сестра; ни одинъ изъ нихъ не женатъ; не чувствуется ли, что родители умерли еще молодыми, а дѣти остались почти малолѣтними? Но регистръ отмѣчаетъ ихъ, однако, какъ держальцевъ. Мы видимъ многихъ женщинъ, занимавшихъ особые манзы ²: это—вдовы, которыя продолжаютъ держать вмѣстѣ съ дѣтьми участки умершихъ мужей. Какъ будто даже дочери наслѣдовали. Встрѣчается примѣръ колона, который умеръ, оставивъ только семерыхъ дочерей; чужезѣришелець (*extraneus*) допущенъ былъ вступить въ бракъ съ одною изъ нихъ, и съ тѣхъ поръ онъ, его жена и шестеро сестеръ ея совместно заняли тотъ же манзъ ³. Не нахожу ни одного примѣра, изъ котораго бы видно было, чтобы землевладѣлецъ нарушалъ правило наслѣдственности, и какъ будто выясняется, что преобладалъ обычай раздѣла наслѣдствъ на равныя части между дѣтьми колона. Справедливо при этомъ имѣть ввиду, что самый манзъ отъ этого не дробился: въ глазахъ собственника попрежнему оставались—одинъ манзъ, одинъ колонъ, одинъ оброкъ ⁴. Въ принципѣ происходило скорѣе общее пользованіе тою же землею со стороны группы родичей (семейной ассоціаціи), чѣмъ настоящій раздѣлъ.

¹ *Polyptyque d'Irminon*, XXI, 29; XXII, 56.—*Polypt. de St. Remi*, XI, 2.

² *Polypt. d'Irminon*, XII, 11; XIII, 24; XIV, 80; XX, 36; XXII, 73.—*Polypt. de St. Remi*, XV, 18, XVI, 6; XVII, 29—38.

³ *Polypt. d'Irminon*, XX, 6 (p. 209).

⁴ Это подтверждается сотнями примѣровъ. Безпрестанно встрѣчаются въ каждомъ помѣстьѣ цѣлыя серіи манзовъ, изъ которыхъ одни заняты однимъ колономъ, другіе двумя, третьи тремя или четырьмя. Про нихъ всѣхъ говорится—«*solvunt similiter*». Даже по отношенію къ барщинамъ—три колона, сидящіе на одномъ манзѣ, не облагаются большимъ количествомъ дней, чѣмъ одинъ, если онъ занимаетъ цѣлый манзъ самъ по себѣ. Взгляните на итоги, которые подводятся въ концѣ описи каждаго отдѣльнаго помѣстья, и вы увидите, что сумма оброковъ является всегда кратнымъ числа манзовъ, а не числа колоновъ.

Тѣ же полиптихи ясно раскрываютъ, какъ сложился въ глубинѣ вѣковъ внутренній строй колонскаго участка.— Послѣдній, именовавшійся «манзомъ» (*mansus*), содержалъ въ себѣ одновременно и землю и усадьбу. Площадь манза бывала очень различной величины. Были манзы въ два бунуарія, то-есть, нѣсколько больше двухъ гектаровъ. Другіе же покрывали 5, 10, 20, даже 30 бунуаріевъ; каждый манзь составлялся, по возможности, изъ угодій разныхъ видовъ. Въ него входили пахотныя поля, кусокъ луга, маленькій виноградникъ или хмелевое насаждение¹. Кажется, будто первоначальный собственникъ, который распредѣлялъ манзы, стремился при этомъ къ тому, чтобы каждая семья могла удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ отъ занятаго участка.

Манзы не квалифицировались по ихъ величинѣ. Изъ чтенія *Polyptyque de Saint Germain des Près* выясняется, что при опредѣленіи природы манза, а также высоты сборовъ съ него принималось во вниманіе во протяженіе его. Манзы въ дѣйствительности распадались главнымъ образомъ на двѣ категоріи: *mansi serviles* и *mansi ingenuiles*². Такое различіе констатируется во всѣхъ видахъ памятниковъ; повидимому, оно было общераспространеннымъ. Помѣстье очень рѣдко составлялось изъ одного только вида манзовъ. Чаще всего рабскіе и свободные манзы перемѣшивались на одной и той же землѣ. *Mansus servilis*—это было держанье раба; *mansus ingenuilis*—держаніе колона.

Изъ того факта, что такое различіе манзовъ раскрывается намъ лишь по документамъ VIII-го и IX-го вѣковъ, не слѣдуетъ поспѣшно заключать, что оно только тогда и образовалось. Небольшое усиліе вниманія обнаруживаетъ какъ разъ обратное. Мало того, что такое различіе не возникло въ VIII вѣкѣ: Оно тогда начало, наоборотъ, сла-

¹ Приводимъ примѣры: «Godeboldus tenet mansum ingenuilem habentem de terra arabili bunuaria sex, de vinea duas partes de arippenno, de prato dimidium arippennum» (*Polypt. d'Irminon*, I, 1).—«Mansum ingenuilem habentem de terra arabili bunuaria decem, de vinea arippennum unum, de prato arippennum unum» (*Ibidem*, I, 5).

² Надобно прибавить къ нимъ еще третью—*mansi tidiles*, встречающуюся въ «полиптихѣ Ирминона» и «манзы вольноотпущенниковъ», находимые въ «полиптихѣ св. Ремигія». Намъ незачѣмъ говорить здѣсь о такъ называемыхъ *hospitia* и *accolae*, такъ какъ они составляютъ совсѣмъ отдѣльный предметъ изученія.

бѣть и исчезать. Оно даже перестало тогда оказывать какое-нибудь вліяніе на практикѣ, ибо мы часто видимъ, что рабъ (сервъ) занимаетъ свободный манзъ, а колонъ держитъ рабскій (servilis). Различіе, стало быть, существуетъ только номинально и скоро уничтожится. Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь опять наблюдаемъ очень давно сложившійся порядокъ, древнее явленіе.

Мы уже видѣли, что во времена римской имперіи внутри помѣстья крупнаго собственника находились и рабы, и колонны, и рабскія, и колонскія держанья (надѣлы, tenures). Нѣсколько позже, хартіи и завѣщанія меровингской эпохи обнаруживаютъ намъ также на каждомъ помѣстьѣ—рабовъ, отпущенниковъ и колоновъ.

Съ перваго взгляда легко склониться къ мысли, что *mansi serviles* должны были быть меньше по пространству, чѣмъ другіе, или, по крайней мѣрѣ, менѣе доходны. Но доступное для насъ сравненіе между тысячами манзовъ обѣихъ категорій никоимъ образомъ не доказываетъ, что рабскіе манзы были менѣе выгодны, чѣмъ колонскіе. По этому пункту не установилось никакого постояннаго правила.

Легко также предположить, что при прочихъ равныхъ условіяхъ тяготы, ложившіяся на *mansus servilis*, должны были оказываться болѣе тяжелыми. Несомнѣнно, такъ было на нѣкоторыхъ помѣстьяхъ. Мы видимъ, дѣйствительно, иногда, что тамъ, гдѣ съ раба требовалось три дня барщины въ недѣлю, съ колона полагалось только два ¹. Но таково далеко не было общее правило. Во многихъ случаяхъ тяготы оказываются совершенно одинаковы для держальцевъ какъ сервильныхъ, такъ и колонскихъ манзовъ. Во многихъ другихъ, если онѣ и не одинаковы, то равнозначущи (эквивалентны).

Существенная разница между надѣлами обѣихъ категорій не заключалась, слѣдовательно, ни въ цѣнности самаго участка, ни въ привязанныхъ къ нему повинностяхъ. Быть можетъ, первоначально она состояла лишь въ томъ, что рабъ обладалъ не тѣми же правами на свой надѣлъ, какія были присвоены колону на отданную ему землю. Землевла-

¹ Есть нѣсколько подобныхъ примѣровъ въ одномъ отрывкѣ изъ *Polyptyque de Sithiu*, напечатанномъ вслѣдъ за *Polyptyque de St. Germain* у Герара (стр. 292, 293, 294, 295).

дѣлецъ могъ всегда выдворить раба; но законъ лишаль его права сгонять колона послѣ того, какъ тотъ въ теченіе тридцати лѣтъ обрабатываль у него тотъ же участокъ. Далѣе, сынъ раба не имѣлъ рѣшительно никакихъ правъ на наслѣдованіе отцовскимъ надѣломъ, между тѣмъ какъ сынъ колона имѣлъ и право, и обязательство такого наслѣдованія. Изъ сказаннаго легко понять, что для господина было очень важно такое различіе между *mansi serviles*, которые можно было всегда отобрать, и *mansi ingenuiles (colonici)*, которые можно было возратить обратно въ свое непосредственное распоряженіе лишь въ случаѣ отсутствія у колона наслѣдниковъ.

Съ теченіемъ вѣковъ такая важность ослаблялась, и изъ нашихъ полиптиховъ обнаруживается, что исконная разница между манзами уже не принимается въ расчетъ. Причина такой перемѣны легко отыскивается. Дѣло въ томъ, что постепенно рабское держанье фактически сдѣлалось такимъ же постояннымъ и наслѣдственнымъ какъ и другія. Отсюда проистекло, что для колона стало безразлично, занимать ли *mansus servilis* или *mansus ingenuilis*. Только въ терминологіи различіе сохранилось дольше, чѣмъ въ реальной жизни, и писцовая книга помѣстья продолжала по старому обычаю помѣчать, что такой-то манзъ всегда былъ рабскимъ, а такой всегда свободнымъ.

Теперь хотѣлось бы разслѣдовать, каковы были повинности, лежавшія на колонѣ за пользование землею, которую онъ занималь. Полиптихи обозначаютъ ихъ для cadastra съ полнѣйшею точностью. Но прежде всего необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Не слѣдуетъ представлять себѣ, чтобы эти инвентари отдѣльныхъ помѣстій, которые мы находимъ въ полиптихахъ, были составлены самими собственниками, то-есть, аббатами, епископами или фискальными должностными лицами. Они были записаны, по крайней мѣрѣ, насколько дѣло касается участковъ, отданныхъ подъ держанье, самими держальцами или по ихъ показаніямъ. Аббатъ или его уполномоченный призваль ихъ нѣкогда въ барскую усадьбу, составлявшую центръ управленія помѣстьемъ. Каждый изъ держальцевъ объявилъ тогда же, каковъ его участокъ и каковы обязательства. Управляющій господина записаль съ ихъ словъ. Держальцы принесли предварительно присягу, что будутъ говорить правду. Когда объявленія ихъ были запи-

саны, они ихъ подписали ¹. Такимъ образомъ оброки и повинности колоновъ оказались закрѣплены на бумагѣ ими самими. Отсюда вытекаетъ важное заключеніе. Съ одной стороны, государственная власть, какъ бы могущественна она ни была въ изучаемую эпоху, не считала себя призванною самостоятельно опредѣлять обязательства колоновъ: вспомнимъ здѣсь, что римскіе императоры, точно такъ же никогда не вмѣшивались въ задачу установленія этихъ поборовъ. Съ другой стороны, землевладѣльцы IX-го вѣка равнымъ образомъ какъ будто не заявляли притязанія на такое право. Оброки были опредѣлены издавна. Оставалось лишь засвидѣтельствовать ихъ. Никто не имѣлъ власти, никому даже не приходило мысли производить здѣсь новшества.

Итакъ, мы тутъ находимъ опять одну изъ характернѣйшихъ чертъ колоната, одну изъ тѣхъ особенностей, которая уже поражали насъ въ римской имперіи. Колонаты проистекаетъ изъ древняго соглашенія, дата котораго неопредѣлима, которое остается неизмѣннымъ для обѣихъ сторонъ, какъ оно признается неизмѣннымъ и со стороны самого государства. Я не рѣшился бы утверждать, что во время составленія нашихъ полиптиховъ не было извѣстнаго числа колоновъ, которые бы жаловались на свое положеніе и просили бы облегченія тяготъ. Можетъ, быть, и обратно, было и нѣкоторое число собственниковъ, которые находили, что оброки недостаточно высоки по отношенію къ величинѣ надѣловъ, и которые пытались поднять ихъ. Но въ источникахъ нѣтъ признаковъ того, чтобы жалобы однихъ или усилія другихъ получили удовлетвореніе. Вездѣ оказалось сохранено положеніе вещей, выработанное традиціей.

¹ Въ «Полиптихѣ Ирминона» въ концѣ описи помѣстья «Palaiseau» читаемъ: «Isti iuraverunt», и затѣмъ имена 21 крестьянина. Послѣ описи помѣстья «Villemeuх» опять: «Isti iurati dixerunt», и имена 43 колоновъ. Вслѣдъ за описью помѣстья «Boissy»: «Isti sunt qui iuraverunt», и 40 именъ держальцевъ. Подъ инвентаремъ помѣстья «Cercey»: «Isti iuraverunt omnia ista vera esse».—Другіе примѣры найдемъ на стр. 59, 163, 244.—Упомянутіе людей, принесшихъ присягу, встрѣчается также три раза въ «полиптихѣ св. Ремигія» (см. IX, 3; XVIII, 16; XXVIII, 54).—Кромѣ того, мы знаемъ по одной грамотѣ 828 г., какъ происходило дѣло въ помѣстьѣ «Antoigné» (Antoniacum): «Descriptionem, in qua continebatur quomodo ipsi coloni cum iuramento dictaverunt, quid per singula mansa desolvere debebant».

Въ силу именно этого, наши полиптихи, хотя и составленные во времена Карла Великаго, получаютъ для насъ такую же цѣну, какъ если бы они возникли на нѣсколько вѣковъ раньше занесенія въ нихъ именъ живыхъ лицъ, которыя фигурируютъ на ихъ страницахъ. Послѣднія сами относятся дѣйствительно къ IX-му вѣку; но семьи этихъ людей, устройство самихъ надѣловъ для держанія, цифры уплачиваемыхъ сборовъ и обязательныхъ барщинъ—все это относится къ восьмому, седьмому, шестому вѣкамъ, а, можетъ быть, и къ еще болѣе раннему времени.—Возьмемъ, къ примѣру, помѣстье *Vitriacum*. Составитель полиптиха пораженъ незначительностью оброка сидѣвшихъ на немъ колоновъ, и онъ считаетъ нужнымъ объяснять, что онъ былъ установленъ три вѣка тому назадъ, и церковь не могла измѣнить его высоты.

Впрочемъ, необходимо сдѣлать ограниченіе въ пользу одного изъ поборовъ, которые особенно часто значатся въ нашихъ полиптихахъ. Рѣчь идетъ о томъ, что называется *hostilitium* или военною повинностью. Она была учреждена, по всѣмъ видимостямъ, лишь Карломъ Великимъ: это единственное нововведеніе VIII-го вѣка; все остальное—древняго происхожденія.

Тягости колона лежали, собственно, не на его личности, но только на занятой имъ землѣ. Его положеніе и въ этомъ отличалось отъ положенія раба, который, поверхъ того, что вносилось имъ за предоставленный въ его держанье надѣлъ, платилъ извѣстнаго рода «трибутъ» въ 4—8 динаріевъ, какъ бы въ видѣ выкупа того права, какимъ владѣлъ господинъ надъ его личностью, *pro capite suo*. Колонъ же платилъ только за землю¹. Оброкъ свя-

¹ Попадаютъ исключенія, но очень рѣдко. Въ «Полиптихѣ Ирминона» (XII, 40; 41) мы видимъ двухъ колоновъ, платившихъ каждый по 12 динаріевъ за землю и по 4—«pro capite suo». Подыскивается въ томъ же памятникѣ еще шесть случаевъ (IX, 23; XII, 23; 24; XIII, 77; XXI, 77; 40; 52). — Не легко ухватить причину такихъ исключеній. Тѣмъ не менѣе подмѣчаю, что одинъ изъ колоновъ, платившихъ *capaticum*, нѣкій Сильваній, оказывается бывшимъ рабомъ, что видно изъ сличенія §§ 1 и 41 главы XII-й полиптиха. Теофридъ (въ § 40), очень возможно, находился въ такомъ же положеніи. Вполнѣ несомнѣнно, что раба (серва) чрезъ освобожденіе можно было превратить въ колона. Но освободитель имѣлъ право поставить условіе, что отпущенникъ долженъ будетъ вносить и

занъ былъ съ держаньемъ надѣла. Это настолько вѣрно, что если случалось колону занять рабскій манзъ, онъ объявлялся нести всѣ поборы и повинности, первоначально привязанные къ этому манзу. Если крестьянинъ по какому-нибудь поводу переводился съ одного участка на другой, онъ тотчасъ же долженъ былъ брать на себя тяготы, лежавшія на новомъ манзѣ ¹.

Скорѣе манзъ несъ арендную плату, чѣмъ личность сидѣвшаго на немъ колона платила подать. Потому-то мы видимъ, что если какой-нибудь колонъ занималъ половину какого-нибудь манза,—а такіе случаи повторялись довольно часто,—само собою разумѣлось, что на немъ лежала лишь половина тяготъ, связанныхъ съ этимъ манзомъ ².

Повинности колоновъ не вездѣ были однородны. Онѣ видоизмѣнялись отъ помѣстья къ помѣстью; онѣ не всегда были даже для всѣхъ одинаковы внутри одного и того же помѣстья. Если въ странѣ баваровъ церкви удалось установить для всѣхъ колоновъ единый общій порядокъ, то это произошло потому, что въ этой области пріобрѣтеніе ею земельныя имуществъ совершилось почти сразу, и церковь учредила тамъ колонатъ какъ бы въ одинъ моментъ. Не то было въ сферѣ развитія церковнаго землевладѣнія въ Галліи. Помѣстья медленно пріобрѣтались церковью одно за другимъ, и колонатъ постепенно слагался на каждомъ изъ нихъ до того времени, когда они вошли въ составъ собственности церкви. Отсюда и возникли тѣ многочисленныя неравенства въ протяженности манзовъ и въ тягости поборовъ, которыя постоянно открываютъ намъ писцовыя

дальше тотъ же личный налогъ (*capaticum*), который онъ платилъ, будучи рабомъ. Можетъ быть, въ этомъ и кроется причина уклоненія отъ общаго правила, на которое мы только что указали.

¹ Это выводится изъ многочисленныхъ примѣровъ. Мы приведемъ лишь одинъ, въ которомъ не только отмѣчается исключеніе, но и констатируется общее правило: «*Ermengarius servus tenet mansum ingenuilem; debuerat rendere censum ingenuilem; sed propter vineam, quam facit, reddit censum servilem*» (*Polyptyque d'Irminon*, 231, p. 107).

² *Polyptyque d'Irminon*, XVI, 48: «*Facit servitium de medietate mansi*».—XVII, 39: «*Facit sicut de medietate mansi*».—*Polyptyque de St. Remi*, II, 3: «*Tenet mansum dimidium ad dimidium censum*».—XVI, 5: «*Facit et solvit medietatem*».—Подобнаго рода примѣры очень многочисленны.

книги. Отсюда и часто замѣчаемое несоотвѣтствіе между этими тягостями и цѣнностью участковъ, находившихся въ рукахъ держальцевъ.

Иногда оброкъ выражается только въ денежной суммѣ. Мы находимъ, напримѣръ, одинъ *mansus ingenuilis*, который оплачивался восемью солидами ¹. Въ другомъ мѣстѣ, видимъ, одинъ колонъ платилъ 12 динаріевъ за свою землю ². Соломонъ и Бенуа держали вмѣстѣ одинъ манзъ площадью въ 7 бунуаріевъ и платили за него лишь 3 солида ³. Колонъ Гунрокъ, саксъ по происхожденію, держалъ два свободныхъ манза, и платилъ 2 солида за одинъ, 5 солидовъ за другой ⁴. За одинъ манзъ въ 25 бунуаріевъ, два совмѣстно державшіе его колона платили оба 5 солидовъ и къ этому одному сводились почти всѣ ихъ обязательства ⁵. Нѣсколько подобныхъ же примѣровъ встрѣчаются и въ полиптихахъ монастыря Ситіу и аббатства св. Ремигія реймскаго, но, какъ кажется, они представляютъ исключенія ⁶.

Менѣе рѣдки упоминанія объ оброкѣ натурою. Встрѣчаются колонны, которые, на подобіе половниковъ, воздѣлываютъ свои держанія и дѣлятся съ собственникомъ полученнымъ урожаемъ пополамъ. Этотъ порядокъ называется въ нашихъ текстахъ—*arare ad medietatem* ⁷. Правда, этимъ людямъ довольно часто предоставляется на выборъ хозяйствовать исполу или вносить опредѣленную и постоянную денежную плату, которая заранѣе назначена въ цифрѣ 12 динаріевъ или 2 солида ⁸. Въ другихъ случаяхъ говорится, что колонъ долженъ десятину со всего продукта, какой про-

¹ *Polyptyque d'Irminon*, IX, 304 (p. 116).

² *Ibidem*, XII, 40 (p. 128).

³ *Ibidem*, IX, 157 (p. 97): «Et nihil inde faciunt nisi ad luminariam St. Germani solidos tres».

⁴ *Ibidem*, XXIV, 172 (p. 268).

⁵ *Ibidem*, XXI, 79 (p. 225).

⁶ *Polyptyque de Sithiu* (въ приложеніи къ *Polyptyque de St. Germain*, p. 292, 295). — *Polyptyque de St. Remi*, VI, 29 (p. 10). — Обычай денежнаго оброка встрѣчается чаще при практикѣ мелкаго держанія на такъ называемыхъ *hospitia* или *accolae*.

⁷ *Polyptyque d'Irminon*, XII, 19 (p. 125). Другіе примѣры *Ibid.* № 22, 23, 26 (p. 126); № 32, 33 (p. 127). Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что манзы, о которыхъ здѣсь говорится, — поздняго образованія.

⁸ *Polyptyque d'Irminon*, XII, 19; 27 (p. 125, 126).

изводится на его участкѣ ¹. Иногда онъ вноситъ лишь десятую долю отъ зернового хлѣба и еще нѣкоторые другіе сборы ². Часть, причитавшаяся съ колоновъ, иногда обозначается въ нашихъ текстахъ словами *cononicum*, *agrarium* или *araticum* ³. Первый изъ этихъ трехъ терминовъ какъ будто болѣе специально служилъ наименованіемъ для долей урожая отъ вина ⁴; два послѣдніе, конечно, обозначали доли урожая отъ зерна. Иногда приходилось также платить, каждые два или три года десятину отъ овецъ ⁵. Нѣкоторые вносили натуральный оброкъ, выражавшійся въ нѣсколькихъ модіяхъ вина ⁶. «Полиптихъ св. Ремигія» вскрываетъ одну женщину-колонку, вносившую къ качеству ценза (чинша) съ своего держанья лишь 2 модія ⁷; но подобные случаи повторяются не часто.

Гораздо болѣе распространенною формою отплаты колономъ собственнику за держанье являлось въ изучаемую эпоху извѣстное количество труда на господскомъ полѣ. Дѣйствительно, въ каждомъ помѣстьѣ нѣкоторая часть выдѣлялась для непосредственнаго хозяйства собственника; она называлась—*mansus dominicus*. Въ предѣлахъ такой барской земли находилась прежде всего усадьба хозяина съ его жилищемъ и всѣми экономическими постройками, необходимыми для крупной сельской эксплуатаціи. Рядомъ располагались садъ для развлечения (*viridarium*), плодовое насажденіе и огородъ (*hortus*), наконецъ, пахотныя поля, виноград-

¹ *Polyptyque de St. Remi*, XXVIII, 46: «Dodo colonus arat maram, donat dinarios 12, et decimam de omni collaboratu».

² *Ibidem*, XXVIII, 69; 70: «Decimam de annona».

³ *Polypt. d'Irminon*, XXI, 22—26: «Solvit canonicam et agraria».—*Polypt. de St. Remi*, V, 2: «Donat araticum de suo conlaboratu». XVI, 2: «Donat araticum». XVII, 2: «Donant araticum de hibernatico aut de hordeo».—Гераръ думаетъ, что *araticum* было лишь десятиною отъ урожая.

⁴ *Polypt d'Irminon*, XXV, 3: «Solvit de vino in canonica modium unum». Cfr. *Polypt. de St. Remi*, XII, 2: «De aratico modium unum et decimam de vino». Этотъ оброкъ называется иногда *vinaticum* (*ibid.* IX, 24). Авторъ *Vita Desiderii* (с. 14) называетъ его — *canon*.

⁵ *Polypt. de St. Remi*, XVII, 2: «In altero anno decimam de vervecibus». XV, 1: «In tertio anno decimam de vervecibus».

⁶ *Polypt. de St. Remi*, XIX, 2, 7, 8, 9: «In censo novem modios de vino».—Не слѣдуетъ смѣшивать этотъ видъ оброка съ 2 или 3 модіями, которые вносились «pro pastione».

⁷ *Ibidem*, VII, 5.

ники, лѣса. Бокъ-о-бокъ или кругомъ были раскинута мелкіе манзвы держальцевъ. Въ среднемъ выводѣ хозяйская часть составляла приблизительно около трети всего помѣстья ¹.

И вотъ, общимъ, почти всеобщимъ правиломъ аграрныхъ порядковъ эпохи было обязательство держальца, былъ ли онъ рабомъ или колономъ, отдавать часть своего труда на обработку помѣщичьяго поля. Напримѣръ, одинъ колонъ, занимавшій свободный манзъ въ шесть бунуаріевъ съ маленькимъ виноградникомъ и лугомъ, «дѣлалъ» (*facit*) 3 арипенна на виноградникѣ господина. Это значитъ, что весь урожай съ его надѣла оставался въ его пользу, но взамѣнъ этого онъ обязывался обезпечить хозяйство на указанномъ клочкѣ виноградника помѣщика: эта работа составляетъ какъ бы его арендную плату ². Другой колонъ, рядомъ съ первымъ, держалъ 10 бунуаріевъ земли; онъ «дѣлалъ» 4 арипенна виноградника; кромѣ того, онъ несъ извѣстную возную повинность и обязывался исполнять еще другія ручныя работы (*manoperae*), необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ ³. Въ нѣсколькихъ помѣстьяхъ колонъ, державшій 20 бунуаріевъ, былъ повиненъ вспахать 3 бунуарія барской земли. Другой колонъ, державшій 6 бунуаріевъ, пахалъ барину 2;

¹ Выбираемъ три примѣра среди многихъ другихъ. — *Polypt. d'Irminon*, VIII, 1: «Habet in Spinogilo mansum dominicatum cum casa et aliis casticiis sufficienter; habet ibi de terra arabili bunuaria 150, de vinea aripennos 100, de prato aripennos 30; habet ibi in silva... farinarium». Затѣмъ слѣдуетъ списокъ 45 манзовъ держальцевъ. — *Polypt. de St. Remi*, XIX; «In Beconisvilla est mansus dominicatus cum aedificiis, horto et viridario seu aliis adiacentibus; sunt ibi terrae arabilis campi 32, prato 4, vineae 19». Slѣдуетъ списокъ 32 манзовъ держальцевъ. — *Polyptyque de St. Amand* (въ приложеніи къ введенію Герара въ «полиптихъ Ирминона», стр. 925): «In villa Businiaca est mansus dominicatus cum aedificiis, horto et arboreto et capella; ad mansum dominicatum pertinent de terra arabili bunuaria 16, de prato bunuaria 4, de silva bunuaria 3, molinum. — Затѣмъ слѣдуетъ описъ 23 крестьянскихъ манзовъ.

² *Polypt. d'Irminon*, I, 1: «Godeboldus colonus tenet mansum... Facit inde in vinea aripennos tres». — Кромѣ того онъ долженъ былъ предоставить трехъ цыплятъ. Мы не говоримъ о правѣ попаса на барскомъ выгонѣ, за которое онъ уплачивалъ 2 опредѣленныхъ мѣры вина.

³ *Ibidem*, I, 2: «Facit in vinea aripennos quatuor, manoperas, carroperas, caplim».

державшій 8, пахаль 4 ¹. Вотъ еще нѣкій колонъ Гаутсельмъ; онъ занималъ 12 бунуаріевъ поля, 2 арипенна виноградника и небольшой кусокъ луга; главная его повинность состояла въ обязательствѣ убрать три полосы (*perticae*) на барской землѣ (*dominicum*) ². Еще въ другомъ помѣстьѣ одинъ колонъ, державшій 6 бунуаріевъ пахотной земли, 1 арипеннъ виноградника, 2 арипенна луга, расплачивался обработкой 3 арипенновъ барскаго виноградника ³. Другой долженъ былъ пахать четыре *perticae* озимаго поля, двѣ—яровою, кромѣ того, онъ долженъ былъ огораживать четыре пертики луга и исполнять «барщины и разныя работы, которыя ему предпишутъ»; на такихъ условіяхъ онъ занималъ пять съ половиною бунуаріевъ пахоти, 4 арипенна виноградника и 4 арипенна луга ⁴.—Тейтлагій также держалъ колонскій манзъ: ему приходилось пахать четыре арипенна барской земли, «кромѣ того нести нѣкоторую повозную повинность и ручныя работы и рубить дрова» ⁵. Владѣнія какого-нибудь аббатства часто находились далеко отъ самого монастыря; и вотъ нѣкоторые колоны обязывались доставлять туда разъ въ годъ возъ съ виномъ, другіе—возъ съ хлѣбомъ. Иногда допускалось колонамъ откупаться отъ послѣдней стѣснительной повинности, и въ регистрахъ показана цѣна такого выкупа: «колонъ долженъ будетъ свезти одинъ возъ (продукта) на разстояніе 30 лейгъ (миль) или заплатить 4 динарія» ⁶. «Онъ будетъ работать на господскомъ виноградникѣ или заплатить одинъ солидъ» ⁷.

Часто вмѣсто того, чтобы опредѣлять площадь барской земли, которая подлежала обработкѣ даннымъ колономъ, памятники указываютъ число дней возложенной на него работы. Оба разсчета составляли эквиваленты. Такъ, въ одномъ помѣстьѣ, принадлежавшемъ аббатству Ситіу, колоны должны были два дня работы въ недѣлю, а рабы—

¹ *Polypt. de Sithiu* (p. 293, 294).

² *Polypt. d'Irminon*, I, 38.

³ *Ibidem*, II, 61.

⁴ *Ibidem*, XV, 3: «Actardus colonus tenet mansum ingenuilem... Arat ad hibernaticum perticas 4, ad tremisum perticas 2, curvadas, manopera, quantum ei iniungitur... pullos 3... Claudit in prato perticas 4».

⁵ *Polyptique de St. Remi*, VI, 2.

⁶ *Ibidem*, VI, 2; VII, 2; XI, 2.

⁷ *Polypt. de St. Amand*, у *Guérard*, Prolégomènes, p. 925.

три. Отмѣчаются случаи, когда и съ колона требовалось три дня въ недѣлю ¹. Есть одинъ примѣръ, когда колонъ несъ даже до 5 дней, и писцовая книга подчеркиваетъ, что избавлялся онъ отъ барщины лишь въ недѣлю Рождества, Пасхи и Вознесенія ². Вальтбертъ, колонъ, державшій манзъ, долженъ былъ во время сбора винограда пятнадцать дней барщины на собственномъ содержаніи; владѣлецъ могъ потребовать отъ него и дополнительныхъ дней, но подъ условіемъ доставленія ему продовольствія ³.

Обычнѣ всего, наконецъ, повинности колоновъ составлялись частью изъ денегъ, частью изъ натуральныхъ поставокъ и частью изъ пахотныхъ дней и другихъ работъ на барской половинѣ. Такъ, одинъ колонъ, державшій около 6 бунуаріевъ земли, несъ ежегодно 10 динаріевъ, 3 курицы и 15 яицъ, вспахивалъ полосу поля и работалъ на барина одинъ разъ въ недѣлю» ⁴. Гильдегарій платилъ ежегодно 3 солида денегъ и обязывался обработать 6 пертикъ ⁵. Еще одинъ, державшій 12 бунуаріевъ, обязанъ былъ, за вычетомъ воинской повинности, пахать 6 пертикъ, убирать 2 пертики, работать три дня въ недѣлю и доставлять два воза въ годъ для переправы продукта ⁶. Въ помѣстьѣ Магіаситъ, гдѣ повинности были одинаковы для всѣхъ, каждый колонъ доставлялъ 5 мѣры овса, четыре мѣры бобовъ, нѣсколько цыплятъ, горчицы; кромѣ того, они исполняли работы на барскомъ полѣ, разсѣвая при этомъ 2 мѣры собственного зерна ⁷. Въ одномъ помѣстьѣ изъ числа принадлежавшихъ аббатству Сенъ-Реми, съ cadaго колонскаго манза, требовалось три съ половиною опредѣленныхъ мѣры пшеницы, двѣ опредѣленныхъ мѣры дровъ и 250 дранокъ; кромѣ того, они давали возы для доставки въ монастырь хлѣба, сѣна, вина ⁸. Одинъ колонъ, занимавшій болѣе 16 бунуаріевъ земли, въ полѣ, виноградникѣ и лѣсѣ, пахалъ 4 пертики озимаго господскаго поля, 2 пертики яро-

¹ *Polypt. d'Irminon*, XIV, 22.

² *Polypt. de St. Maur*, въ приложеніи къ *Polypt. d'Irm.*, p. 285.

³ *Polypt. de St. Remi*, X, 6.

⁴ *Polypt. d'Irminon*, XXIV, 152.

⁵ *Ibidem*, VII, 76.

⁶ *Ibidem*, XXIV, 2.

⁷ *Polypt. de St. Maur*, p. 285.

⁸ *Polypt. de St. Remi*, XIII, 11.

вого и культивировалъ 2 арипенна виноградника; онъ же поставлялъ нѣсколько цыплятъ, обязывался тремя днями барщины въ недѣлю, двумя на полѣ, однимъ во дворѣ; наконецъ онъ несъ и повозную повинность, «когда ему прикажутъ»¹. Другой пахалъ 6 пертикъ и долженъ былъ три барщинныхъ дня каждую недѣлю². Тридцать два колона, занимавшіе помѣстье Tasiacus, должны были каждый по 2 динарія взамѣнъ извоза, пахали по 2 арипенна, производили девять барщинъ въ годъ, доставляли 12 большихъ мѣръ полбы, десятину отъ своего вина и нѣсколько повозокъ дровъ³.

Случается, что предѣлы работъ и число барщинныхъ дней, должныхъ господину, не обозначены въ писцовыхъ книгахъ. Одинъ колонъ, Гаирмундъ, обязывался нести полевые и ручныя работы и рубить деревья «такъ часто, какъ ему прикажутъ»⁴. Другой, за участокъ въ 11 бунуаріевъ, обрабатывалъ 9 пертикъ, долженъ былъ одинъ день труда въ годъ для окапыванія канавъ и обязывался нести всякаго рода барщины на полѣ и во дворѣ «по требованію»⁵.

Работы, возлагавшіяся на колоновъ, были всякаго рода. Одинъ приготавливалъ известь, другой варилъ пиво, третій окапывалъ канавы, городилъ заборы кругомъ садовъ и дворовъ, вывозилъ навозъ. Такой-то обязывался изготовить въ теченіе года назначенное количество досокъ и обручей для бочекъ; другой—извѣстное количество теса и гонта для исправленія кровель въ барской усадьбѣ. Все здѣсь предусмотрено и обозначено. Колонъ поставить пятьдесятъ штукъ теса, если онъ самъ даетъ лѣсъ, сто, если онъ дѣлаетъ тесины изъ барскаго матеріала⁶.

Какъ видно, фактически господствовало въ описываемыхъ отношеніяхъ большое разнообразіе. Но въ сущности подъ такою безконечною пестротою открывается общее и постоянное начало: колонны обязуются обрабатывать землю господина и поддерживать его усадьбу. Такова была глав-

¹ *Polypt. d'Irminon*, XIV, 3.

² *Ibidem*, XIV, 22.

³ *Polypt. de St. Remi*, XII.

⁴ *Polypt. d'Irminon*, II, 3: «Quantum ei iubetur».

⁵ *Ibidem*, III, 2: «Quantum ei iniungitur».

⁶ *Ibidem*, IX, 9.

ная повинность. Они оплачивали собственника меньше деньгами, чѣмъ трудомъ. Послѣдній извлекалъ изъ колоновъ нѣкоторыя денежныя суммы, нѣкоторую массу продукта; но прежде всего онъ требовалъ отъ нихъ обработки его собственной земли. Они расплачивались за уступленные имъ участки, вспахивая барскую землю, обрабатывая его виноградникъ, производя у него жатву и сборъ винограда, исправляя кровлю его дома, перевозя его вино и хлѣбъ.

Всѣ сгруппированные факты разъясняютъ, если мы не ошибаемся, сущность колоната. Колонать всегда сопутствовалъ раздѣленію помѣстья на двѣ части, которыя обѣ принадлежатъ какъ собственность одному господину, но изъ которыхъ одна уступлена имъ въ держанье колонамъ. Напомнимъ, что мы уже обнаружили такой раздѣлъ помѣстья въ тѣхъ немногихъ памятникахъ о земельной собственности, которые оставила римская имперія. Такой же раздѣлъ вновь открывается въ памятникахъ меровингской эпохи. Хартіи и формулы констатируютъ его постоянно¹. Полиптихи показываютъ, что такова была повсюду распространенная система. Велико ли помѣстье или незначительно, земля его всегда распадается на-двое. Таковъ органической строю земельного имущества.

Теперь мы видимъ, что этотъ организмъ, который такъ хорошо описанъ въ полиптихахъ, сложился не въ эпоху, когда они были составлены. Мы имѣемъ дѣло и здѣсь съ обычаемъ или явленіемъ, идущимъ очень издалека. Вилла Vitriacus, напримѣръ, уже тогда, когда она находилась въ собственности Елевтерія и Евсебіи, раздѣлялась на *mansus dominicalis* и рядъ *mansi* различныхъ держальцевъ². Возьмите также любую виллу изъ земель королевскаго фиска³, или изъ частныхъ владѣній, о которыхъ упоминается въ грамотахъ, возьмите церковныя помѣстья, и вездѣ вы найдете то же самое раздѣленіе. Среди помѣстій, принадле-

¹ Грамота 671 г. въ *Diplomata*, № 365: «Dono mansos dominicos» — Грамота 691 г. № 414: «Dono mansum indominicatum cum adiacentiis, campis, silvis»...—Грамота 694 г. № 432: «Dono illum mansum indominicatum».—*Formulae*, ed. de Rozière, № 140: «Mansum dominicum et mansos serviles». — № 231: «Mansum indominicatum cum 4 mansis servilibus».

² *Polytyque d'Irminon*, X, 1—3.

³ *Ibidem*, II.

жавшихъ монастырямъ *St. Remi de Reims*, *St. Germain des Près* или *St. Amand*, было, конечно, очень много, пожалованныхъ аббатствамъ частными семьями, которая владѣли ими съ незапамятныхъ временъ. Въ этихъ доменахъ положеніе колоновъ оказывается далеко не вездѣ тождественнымъ; но во всѣхъ мы находимъ колоновъ-держальцевъ, и во всѣхъ находимъ также барскую землю (*dominicum*), которая обрабатывается трудомъ ихъ рукъ. Поищемъ происхожденія такого сочетанія двухъ элементовъ — колоната и барской земли,—поднимаясь назадъ изъ вѣка въ вѣкъ: мы дойдемъ до эпохи, когда образовались крупныя *villae*, и эта эпоха есть время поздней римской имперіи. Внимательное изслѣдованіе фактовъ, которые не мѣсто здѣсь разсматривать, показываетъ, что тамъ въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ крупная собственность почти повсемѣстно замѣнила мелкую. Очевидно, владѣльцы этихъ большихъ помѣстій не нашли простѣйшаго и болѣе вѣрнаго способа ихъ эксплуатаціи, чѣмъ та система, образцомъ которой являлся *saltus Burunitanus* уже во второмъ вѣкѣ, то-есть, именно порядокъ раздѣла помѣстья на двѣ части, изъ которыхъ одна сохранялась для непосредственнаго хозяйства собственника, другая же раздавалась держальцамъ. Такая система шла параллельно развитію колоната и содѣйствовала его широкому распространенію въ III-мъ и IV-мъ вѣкахъ. Такимъ образомъ практика рабскаго и колонатнаго землепользованія утвердилась какъ лучшій возможный способъ обезпечить культуру крупныхъ помѣстій.

Проходили вѣка, но каждое помѣстье, такъ расчлененное, оставалось неизмѣннымъ. Раздѣлъ «виллы» надвое и наличность колоновъ являются двумя параллельными чертами, которыя мы можемъ прослѣдить въ постоянномъ сопутствіи другъ другу изъ поколѣнія въ поколѣніе. Франкскіе собственники, которые часто наслѣдовали римскимъ, собственники церковные, которые стали на мѣстѣ свѣтскихъ, ничего не измѣнили во внутреннемъ строѣ помѣстій. Прослѣдите, на-примѣръ, дѣйствія аббата Сень-Жерменскаго монастыря. Онъ владѣлъ болѣе, чѣмъ 50 *villae*, изъ которыхъ каждая равнялась, примѣрно, современному селенію. Онъ могъ сохранить лично для своего употребленія изъ ихъ части два или три цѣлыхъ помѣстья, чтобы превратить ихъ въ великолѣпныя роскошныя резиденціи, а остальные, также въ цѣломъ

видѣ, раздать держальцамъ. Но онъ никогда такъ не поступалъ. Если у него 50 помѣстій, то въ нихъ пятьдесятъ разъ повторяется *mansus dominicatus*, и во всѣхъ пятидесяти располагается рядъ участковъ держальцевъ (*mansī serviles, ingenuiles*). Дѣло въ томъ, что подобное дѣленіе тѣснѣйшимъ образомъ связано было съ институтомъ колоната. Въ сущности барская земля (*mansus dominicatus*) воздѣлывалась трудомъ колоновъ, сидѣвшихъ на отданныхъ подъ держанье участкахъ (*mansī colonorum*): хозяйство на ней обезпечивалось существованіемъ рядомъ крестьянскаго держанья. Касаться такого внутренняго устройства сельскаго помѣстья (*domaine rural*), — это значило, во-первыхъ, ставить неодолимые препятствія для его эксплуатаціи, это значило, затѣмъ, видоизмѣнять положеніе людей, осѣдлыхъ на немъ. Между тѣмъ никто не думалъ о такомъ рѣшительномъ переворотѣ. Такое раздѣленіе помѣстья на двѣ части, одну — высшую, другую — низшую, причемъ первая воздѣлывалась силами второй, — въ этомъ, быть можетъ, воплощается самый капитальный результатъ аграрнаго развитія изучаемой эпохи въ исторіи человѣчества. И этотъ фактъ является однимъ изъ тѣхъ социальныхъ обычаевъ, которые обнаруживаютъ особенно могущественное и особенно долгое вліяніе на судьбы людей и народовъ.

Однако, наша задача здѣсь останавливается. Мы разыскивали всѣ факты и всѣ тексты, которые могли помочь намъ уразумѣть римскій колонатъ. Въ первую эпоху римской имперіи мы нашли лишь нѣсколько освѣщающихъ его словъ, какъ бы случайно вырвавшихся у Варрона, Колумеллы и Плинія, и открыли нѣсколько правовыхъ положеній, которыя только косвеннымъ путемъ дали жизнь колонату. Во второмъ вѣкѣ одна надпись показала намъ нѣсколько важныхъ фактовъ: существованіе колоновъ, добровольно наслѣдственныхъ, внесеніе ими въ уплату за занятые участки доли урожая и исполненіе нѣсколькихъ барщинныхъ работъ, культуру барской половины помѣстья трудомъ крестьянъ-держальцевъ. Писатели III-го и IV-го вѣковъ, сообщая о колонахъ, приводившихся изъ Германіи, обнаружили намъ настолько быстрое распространеніе института колоната, что

туземныхъ жителей имперіи уже не хватало для пополненія его рамокъ. Отъ IV-го и V-го вѣковъ у насъ остались законы; но они знакомятъ насъ лишь съ нѣкоторыми сторонами и правилами колоната. Тѣмъ не менѣе намъ удалось установить, что не законодательство его создало. Мы не оставили въ сторонѣ и документы послѣдующихъ вѣковъ. И они не только доказали намъ продолженіе существованія колоната, но и лучше выяснили нѣкоторыя изъ его древнихъ особенностей. За отсутствіемъ земельныхъ описей римской имперіи мы изучили полиптихи IX-го вѣка, и намъ оказалось возможнымъ усмотрѣть въ нихъ потомковъ римскихъ колоновъ занимающими надѣлы своихъ предковъ и уплачивающими, за немногими измѣненіями, тѣ же самые оброки, несущими тѣ же работы на барской землѣ. Мы смогли, такимъ образомъ, слѣдовать за развитіемъ колоната изъ вѣка въ вѣкъ, съ документами въ рукахъ, которые изъ вѣка въ вѣкъ становились болѣе многочисленными, хоть и оставались все же недостаточными. Мы не претендуемъ на полное знаніе до глубины—ни происхожденія, ни всѣхъ признаковъ колоната. Мы не отвѣтили на всѣ вопросы, которые связаны съ познаніемъ этого своеобразнаго явленія. Мы скорѣе усиливались только поставить важнѣйшія задачи и показать трудности, связанныя съ ихъ разрѣшеніемъ.

Оглавленіе.

	СТРАН.
Предисловіе (отъ редактора русскаго перевода)	III
Введеніе (автора)	1
ГЛАВА I. Памятники отъ двухъ первыхъ вѣковъ имперіи. Съемщики по контракту, мало-по-малу превращавшіеся въ колоновъ	7
ГЛАВА II. Памятники временъ Антониновъ.—Saltus.—Колоны въ «saltus Burunitanus»	24
ГЛАВА III. Памятники III-го и IV-го вѣковъ. Колоны, приве- зенные изъ Германіи	43
ГЛАВА IV. Рабское держаніе	55
ГЛАВА V. Занесеніе колоновъ въ списки ценза	72
ГЛАВА VI. Документы, извлекаемые изъ кодексовъ, и законо- дательная санкція колоната	89
ГЛАВА VII. Положеніе колоновъ съ точки зрѣнія права	101
ГЛАВА VIII. Обязательства колоновъ по отношенію къ соб- ственнику.—Барщины и оброки.—«Помѣстные уставы»	123
ГЛАВА IX. Нѣсколько замѣчаній о колонатѣ	145
ГЛАВА X. Послѣ-римскіе памятники о колонатѣ	153
